

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№ 10 ОКТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2019

Жил достойно и в славе, и в боли...

О жизни и творчестве художника Энди Уорхола читайте на странице 72.

Это интересно

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Легенда о любви	4
<i>Ирина Опимах</i>	Энди Уорхол. «Банки с супом Кэмпбелл»	72
<i>Надежда Бессонова</i>	Дорогами фантазии	116

Судьбы

<i>Владимир Братченко</i>	Кругосветное путешествие доктора Н.К. Судзиловского	14
---------------------------	--	----

Рассказ

<i>Илья Пряхин</i>	Ланселот и Гвиневра	28
--------------------	----------------------------------	----

Замечательные современники

<i>Николай Долгополов</i>	Конец игры	57
<i>Елена Воробьева</i>	Наталья Зимина: «Главный мой педагог и критик — моя мама»	65

Неизвестное об известном

<i>Алла Зубкова</i>	Лопе де Вега. Звезда Испании	82
<i>Юрий Осипов</i>	Иосиф Бродский. «Что сказать мне о жизни?»	94

Поэзия

<i>Ирина Путьева</i>	Стихи	112
----------------------	--------------------	-----

Детектив

<i>Ольга Степнова</i>	Моя шоколадная бэби	122
-----------------------	----------------------------------	-----

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актер театра и кино
Николай Караченцов

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

Можайский
полиграфический
комбинат

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 9550

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.09.2019

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« Русские символисты восприняли как откровение поэзию и философию Владимира Соловьева. Глубокая духовность, таинственная недосказанность, укрытая покровом ярких символов, — вот что привнес в отечественную поэзию этот оригинальнейший мыслитель-идеалист, тончайший философский лирик, пронзительный критик и публицист...

Юрий **Осипов** «Рыцарь-монах»

« Имя Льва Троцкого известно ничуть не меньше, чем имена Владимира Ленина и Иосифа Сталина, но... Но если два последних были «вождями и учителями», то Троцкий уже через несколько лет после революции упоминался исключительно как оппозиционер, предатель и враг народа. Позже Сталин тысячу раз пожалел о том, что не уничтожил своего заклятого врага сразу, а вынужден был потратить массу изобретательности и денег, чтобы избавиться от опасного соперника. Хотя в последние годы своей жизни Троцкий был соперником всего лишь в воображении «вождя и учителя».

Светлана **Бестужева-Лада** «Демон революции»

« На долю супруги Александра I, Елизаветы Алексеевны, выпала судьба, полная любовных томлений, несбывшихся надежд и горьких разочарований. Приехав в Россию тринадцатилетней девочкой, она через год стала женой наследника престола. Начавшийся счастливо брак вскоре дал трещину, и жизнь обоих, можно сказать, шла как бы параллельным курсом. В последние годы между супругами восстановилась духовная связь, которая, казалось, бесследно исчезла. Императрица трогательно ухаживала за мужем во время его неожиданной и фатальной болезни. Пережила она его всего на полгода...

Алла **Зубкова** «Печальная императрица»

« Окончание детектива Ольги **Степновой** «Моя шоколадная бэби»

ЛЕГЕНДА О ЛЮБВИ

Существует красивая легенда о том, как князь Александр Гагарин, без ума любивший свою молодую жену Анастасию, построил для нее в своем имении в Крыму недалеко от Алушты сказочной красоты рыцарский замок и тем самым увековечил свою любовь в камне.

Действительно, в местечке Кучук-Ламбат, возле мыса Плака, в роскошном парке стоит настоящий рыцарский замок, когда-то принадлежавший вдове князя Гагарина. История это долгая и, по большей части, печальная, если не сказать — трагическая.

И начиналась она не с любви пожилого князя к молодой грузинской княжне Анастасии Орбелиани, а гораздо раньше. И совсем с другой любви.

Когда-то в этой красивой долине было имение генерал-лейтенанта, таврического гражданского губернатора Андрея Михайловича Бороздина, у которого были две дочери — Мария и Екатерина. О судьбе младшей известно немного: она вышла замуж за поручика Лихарева, но вскоре после свадьбы он был осужден по делу декабристов, и больше супруги не виделись.

Судьба старшей дочери, Марии, оказалась еще трагичнее. Случайно она познакомилась с подполковником Иосифом Поджио, братом знаменитого декабриста, вдовцом с четырьмя детьми, оставшимися после умершей в родах жены.

Как выяснилось позже, он тоже был декабристом, к тому же католиком. Узнав об этом, родители пригрозили лишить дочь приданого — не помогло. Мария тайно обвенчалась с Иосифом по католическому обряду, тайно встречалась с ним, оставаясь жить в родительском доме. Вскоре выяснилось, что у нее будет ребенок. Это немного смягчило родителей, но... Иосифа арестовали и приговорили к ссылке.

Ребенок, сын, родился, когда его отец находился в заключении в Шлиссельбургской крепости и готовился ехать в Сибирь. Мария отвезла новорожденного сына к свекрови и стала собираться следовать за мужем хоть на край света — как Волконская.

Но губернатор Бороздин мало походил на генерала Раевского. Вме-

сто того чтобы благословить Марию, он использовал все свои связи и лично государю передал просьбу оставить итальянца навечно в Шлиссельбургской крепости. Просьба была удовлетворена.

Восемь лет Мария Бороздина ждала мужа, писала во все централы. Но каждый раз получала ответ: «Здесь такой не значится».

Бороздин, наконец, убедил дочь в том, что для облегчения участи мужа она должна развестись и выйти замуж за того, кто действительно ее достоин, с точки зрения родителей.

Мария подчинилась, тем более что в глазах православной церкви не считалась замужней; развод даже не пришлось оформлять. Сын так и остался у бабушки: за восемь лет она видела его пару раз и практически не испытывала к нему никаких материнских чувств. Уехала в Одессу, к дальнему родственнику — знаменитому генерал-губернатору Новороссии графу Михаилу Семеновичу Воронцову.

Там состоялось ее знакомство с 33-летним адъютантом графа, обаятельным острословом князем Александром Ивановичем Гагариным. За него она и вышла второй раз замуж: князь настойчиво добивался руки разведенной женщины с трагической судьбой.

Совсем скоро после этого умер ее отец, сенатор Бороздин, завещав Марии свое имение в Кчук-Ламбате. Они начали обустроить под себя дворец, но в 1845 году князя Ворон-

*Иосиф
Викторович
Поджио*

цова перевели на службу в Тифлис кавказским наместником. С ним поехали и супруги Гагарины.

Мария уезжала почти с радостью — подальше от прошлого и грустных воспоминаний, к новой, как ей казалось, жизни.

В Грузии у нее появилась подруга — княжна Анастасия Орбелиани — из очень древнего грузинского рода, по преданию, переселившегося в Грузию из Китая за 600 лет до н.э. Ее мама считалась одной из самых красивых женщин в Тифлисе, и современники утверждали, что Анастасия была очень похожа на мать.

Обаяние, ум, воспитание делали ее неотразимой. Она легко сходилась с людьми, но душу открывала только самым близким. Таковой и стала для нее Машенька Бороздина. Трагическая история молодой женщины потрясла княжну, но больше всего поражала та нежность, с которой князь Гагарин относился к своей супруге. Именно такой Анастасия представляла себе идеального супруга.

Но судьба не подарила истерзанной душе ни счастья, ни хотя бы долгих лет спокойной жизни. Мария часто болела, чахла. Семейная жизнь с князем не задалась, потому что

*Мария
Андреевна
Бороздина*

она продолжала любить своего Иосифа и не могла забыть его. В 1849 году, узнав о смерти первого мужа в Сибири, Мария после бала, разгоряченная танцами, намеренно приняла холодную ванну и, как пишут мемуаристы, почти тотчас скончалась от удара.

Безутешный князь — он любил ее искренне и нежно — искал забвения в службе, он стал уже кутаисским генерал-губернатором.

Для Кутаиси и губернии Гагарин сделал много полезного. Будучи большим любителем садоводства, он прикладывал все усилия, чтобы приохотить к нему местных: разбил в

Кутаиси роскошный городской сад и выписал редкие виды деревьев, построил ферму, на которой завел лучшие сорта винограда (так распространил он сорт винограда «Изабелла»). А еще построил здание гимназии и два моста через Риони.

В 1849 году после смерти супруги Марии Гагарин унаследовал крымское имение жены Кучук-Ламбат (Нижний Маяк) и продолжал его благоустраивать, поддерживать в отличном состоянии парк, заложенный тестем.

Смерть Марии стала для Анастасии неподдельным горем и... лучиком надежды. Она самой себе не

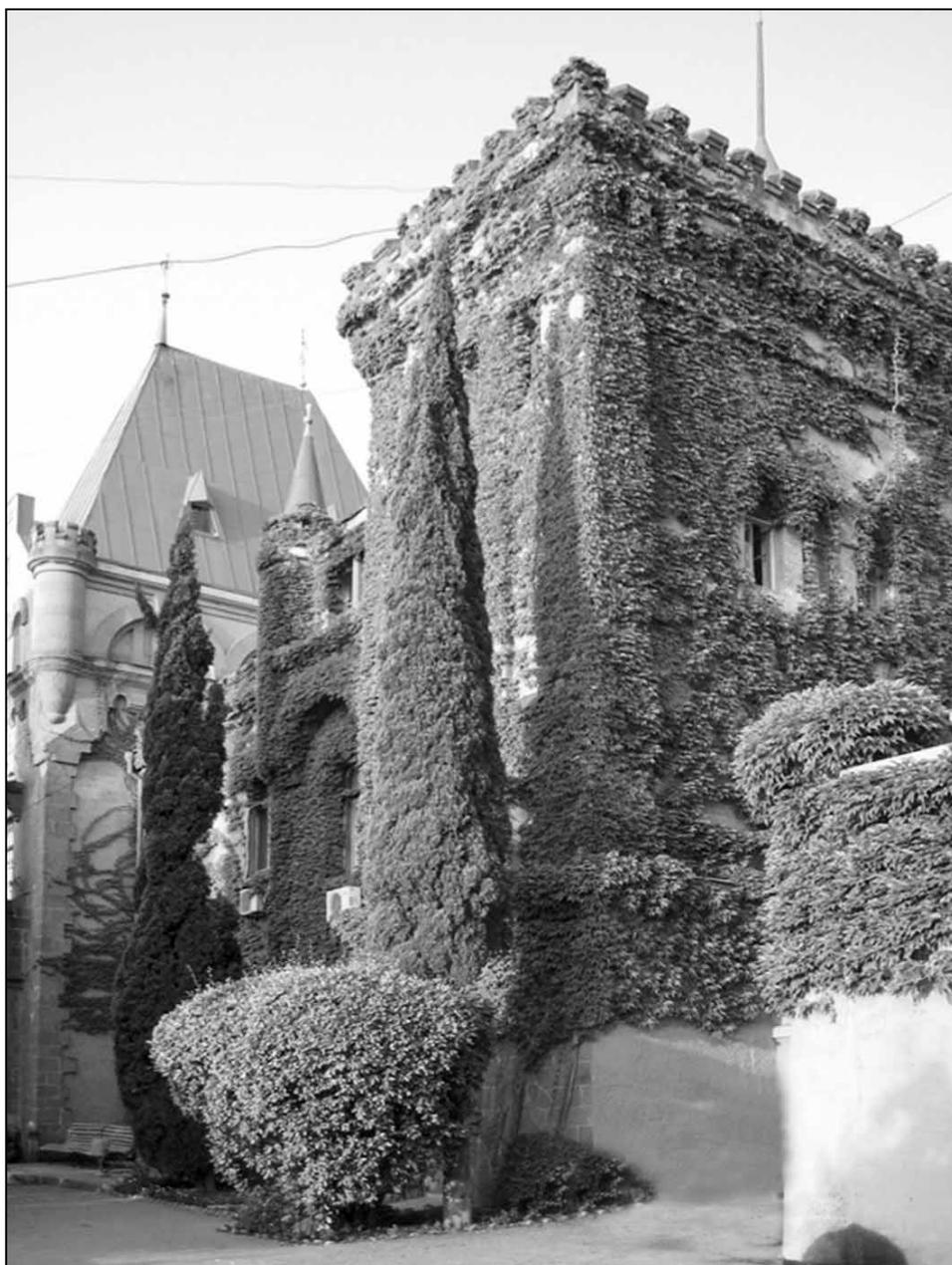
признавалась в том, что без памяти влюбилась в мужа подруги. Отныне для нее не существовало других мужчин. Молодая красавица отказывала самым завидным женихам, изумляя и огорчая этим родных.

Прошло четыре долгих года, во время которых князь и княжна виделись лишь изредка, но эти встречи для обоих были радостью. И, наконец, пришел тот день, когда Александр Гагарин понял, что княжна Анастасия — не просто ближайшая подруга его покойной жены, но и очень близкий ему человек. Князь сделал предложение молодой красавице, чувства к которой захватили его с головой. Четверть века разницы в возрасте не имели никакого значения: это был брак по взаимной любви, союз двух родственных душ.

Гагарин любил говорить жене, что когда-нибудь они вернутся в его имение в Крым, где он построит для своей прекрасной жены самый красивый в мире замок. А в парке при нем будут играть их дети...

Не случилось. Прожили они вместе совсем недолго, всего 4 года. В 1857 году губернатор Кутаиси Александр Иванович Гагарин был застрелен сванским князем Константином Дадешкелиани, «мстившим» за порабощение Грузии. От мстителя, убившего ни в чем не повинного человека, которого в Грузии любили и уважали, отшатнулись все, он вынужден был бежать в Турцию, где следы его затерялись.

Ужасное известие потрясло Анастасию так, что родные опасались за ее рассудок. Два месяца княгиня не выходила из своей комнаты,

вспоминая счастливые годы, проведенные с мужем.

А потом, неожиданно для всех, вышла к родным и заявила, что уезжает в Крым, в имение своего супруга Кучук-Ламбат. Мать пыталась отговорить дочь, твердила, что она еще молода, хороша собой, богата, наконец, что обязательно снова найдет свое счастье. Но Анастасия была непреклонна в своем решении.

Летом 1857 года она переехала в имение Кучук-Ламбат, привезя с собой прах погибшего мужа, и навсегда поселилась там, ведя затворнический образ жизни и занимаясь благотворительностью.

Она бескорыстно помогала людям. Кому советом, кому деньгами, кому устройством на работу... Сколько раз, узнав, что кто-то из ее подопечных попал в беду, Анастасия бро-

*Князь
Александр
Иванович
Гагарин*

сала все дела и мчалась на выручку в Ялту, Алушту, Симферополь. Только пьяницы твердо знали, что не получат от княгини никакой помощи. Их она терпеть не могла!

На свои деньги княгиня построила небольшую больницу, содержала медперсонал, закупала лекарства, лечила больных из окрестных деревень. А еще со страстью занималась благоустройством имения...

Первый его владелец, таврический губернатор Бороздин, был человеком спокойным, творческим, любил природу, высоко ценил ее

красоту и имел возможность ее приумножить. По его приказу на территории имения разбили прекрасный парк, в котором было собрано до 200 видов растений, привезенных из стран Средиземноморья, Японии, Северной и Южной Америки. Тис ягодный тысячелетнего возраста, 800-летний самшит, лавр, маслина европейская, олеандр, кипарис лузитанский, кедр ливанский, багряник, бамбук-листоколосник сизо-зеленый, банан Басио (родом из Японии, в Крыму он не вызревает), инжир, китайская глициния, веер-

*Анастасия
Давидовна
Гагарина
(Орбелиани)*

ная пальма, каштан, вавилонская ива...

В этом парке все было устроено так, что круглый год не прекращалось цветение тех или иных растений и деревьев. До недавнего времени у входа с запада, со стороны оранжереи, парк украшал редкий экземпляр огромной алеппской сосны, живописно нависавшей над обрывом. Из-за оползня могучее дерево рухнуло в море. Александр Сергеевич Грибоедов в своих «Путевых заметках», назвал этот парк «премией природы, которой можно

пользоваться... не выезжая из отечества».

А внизу живописно застыли птичьи скалы, которые запечатлены во многих советских фильмах, например, в «Бриллиантовой руке».

Вдова Анастасия Гагарина больше не вышла замуж. Став хозяйкой Кучук-Ламбата, она основала церковь св. Александра Невского, в честь небесного покровителя супруга. Богато украшенная мозаикой церковь была освящена в 1902 году.

И тогда княгиня решила воплотить в жизнь мечту своего покойно-

го мужа: построить среди роскошного парка замок-мечту, памятник их короткой и яркой любви. В том же 1902 году 77-летняя княгиня, понимая, что жизнь уже на излете, начала строительство по проекту и под надзором известного крымского архитектора Н.П. Краснова.

Кроме местных материалов использовали и привезенные из Италии (мрамор и плитка), Франции (венецианское стекло), Германии (черепица). Получилось настоящее чудо в стиле французских и немецких средневековых замков, которое отличают безупречные пропорции и сочетание цветов, стро-

гая лепка, башенки, шатровые крыши.

На фронте герб и девиз Гагариных «В древности — сила!»

Каменотесы, столяры, плотники, облицовщики были привезены из разных областей России. Само здание построено из местного серого известняка, поверхность которого, в зависимости от задуманного архитектором декоративного эффекта, то гладкая, то грубо обработанная под «дикий камень».

Зубчатые стены, увитые плющом, островерхая крыша, узкие круглые башенки напоминают средневековые готические замки.

Утопающий в зелени замок переносил посетителя в средневековье, в эпоху рыцарей. В парке и по сей день растут миндаль, оливы, ливанские кедры, 800-летний тис ягодный, филлирея, которой 300 лет. Но былого великолепия уже нет: сказались землетрясение 1927 года, оккупация Крыма во время Великой Отечественной войны и абсолютное равнодушие к парку его новых хозяев: через несколько лет после революции в Кучук-Ламбате был построен военный санаторий.

В чудо-замке разместилась администрация, что, как ни странно, позволило сохранить его интерьер почти без изменений.

У главного входа в стене высечены два рыцаря, на щите у них изображен родовой герб князей Гагариных и надпись «В древности — сила!» Хотя, на мой взгляд, этот замок больше говорит о том, что сила — в любви и верности.

В 1907 году строительство было полностью завершено. Над мысом Плака вознесся трехэтажный красавец-дворец, от которого и сегодня не отвести восхищенных глаз.

И в этот же год умерла Анастасия Гагарина, завещав дворец своей племяннице. Княгиню похоронили в церковном дворике. Говорят, что ее призрак иногда можно встретить во дворце.

Унаследовавшая имение княгиня Елена Тархан-Моурави недолго наслаждалась тишиной и покоем. После революции имение превратилось в санаторий, а княгиня так и

доживала свой век в двух комнатах бывшего своего дворца. Здесь составляла она каталог богатой библиотеки, которую подарила при открытии дому отдыха.

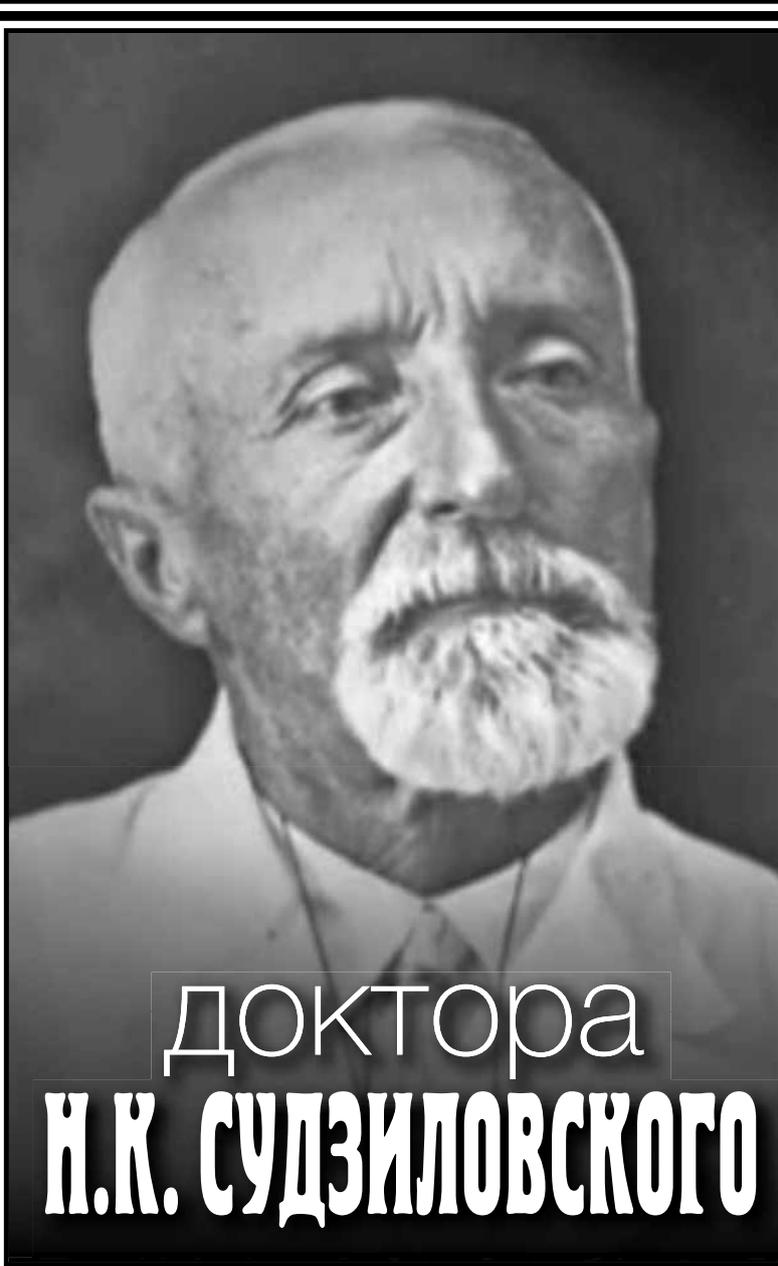
Княгиня Тархан-Моурави скончалась в 1922 году и похоронена рядом с могилой Гагариной. А драгоценная библиотека исчезла в годы гитлеровской оккупации.

Памятник княгине Анастасии Гагариной «Памяти любви» (скульптор В. Гордеев) был установлен в 2007 году рядом с построенным ею рыцарским замком, который еще сто лет назад стал единственным на земле памятником женской любви и верности.

Прекрасная женщина смотрит на дворец своей мечты. □

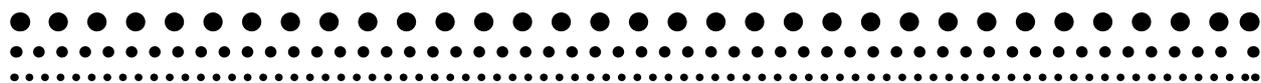
КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Нашего соотечественника Николая Константиновича Судзиловского, о котором пойдет речь, часто называют первым и последним энциклопедистом XX века. И с этим трудно не согласиться. По специальности он был врач-хирург, имел степень доктора медицины. Его работы в области тропических заболеваний, хирургии, методов лечения туберкулеза, теории глазных болезней и открытые им болезнетворные тельца, названные его именем, можно найти в медицинских справочниках. Он занимался генетикой, биологией, агрономией, этнографией, был членом Американского общества генетиков и научных обществ Японии и Китая. Вдобавок, открыл ряд островов в Тихом океане, а его географические описания Гавайев

и Филиппин вошли в учебники для школ и вузов. Он был писателем и философом, журналистом и политиком, знал восемь европейских языков, а также китайский и японский. Невероятно, но факт: Судзиловский был первым президентом сената в парламенте Гавайских островов, но даже эта, возможно, самая яркая и фантастическая страница его жизни, всего лишь эпизод в его поистине невероятной биографии. В то же время он был одним из первых революционеров-народников, неутомимым борцом против царского самодержавия. Он не принадлежал ни к одной партии, называл себя «практическим революционером», тем не менее, стоял у истоков зарождения социалистического движения в Румынии и Болгарии. Любовь к России каким-то непостижимым образом сочеталась в нем с планами убийства царя. Как опасный преступник он был объявлен в международный розыск и в возрасте 25 лет, спасаясь от царской охраны, покинул Россию.

За 55 лет скитаний по миру Судзиловский совершил поистине кругосветное путешествие, но завершить его и вернуться на родину так и не смог.

Николай Константинович родился 15 декабря 1850 года в городе Могилеве в обедневшей белорусской дворянской семье. Отец Николая, Константин Владимирович, служил секретарем могилевской палаты гражданского и уголовного суда. В семье было восемь детей, Коля был старшим и с детства помогал по хозяйству, а отцу — разбирать его бумаги. В 1868 году Николай с отличием окончил могилевскую гимназию и поступил в Петербургский университет на юридический факультет. Осенью 1868 года университетское начальство, по указанию полиции, ввело жесткие правила контроля над студентами, что вызвало у них протесты

и манифестации. Николай был в первых рядах бунтовщиков. За распространение антиправительственных листовок его неоднократно задерживала полиция, и уже на первом курсе он был изгнан из университета. Отчисленные студенты имели право продолжить учебу в периферийных вузах России. К тому времени Николай разочаровался в юриспруденции, его стала интересовать медицина, и он отправился в Киев, где поступил на медицинский факультет Киевского университета. За блестящие способности и трудолюбие преподаватели считали студента Судзиловского своим коллегой. В Киеве Николай сблизился

с «народниками» и организовал тайный кружок «Киевская коммуна революционеров». «Коммунаров» объединяла идея свержения царского самодержавного строя. Они замыслили покушение на Александра II во время его предполагаемого визита в Румынию проездом через Киев, и с этой целью приступили к изготовлению бомбы, взрывчатку для которой готовила легендарная «бабушка русского анархизма», знаменитая террористка Брешко-Брешковская. Однако полиция выследила заговорщиков. Начались их аресты, и Судзиловский попал в список 53-х самых опасных преступников. Ему все же удалось скрыться от полиции, а вот медицинский факультет он так и не закончил, хотя был уже на пятом курсе.

Находясь на нелегальном положении, Судзиловский объявился в городе Покровске (ныне город Энгельс), где устроился в контору на железнодорожной станции. У него появилась возможность осуществить на практике «хождение в народ». Он проводил беседы с железнодорожными рабочими, рассказывал им о восстании декабристов, о революционных кружках Герцена и Петрашевского, распространял запрещенную политическую литературу. Как результат, его уволили с работы. Тогда он уехал в город Николаевск (ныне город Пугачев), где ему помогли устроиться фельдшером в тюремную больницу. Молодой революционер и тут зря время не терял. Он задумал побег

из тюрьмы политических заключенных. По разработанному им плану один из заключенных пригласил охранников на чай, как это случилось и раньше. Стражи спокойно попивали чаек, в который был подсыпан снотворный порошок, заранее принесенный фельдшером. Когда конвоиры погрузились в сон, заключенные бросились к воротам тюрьмы. Но один из стражей все же проснулся, поднял тревогу, и побег провалился. Все заговорщики были задержаны, но Судзиловский опять ускользнул от полиции и подался в бег. Очевидцы, встречавшие его в Нижнем Новгороде, Москве, Херсоне, Одессе, рассказывали, что он был одет «в костюм немца-колониста, с давно небритой бородой, в синей рубахе, с трубкой в виде головы негра в зубах, и с большим искусством говорил на русском языке». В конце концов ему удалось вырваться за границу. Весной 1875 года Судзиловский прибыл в Швейцарию, где познакомился с лидерами русского анархизма Петром Лавровым и Михаилом Бакуниным. Здесь же он женился на Любви Савич. В этом браке у них родились две девочки — Вера и Маша. В Швейцарии Николай не задержался и в октябре переехал в Англию, успев до отъезда опубликовать воззвание к крестьянам России с призывом бороться с самодержавием.

В Лондоне за небольшую зарплату он устроился на работу в больницу Святого Георгия, но опять не на-

долго, так как был крайне недоволен жизнью в Лондоне. Он писал: «Из всех больших городов мира более всего одиноким чувствуешь себя в Лондоне». В результате возникшие материальные трудности заставили его покинуть Лондон, и он переехал в Румынию. В Бухаресте Судзиловский нашел работу у местного хирурга, а также поступил на медицинский факультет Бухарестского университета и, наконец, получил диплом врача. Более того, в 1877 году он защитил докторскую диссертацию на тему «Антисептический метод лечения в хирургии» и возглавил Бухарестский центральный госпиталь. На титульном листе его диплома и диссертации впервые появилось его новое имя — Николас Руссель. Сам он так объяснял

этот поступок: «Имя свое я вынужден был переменить ввиду приближавшегося вступления русских войск в эту страну, где мне, как политическому эмигранту, грозил арест. Переменил я его, однако, с соблюдением всех законных формальностей, т.е. опубликовал о своем решении в румынской правительственной газете».

С болгарским революционером Христо Ботевым Судзиловский принимал участие в подготовке антитурецкого восстания в Болгарии. Как раз в это время Россия вступила в войну с Турцией, освобождая болгар от пятисотлетнего османского ига. Доктор Руссель спас от смерти сотни русских и болгарских раненых, доставляемых на лечение в Румынию. Для оказания медицинской помощи он даже ездил на Шипку,

где шли ожесточенные бои с турками. И, конечно, вел среди солдат агитацию против царского самодержавия. Румынские власти за лечение раненых наградили доктора Русселя «Золотой медалью», а за организацию похорон румынского революционера Зубку Кудряну в 1879 году выслали его из Бухареста в город Яссы. Там он стал известным врачом, но революционный дух по-прежнему не давал ему покоя. В Петербург пошло донесение: *«Для себя и семейства уделяет из доходов небольшую часть, все же остальное употребляет на поддержку партии»* (имеется в виду румынская социал-демократическая партия).

В марте 1881 года за участие в организации демонстрации в честь десятилетия Парижской коммуны Руссель был арестован. Месяц его держали в тюрьме, а потом на французском корабле депортировали в Турцию. *«Путешествие продолжалось два дня, — вспоминал Судзиловский. — Так как в Константинополе не было мола, судно встало в Босфоре. Турецкие жандармы в лодках со всех сторон устремились к пароходу. Было очевидно, что русское правительство предупредило их о нашем прибытии. Итак — ловушка!»* Но только не для Николая Константиновича! Доктор весьма изобретательно устроил свой очередной побег: уговорил капитана корабля дать ему комплект униформы, переоделся в нее и в сопровождении двух матросов на лодке покинул корабль.

Прожив некоторое время в Стамбуле, расхаживая по городу в красной феске, он, в конце концов, решил оставить Турцию и отправился в Европу, по которой странствовал около пяти лет, переезжая из одной страны в другую: Австрия, Италия, Франция, Испания, Греция. Он везде находил работу, неплохо зарабатывал и одновременно занимался наукой: изучал фармакологию, бактериологию, глазные болезни. И, конечно, по-прежнему уделял внимание революционным вопросам: сотрудничал с группой «Освобождение труда», не порывал связей с «народниками», вместе с Димитром Благовым участвовал в создании первых социал-демократических кружков в Болгарии. 1885 год принес Николаю Константиновичу большие личные неприятности. Жена с двумя дочерьми, не выдержав беспрерывных скитаний, оставили его и вернулись в Россию, а сестра Евгения сообщила, что отец, который «любил тебя до конца», скончался.

Агентам царской охраны все же удалось напасть на его след, и, спасаясь от их преследования, Судзиловский решил уехать в Америку. В то время энергичные люди и авантюристы со всего света тысячами отправлялись за океан искать свое счастье и удачу. Оттуда приходили удивительные вести о том, как в этой стране можно быстро стать миллионером или даже президентом. Руссель обосновался в Сан-Франциско. Америка охотно принимала евро-

пейских врачей, и в течение нескольких недель доктор сумел открыть собственную клинику. К этому времени он уже был вторично женат на Леокадии Шебеко, племяннице московского губернатора. Очень скоро Руссель стал самым популярным доктором в городе, от клиентов не было отбоя. Дочерям Вере и Марии он посылал денежные переводы. В 1891 году доктор Руссель получил американское гражданство.

ся обер-прокурор Синода К. Победоносцев, когда-то любимый профессор студента Судзиловского. Он телеграфировал доктору: *«Вы же понимаете, какой это удар по престижу России, мы с вами оба любим Россию, хоть и стоим на разных политических позициях, — я вас прошу, давайте замнем этот скандал»*. Судзиловский пошел навстречу, скандал был замят, но Николай Константинович все же решил покинуть Америку.

Прожив некоторое время в Стамбуле, расхаживая по городу в красной фреске, Николай Константинович, в конце концов, решил покинуть Турцию и отправился в Европу, по которой странствовал около пяти лет, переезжая из одной страны в другую: Австрия, Италия, Франция, Испания, Греция. Он везде находил работу, неплохо зарабатывал, при этом не переставал заниматься наукой и по-прежнему был увлечен революционными идеями и делами

Увы, прошло не так уж много времени, как Николай Константинович разочаровался в американской действительности. Дело в том, что между ним и представителем русской православной церкви в Америке епископом Владимиром произошел серьезный конфликт. Судзиловский обвинил иерарха в педофилии и растрате казенных средств. В ответ епископ предал доктора анафеме и запретил прихожанам лечиться у него. Судзиловский подал иск в суд. В дело был вынужден вмешать-

Устроившись судовым врачом, он в 1892 году отправился на Гавайские острова.

Сначала Судзиловские поселились на острове Оаху, где уже проживали несколько семей из России, а затем перебрались на остров Гавайю. У подножья потухшего вулкана они арендовали участок земли размером 160 акров, построили дом и стали заниматься фермерством: выращивать кофе, бананы, ананасы, лимоны и апельсины, некоторые виды растений, ранее не известные на

островах. Это было образцовое хозяйство, построенное на основе новейших достижений в области агрономии. Судзиловский с гордостью демонстрировал его всем приезжающим. Отдельно была создана великолепная опытная станция, на которой определялись сельскохозяйственные культуры, которые выгодно выращивать на островах. В письмах на родину Николай Константинович просил отыскивать желающих приехать на Гавайи и обзавестись собственным хозяйством. На его призыв из разных районов России стали прибывать семьи, и в результате образовалась русская колония, насчитывавшая около 60 семейств. Каждая приезжающая семья наделялась 25-ю акрами земли для садоводства и выращивания сахарного тростника. Переселенцы с энтузиазмом брались за работу, но многие не смогли выдержать конкуренции

с сахарными плантаторами и были вынуждены вернуться на родину.

Гавайи юридически считались независимым королевством во главе с королевой Лилиуокалани, а фактически были колонией США. Коренными жителями островов, около половины населения, были канаки, а другую половину составляли американцы, англичане, французы, немцы, но особенно много было японцев и китайцев. Доктор Руссель быстро завоевал у туземцев огромный авторитет и доверие. Он лечил их, давал им множество житейских советов, разбирался в их спорах, был как бы мировым судьей, научил их выращивать новые сельхозкультуры. Канаки дали ему уважительное имя «Каукалукини» — «Добрый русский доктор». Руссель стал популярнейшим человеком на всех одиннадцати островах архипелага. Его навещали многие путешественники,

Слева:

Н.К. Судзиловский — первый президент сената Территории Гавайских островов. Президентский дворец в Гонолулу

Королева Гавайев — Лилиуокалани

заезжал в гости знаменитый русский врач Боткин, а рядом с его домом поселился приемный сын известного писателя Стивенсона Ллойд Осборн, будущий писатель с мировым именем.

Доктор изучал флору, фауну и геологию островов, писал статьи по селекции и почвоведению, которые публиковались во многих журналах мира. И, конечно, работал как практикующий врач. Работы было много, и он неплохо зарабатывал. Однако его

возмущала безжалостная эксплуатация коренного населения американскими, английскими, французскими и местными плантаторами. Чинимый ими грабеж, подрыв местной самобытной экономики, появление болезней и алкоголя, которых ранее никогда на островах не было, способствовали вымиранию канаков. Повседневнo сталкиваясь с беззаконием, которое чинили колонизаторы, он начал создавать некое подобие революционных кружков, где полу-

голым и неграмотным канакам и китайцам разъяснял причины их безрадостного положения, пересказывал главы из трудов Маркса и рассказывал о борьбе революционеров-народников с русским царем.

Тем временем политическая обстановка на островах резко обострилась. В 1892 году США свергли королеву Гавайев, после чего восемь лет никак не могли окончательно прибрать к рукам столь замечательные и желанные острова. Наконец в 1900 году президент США Мак-

лас Руссель, был избран первым президентом сената (спикером) Территории Гавайских островов. На первой же сессии парламента он провел закон о всеобщей и прямой подаче голосов при выборе в парламент, что фактически означало отмену имущественного ценза, предложил провести ряд первоочередных реформ, в том числе: полностью освободить бедняков от налогообложения; провести реорганизацию здравоохранения, отменить смертную казнь, ввести бесплатное образование, упо-

В 1892 году, устроившись на корабль судовым врачом, Судзиловский отправился на Гавайские острова. Доктор Руссель быстро завоевал огромный авторитет и доверие у туземцев. Канаки дали ему уважительное имя «Каукалукини» — «Добрый русский доктор», и он со временем стал популярнейшим человеком на всех одиннадцати островах архипелага

.....

Кинли подписал Акт, в соответствии с которым были объявлены выборы в парламент, состоящий из палаты представителей и сената. Так же, на американский лад, были созданы две партии — Республиканская и Демократическая. И тут в эти драматические события неожиданно вмешался доктор Руссель. Он зарегистрировал свою «Партию независимых», которая вступила в предвыборную борьбу за места в парламенте. На состоявшихся выборах его партия с крупным успехом прошла в парламент, а в 1901 году ее лидер, доктор Нико-

рядочить продажу алкоголя. Обратив внимание на то, что канаки очень музыкальны (вспомним знаменитые гавайские гитары), он задумал основать национальную консерваторию. Ему удалось урезать права колонизаторов, что вызвало бурный гнев американцев, англичан и французов. Руссель всячески противодействовал присоединению Гавайев к Соединенным Штатам и внес в сенат соответствующий законопроект. Это был уж слишком дерзкий вызов, в результате чего начались интриги и подковерная борьба. Депутаты во

время дискуссий часто пускали в ход кулаки, вносили нелепые законопроекты. В конце концов большинство депутатов из его фракции были подкуплены и предали его. Почти все намеченные реформы были заблокированы. В знак протеста Руссель подал в отставку.

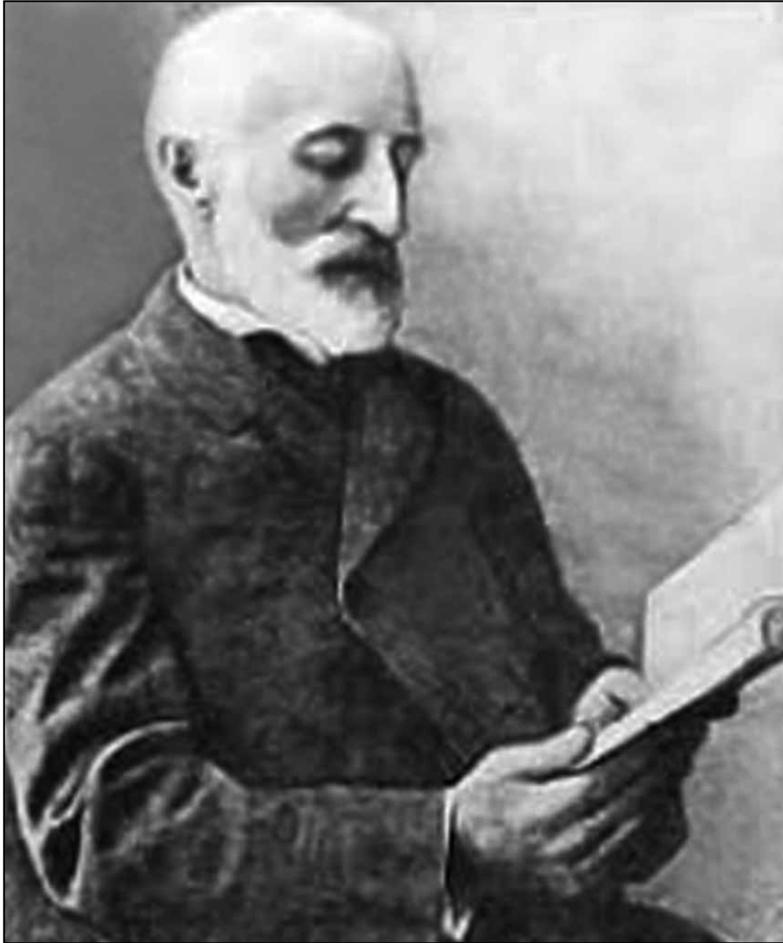
Прожив на Гавайях 12 лет, Николай Константинович решил покинуть «райские острова», тем более что к своему фермерскому хозяйству он охладел, все-таки это было не его дело.

Следующим пунктом назначения стал Китай. В 1904 году семья осела в Шанхае. Неутомимый революционер загорелся фантастической идеей организовать вооруженный отряд из «хунхузов», хорошо организованных групп китайских бандитов, и направить их в Сибирь для освобождения политкаторжан. Однако у русских эмигрантов эта смелая идея вызвала такой ужас, что они убедили доктора отказаться от нее.

В это время началась Русско-японская война. После трагического для России Цусимского сражения в Японии скопилось около 75 000 русских военнопленных. Судзиловский не мог оставить их в беде и переехал в Японию. Один из пленных, матрос с броненосца «Орел», будущий автор романа «Цусима» Алексей Силыч Новиков-Прибой, вспоминал: *«В Японию <...> прибыл доктор Руссель, президент Гавайских островов, а в прошлом давнишний русский политический эмигрант. Он на-*

чал издавать для пленных журнал "Япония и Россия", на страницах которого я тоже иногда печатал маленькие заметки. <...> Журнал был весьма умеренным, но потом постепенно становился все революционнее».

Доктор Руссель оказывал пленным медицинскую помощь. Свои гавайские сбережения он тратил на выкуп из японского плена российских солдат и офицеров. Очень многих ему удалось отправить на родину, снабдив написанной им брошюрой «На память о войне и плене». Среди тех, кто остался в плену, доктор распространял нелегальную литературу, вел революционную агитацию и готовил их к военному походу в Россию для поддержки революции 1905 года и освобождения страны от царского самодержавия. Планировалось захватить Транссибирскую магистраль и по пути освободить заключенных на каторгах Сибири. Японцы справедливо считали, что такой поход ослабит Россию, а заодно освободит их от проблем с содержанием военнопленных, поэтому Судзиловский довольно легко договорился с японскими властями о возвращении солдатам оружия и предоставлении плавсредств для их переброски во Владивостокскую бухту. При этом он понимал, что такую масштабную операцию мог осуществить только военный специалист, а себя он таковым не считал. Пожалуй, это была единственная профессия, в которой он не разбирался. За помощью Николай Кон-

стантинович обратился к эсерам, где одно время формально состоял в их рядах. А там, в руководстве партии, был задействован агент царской охраны Евно Азеф. Планы Русселя тут же стали известны правительству России, и операция провалилась. Раздосадованный Судзиловский был вынужден отказаться от этой безумной затеи.

Но тут произошла другая история. Во Владивостоке начался бунт, во время которого было совершено покушение на генерала А. Селиванова. Из его кабинета неизвестные личности выкрали портфель с планами укреплений острова Русский. Они предложили Судзиловскому ку-

пить документы, а в случае отказа грозились продать их японской или американской разведке. Для Владивостока остров Русский это как Кронштадт для Питера. Николай Константинович выслушал «продавцов» и на их глазах бросил документы в камин.

Несостоявшийся поход, похоже, отбил у Судзиловского желание заниматься революционной деятельностью. Он целиком переключился на публицистическую работу. В апреле 1906 года русские политэмигранты в Нагасаки основали газету «Воля», и за два года работы в ней Судзиловский написал более 50 статей.

В 1910 году неожиданно умерла его жена Леокадия. Потеря супруги

вызвала у Николая Константиновича глубокую депрессию. Как врач, он понимал: чтобы побороть душевный кризис, надо резко сменить обстановку, и отправился на Филиппины, на какой-то заброшенный остров. Год жил там один, никаких сведений о нем не было, даже появилась информация об его смерти. На помощь отцу отправились его дочери, Вера и Мария. Они, в отличие от царских агентов, сумели разыскать отца на самом юге архипелага, на острове Минданао. Позже Николай Константинович переехал в столицу Филиппин город Манилу. Дела пошли на поправку, он открыл частную лечебницу, лечил богатых плантаторов, основал библиотеку, написал книгу о Филиппинах, еще одном «райском уголке». Но как только он стал оказывать медицинскую помощь туземцам, конечно, бесплатно, местная знать сразу отвернулась от него. Заработок упал, и из престижного района пришлось переехать в более бедный. Среди его пациентов был один японец, который внезапно умер, оставив сиротами двух мальчиков, и доктор усыновил их. Окрепший физически и духовно, Николай Константинович вместе с мальчиками вернулся в Японию, в «родной» для него город Нагасаки.

Шла Первая мировая война. В России разразилась острая полемика: одни выступали за «войну до победного конца», другие призывали к «миру без аннексий и контрибуций». Судзиловский предпочел от-

страниться от этих «разборок», считая, что «не время сводить счеты». Он с головой погрузился в научные исследования: разработал методы лечения костного туберкулеза, открыл названные в его честь «тельца Русселя», проводил опыты по генетике. В то же время он сотрудничал с «Уссурийской газетой», посылая туда статьи о жизни и быте японцев, китайцев, гавайцев и филиппинцев, писал научные и философские статьи, составил географические описания Гавайев и Филиппин.

Для ухода за приемными детьми пришлось нанять прислугу-японку по фамилии Охара, которая в 1920 году стала его женой и родила ему двух детей — мальчика Ясумицу и девочку Флору.

Николай Константинович отличался невероятным личным обаянием, легко устанавливал с людьми дружеские и деловые контакты. С Львом Николаевичем Толстым он вел активную переписку о судьбе духоборов, которые решили покинуть Россию и искали земли, куда им направить свои стопы. Судзиловский агитировал их ехать на Гавайи, однако они побаивались тропического климата и предпочли уехать в Канаду и некоторые другие места.

Максим Горький предлагал Николаю Константиновичу печататься в русских изданиях, а Владимир Короленко приглашал сотрудничать в журнале «Русское богатство». Судзиловский признавался, что с Рос-

сией «не расставался ни на минуту», внимательно следил за происходящими там событиями. Он приветствовал Февральскую революцию 1917 года, а когда до него дошло известие об Октябрьской революции, написал брату Сергею: *«Вы сделали величайшую революцию в октябре. Если вас не раздавят противники революции, то вы создадите небы-*

указать кого-либо в Москве, кто бы мог получить ее за Вас». По тем временам это была вполне приличная сумма. К этому времени неуловимый революционер обосновался в Китае, поближе к России, выбрав местом жительства город Тяньцзинь, куда, хотя и с перебоями, поступала пенсия. В своих двух клиниках, переезжая из одной в другую на рик-

Судзиловский все чаще задумывался о возвращении на родину. Его разыскал советский посол в Китае Л.М. Тарахан и пытался уговорить доктора переехать в Россию. В 1930-м году он все же решился отправиться в дальний путь, который, увы, стал для него последним...

.....

валое общество и будете строить коммунизм. Какие вы счастливые, как бы я хотел быть с вами и строить это новое общество». Он даже написал письмо В.И. Ленину, в котором выразил свое восхищение великой победой пролетариата. Однако, узнав о гражданской войне в России, критиковал вождя, а происходящее в России называл «зигзагом истории». Несмотря на это, советское правительство не забыло борца с царизмом. Судзиловский был немало удивлен, когда в сентябре 1923 года получил из Москвы заказное письмо следующего содержания: *«Наркомом социального обеспечения Вам, как ветерану революции, назначена персональная пенсия 100 золотых рублей. Благоволите*

ше, он оказывал медицинскую помощь русским беженцам, которых в Китае скопилось более трехсот тысяч. После гражданской войны 35 губерний Поволжья охватил массовый голод, и Судзиловский решил создать «Комитет помощи голодающим России» с отделениями в Пекине, Харбине и Мукдене, и даже сам принимал участие в сборе средств.

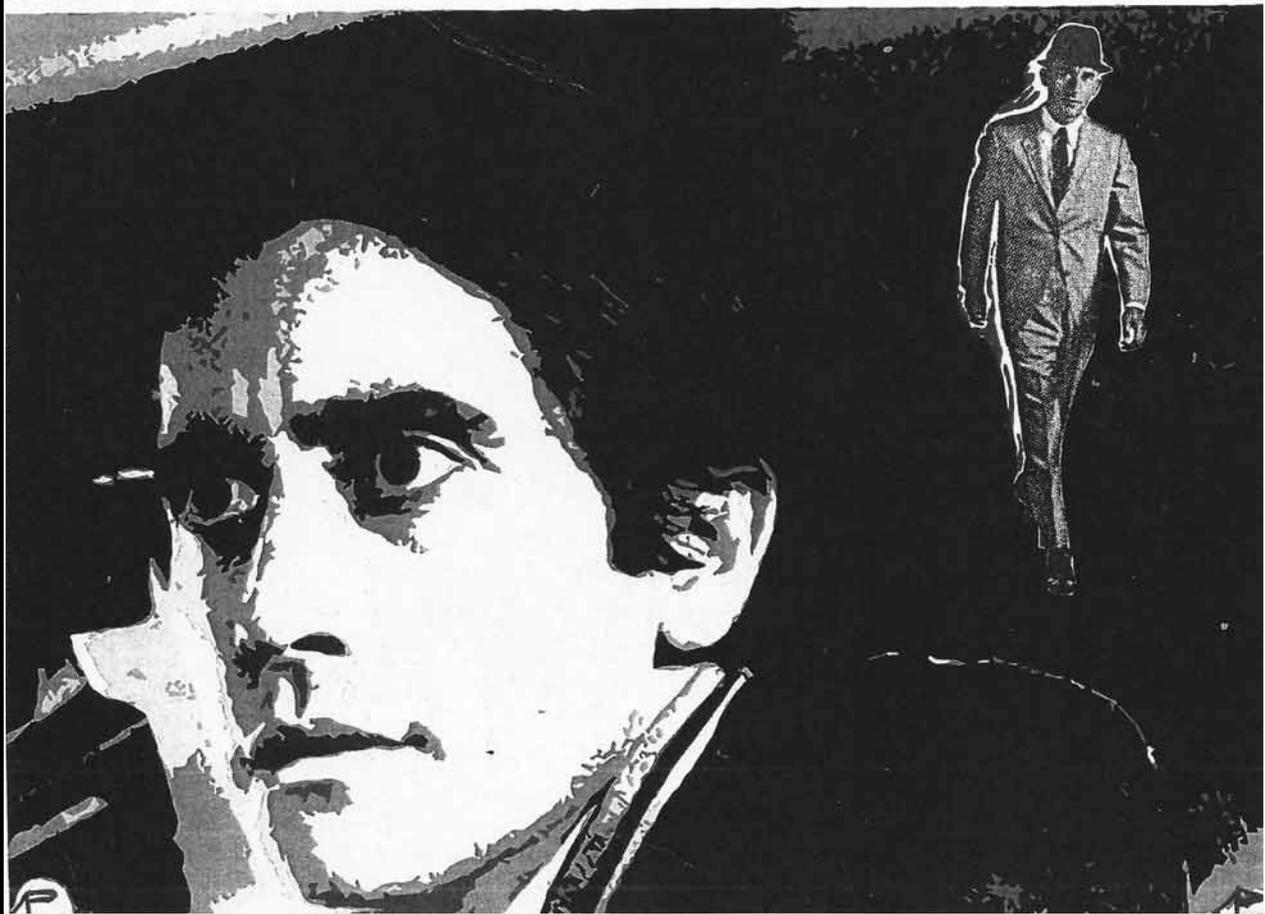
В конце жизни его взгляды на происходящие в Советской России события изменились. Он все чаще задумывался о возвращении на родину. Его разыскал советский посол в Китае Л.М. Тарахан и пытался уговорить доктора вернуться на родину. Судзиловский не очень уверенно, но возражал: «Вообще-то как-то я полжизни прожил в тропиках, возвра-

щаться в российские морозы тяжело, поэтому Санкт-Петербург, Москва мне не подходят, может быть, Владивосток?» Он единственный кормилец, ему за 70, силы уже не те, что прежде, да и супруга с детьми не очень-то горит желанием уезжать в незнакомую, холодную страну. Но родственники так же настойчиво звали его вернуться в Россию. Наконец, в 1930 году, Николай Константинович решил отправиться в дальний путь. Он писал родным: *«Назрело время, когда мне пора закончить свое кругосветное путешествие возвращением домой»*. К сожалению, здоровье 80-летнего доктора не выдержало трудного переезда. В пути он заболел воспалением легких, и 30 апреля 1930 года

скончался на перроне вокзала китайского города Чунцин. По словам его сына Ясумицу, *«зная, что он не верил ни одному богу, мы не устраивали никаких религиозных церемоний, и его тело было отправлено в японский крематорий. Я хранил урну с прахом до 30 апреля 1946 года. <...> Мы заехали на остров Амакуза <...> и захоронили пепел отца в семейной усыпальнице Охара»*.

Советский журнал «Каторга и ссылка» в некрологе, посвященном смерти Н.К. Судзиловского, написал: *«Если подвести итоги его изумительно содержательной жизни и всему тому, что он сделал и что видел, этого содержания с избытком хватит не на одну столетнюю человеческую жизнь»*. □

Ланселот и Гвиневра

1

«Приветствую тебя, благородный Ланселот! Твоя недостойная Гвиневра решила напомнить о себе и, возможно, отвлечь от праведных трудов и семейных забот. Что-то ты, поросенок, совсем меня позабыл, почти два года хранишь гордое молчание. Не иначе, как твоя положительная во всех отношениях Марина наградила тебя, наконец, писклявым потомством, и благородный рыцарь разрывается между офисным муравейником и грязными подгузниками. Ладно-ладно, шучу. Я ведь понимаю: забота о семействе — первейшая обязанность каждого мужчины, тем более, такого серьезного и ответственного как ты.

У меня все хорошо (надеюсь, это тебя по-прежнему интересует), потихоньку подкармливаю и стригу своих барашков. Барашки, правда, иногда взбрыкивают, но в целом они очень милые и смешные. Мой ненаглядный супруг в последнее время дуется на меня (а заодно и на весь свет), — наверно, немного устал, бедняга, от моих невинных проказ. Ну, ничего, ему это даже полезно — ты же знаешь, как он обожает свою девочку, подует-ся немного, потом начнет терзаться чувством вины за то, что травмировал мою нежную душу, еще больше любить будет. К тому же, в своем сегодняшнем состоянии он не так ревнив (не до ревности ему сейчас), и я всю пользу дополнительной свободой.

Между прочим, очень часто вспоминаю времена, когда сумасбродная Гвиневра ощущала рядом надежное плечо верного Ланселота.

В общем, Сережа, безумно хочу тебя увидеть. Не будь буквой, вспомни свою былую (?) любовь, и давай встретимся завтра, часиков, например, в семь на нашем месте. Надеюсь, ты решишься отменить все свои суперважные дела ради столь редкой в последнее время встречи.

Целую нежно, твоя Инга».

Закрыв письмо щелчком мыши, Сергей долго сидел, не шевелясь, задумчиво разглядывая вывалившийся на монитор список входящих сообщений. «Завтра утром я лечу в Красноярск» — первая мысль, пришедшая в голову после прочтения письма, казалась сейчас самой важной, он вцепился в нее, как утопающий в спасительную соломинку. «Командировка ответственная, отменять поздно, проблемы с дилером назрели давно, и дальнейшее промедление может привести к разрыву контракта. Да и не будь этой командировки, все равно — какого черта? Мальчика нашла — прибегать к ней по щелчку пальцев? И опять — ни тени сомнения в том, что приду, явлюсь на первый же зов. Кажется, все уже давно решил, — тот этап в жизни пройден и должен быть забыт. Впрочем, напишу, что лечу в командировку, вернусь в пятницу, тогда, может быть, и договоримся».

Не обращая внимания на офисные шумы, он сидел, откинувшись на спинку кресла, и занимался самовнушением, апеллируя к чувству собственного достоинства и вспоминая все данные себе обещания. Потому что он слишком хорошо знал Ингу, и беспечный, слегка ироничный тон ее письма мог бы обмануть кого угодно, только не его. Он прочитал именно то, что она написала на самом деле: «Сержик, у меня проблемы. Похоже, я все-таки слегка перегнула палку, к тому же, у Фурсенко, кажется, крупные неприятности, и я больше не могу на него рассчитывать. Все дела пришлось свернуть, мне плохо, я боюсь, и ты мне очень нужен».

Коротко промурлыкал телефон внутренней линии.

— Сергунчик, с тебя шоколадка, — раздался в трубке чуть томный, с привычными нотками кокетства голос офис-менеджера Светы.

— Светик, ты же знаешь: ради тебя — любой каприз, — отозвался Сергей на автомате, будто произнеся давно заученный пароль.

— Ага, дождешься от тебя, — с усмешкой констатировала Света. — Ладно, я насчет твоего Красноярска. Полетишь бизнес-классом, Васильичу, если будет возникать, скажу, что эконома не было. Билеты заказала, бухгалтерия уже поставила на оплату. С твоим любимым отелем тоже все «ок», забронировала «полулюкс». Ну что, доволен? Эта, которая до меня тут была, Серова, что ли, разве так о тебе заботилась?

— Светик, ты прелесть. Только знаешь что, — Сергей замялся, подыскивая подходящую версию. — Тут сеть одна крупная нарисовалась, я ее уже полгода окучиваю и они, наконец, созрели — позвали на встречу. Ко-

роче, Красноярск надо отменять. Понимаю, что проблемно, но я сам только что узнал.

— Сержик, рискуешь нарваться, — озадаченно произнесла Светлана и, очевидно, зажав пальцами нос, нудно прогундосила, пародируя их начальника: — Менеджер, который не может грамотно планировать хотя бы за неделю свои встречи с клиентами, командировки и другие мероприятия, не в состоянии управлять бизнесом компании на вверенном ему участке. С такими персонажами мы будем расставаться быстро и без сожаления.

Сергей невольно улыбнулся, — пародийный дар у Светланы явно присутствовал.

— Ничего, выкручусь. Если завтра все пройдет нормально, то за сетевой контракт Васильич все грехи спишет.

Он положил трубку, поднял глаза на монитор. Перейдя в спящий режим, компьютер выдал на экран когда-то установленную Сергеем заставку: розовый в первых лучах восходящего солнца заснеженный массив двугорбого Эльбруса на фоне темно-синего утреннего неба. Забыв про отмененную только что командировку, про входящие сообщения и неотложные звонки, Сергей задумчиво глядел на знакомую, изученную до мелочей картинку, будто видя ее первый раз. Вспомнился вдруг тот день, три года назад, когда небо было не синим, а блекло-серым, затянутым белесой дымкой, а обе вершины прятались в шапке плотно окутавших их облаков.

2

Группа набралась спонтанно и состояла в основном из незнакомых друг с другом людей. Некий «профессиональный гид-альпинист с многолетним опытом восхождений на Кавказе и Памире» разместил на одном из тематических интернет-форумах объявление о том, что готов оказать услуги инструктора-проводника при восхождении на Эльбрус с севера группе до семи человек. Услуги оказываются бесплатно при условии, что участники берут на себя оплату проезда и питания инструктора.

Зная, как могут встретить горы случайных и неподготовленных людей, Сергей не любил подобные сборища в походах за непредсказуемость поведения участников, вероятное отсутствие дисциплины и неподтвержденный опыт гида. Но сходить с севера хотелось давно, других вариантов не оказалось, и, решив, что, в крайнем случае, он вполне может отделиться от группы и действовать автономно, Сергей отправил заявку.

В первые дни, пока забрасывались на поляну Эммануэля, прогуливались на источники Джилы-су и поднимались на стоянки «Северный приют», стояла отличная погода, и в конечном успехе никто не сомневался.

Группа, вопреки опасениям, оказалась вполне дееспособной, а гид Андрей действительно имел немалый опыт серьезных восхождений.

После однодневного отдыха на «Северном приюте» Андрей объявил на завтра акклиматизационный выход к скалам Ленца с последующим возвращением для ночевки в лагерь, после чего группа будет готова при наличии погоды выйти на восхождение.

С утра, еще до общего подъема, дежурные разожгли горелки, приготовили нехитрый завтрак — растворимая каша из пакетиков, чай и галеты с плавленым сыром, и уже в девять часов группа, повязавшись в связки для прохождения опасного участка скрытых трещин и положив в маленькие рюкзаки лишь термосы с чаем, тюбики с солнцезащитным кремом и легкий перекус, начала подъем по леднику. Поднимавшееся все выше солнце щедро поливало огромное ледяное поле яркими лучами, которые, отражаясь от ровной сверкающей поверхности, пытались слепить даже сквозь светозащитные фильтры очков. Впереди контрастной черной полосой на фоне белого льда выделялись скалы Ленца — узкая каменная гряда, тянувшаяся к куполу Восточной вершины. Абсолютное безмолвие этого сказочного мира нарушали лишь хруст льда под зубьями «кошек» и тяжелое от воздействия высоты дыхание людей.

До скал оставалось совсем немного, и уже был хорошо различим большой деревянный крест, установленный на крайнем валуне гряды в память о погибших на Эльбрусе альпинистах, когда налетел первый порыв не сильного пока ветра. По поверхности льда с тихим шорохом пронесся тонкий слой снежной пыли; вершина, видная как на ладони еще несколько минут назад, вдруг оказалась покрыта шапкой плотных белых облаков, непонятно откуда взявшихся на чистом небе. Спереди донесся деловитый окрик Андрея, в котором пока не слышалось тревожных ноток:

— Эй, вторая связка, не отставать! Похоже, сейчас подует всерьез, дойдем до скал — там укроемся.

Добравшись до ближайшей скалы, группа, словно стадо испуганных овец, сбилась в плотную кучку в небольшой выемке на подветренной стороне, где пурга по крайней мере не сбивала с ног, и не нужно было постоянно сгибаться для преодоления встречного напора. При разговоре приходилось кричать, чтобы за ревом ветра тебя смог услышать даже стоящий рядом человек. Стараясь докричаться до всех, Андрей начал отдавать команды короткими (на длинные не хватало дыхания) фразами:

— Выше не пойдем. Там еще хуже. Отдых пятнадцать минут. Можно попить чай. Потом валим отсюда вниз. Идти будем так. Я — ведущим в первой связке. Серега, перевяжись, поменяйся местами с Ингой. Пойдешь замыкающим во второй. Инга, задача — не отстать от первой связки. Свободный конец веревки пристегни. К системе Витька — он замыкающий

в первой. Теряться здесь нельзя. Это все надолго. Отстанете — убредете, никто не найдет.

Уходить из-под скалы, дающей хотя бы частичную защиту, всем очень не хотелось, но уже через полчаса спуска ветер начал быстро слабеть, а видимость заметно улучшаться. Под горку шли быстро, не останавливаясь на отдых, а когда вокруг прояснилось настолько, что стала видна обширная морена с разноцветными пятнами палаток, у всех, казалось, открылось второе дыхание. Горная погода вновь демонстрировала свою капризную избирательность. Когда, сбросив не более восьмисот метров высоты, группа сошла с ледника и ступила на крайние камни морены, в природе царили тишина и покой: было абсолютно безветренно, а солнце стало заметно припекать даже сквозь затянувший небо полупрозрачный слой сероватой мутной взвеси. Но там, откуда они только что спустились, половина ледника, скалы Ленца и сама вершина были плотно затянуты облаками, которые отсюда казались неподвижными и вполне безобидными. Эльбрус сегодня был явно не в настроении, надежно загородившись от непрошенных гостей мощным снежным зарядом.

На стоянках располагалось сразу несколько команд, морена была довольно плотно уставлена палатками, от небольших площадок, расчищенных от камней и защищенных от ветра невысокими каменными ограждениями, доносились приглушенные голоса, шипение горелок под котелками, стук алюминиевой посуды и шорох вскрываемых целлофановых пакетов. Царила обычная для штурмовых лагерей в период плохой погоды атмосфера скуки и вынужденного безделья. Но при этом внимательный наблюдатель без труда заметил бы в поведении людей признаки напряженного ожидания: обитатели лагеря то и дело бросали короткие беспокойные взгляды то в сторону закрытой облаками вершины, то на красно-синий вагончик МЧС, установленный на границе ледника. Около трех часов ночи, когда еще стояла отличная погода, и вершина четко просматривалась на фоне звездного неба, две небольшие группы вышли на восхождение. По всем расчетам, к моменту начала пурги они вряд ли успели зайти на гору, и если стали спускаться сразу, как только испортилась погода, уже должны были вернуться. «Эмчезовец» из дежурной смены стоял около вагончика с биноклем в руках, пытаясь хоть что-то разглядеть в закрывавшем гору сплошном тумане. Из висевшей у него на поясе рации периодически раздавались заглушаемые треском помех короткие доклады, которые давали понять, что на противоположном, южном склоне, где пролегал классический, самый массовый маршрут восхождения, обстановка весьма напряженная и вовсю идет поиск сразу нескольких заблудившихся групп.

— Ну что, народ, — сказал Андрей, внимательно глядя на закрывавшую вершину облачность, и в голосе его не слышалось особого сожаления. —

Похоже, в этот раз горы не будет. Ночью, конечно, посмотрим на обстановку, если появятся просветы, может и попробуем. Но вообще-то маловероятно — обычно Эльбрус так закрывается на несколько дней. Дежурным завтра подъем в час, будите меня, а там — или спим дальше, или общий подъем и выход в два. Все, пока отдыхать. Дежурные — займитесь обедом.

Все уныло побрели к палаткам, усаживались на камнях, неторопливо отстегивая от ботинок «кошки», стягивая страховочные системы и снимая теплые куртки.

Примерно через полчаса притихший лагерь охватило вдруг радостное оживление, слышались возбужденные голоса:

— Вон они! Идут!

— Где?

— Да не туда смотришь. Вон, левее, скальный выход — два валуна, от них трещина еще вверх тянется, чуть правее трещины смотри.

— Сколько их? Пять, шесть... семеро. Все, значит.

Когда вырвавшиеся из туманной западни люди — запорошенные снегом, с плотно натянутыми на головы капюшонами, с лицами, закрытыми запотевшими масками и побеленными инеем балаклавами — устало добрались до морены, их встречали уже почти все обитатели лагеря. Каждому вернувшемуся по традиции вручали дымящуюся кружку с крепким чаем и, конечно, засыпали вопросами: куда удалось подняться, в каком месте накрыло, как нашли дорогу назад?

Стоя чуть в стороне, Сергей наблюдал эту сцену с легкой удовлетворенной улыбкой, когда сзади слышался шорох камней под чьими-то осторожными шагами.

— Слышь, Серега, поговорить с тобой хотела.

Инга подошла, встала рядом, рассеянно глядя на вернувшихся с горы альпинистов.

— У тебя билет в Москву на двадцать пятое?

— Да. Если завтра не прояснится, будем спускаться на поляну, оттуда на послезавтра машины заказаны до Минвод. Обидно, конечно. Я всегда говорил: один резервный день на погоду — слишком мало, два-три дня по любому надо закладывать. Но раз уж так все спланировано — ничего не поделаешь.

— Я хочу зайти на эту гору, — произнесла Инга спокойно.

— Не ты одна, — усмехнулся Сергей. — Только гора, похоже, это желание не разделяет.

— Я должна зайти на эту гору! — В голосе появилось сдержанное нетерпение человека, вынужденного объяснять прописные истины. — Я шла сюда, чтобы взойти на Эльбрус, и не собираюсь возвращаться назад ни с чем.

Он повернул голову, посмотрел на девушку уже с явным любопытством.

Так же, как и Сергей, она была из Москвы, и тоже присоединилась к туру в одиночку (кроме них двоих группу составила компания приятелей из Челябинска), в походе была общительна, с готовностью исполняла обязанности дежурной по лагерю, на тяжелых переходах беспрекословно следовала командам гида. Судя по всему, горного опыта у нее не было, но азы техники перенимала быстро (вязку основных узлов освоила за несколько минут), на камнях и в «кошках» на леднике держалась уверенно, под рюкзаком с непривычки не стонала. В ней была заметна хорошая физическая подготовка, и чувствовался жесткий упрямый характер. О себе она старалась особо не распространяться, и по нескольким случайно оброненным фразам стало понятно лишь то, что работает она в какой-то финансовой компании, замужем и муж, не разделяющий ее тяги к активному отдыху, вполне обеспеченный человек.

Почти с самого начала похода Сергей порывался выказывать Инге ненавязчивые знаки внимания, поиграть с ней в легкий флирт, в котором считал себя признанным профессионалом, но к немалому удивлению обнаружил, что годами отточенная техника в этом случае дает позорный сбой. Никогда не испытывавший проблем в общении с женщинами, поверивший в достижимость любой цели и привыкший к быстрым победам, в случае с Ингой он, словно неопытный юнец, внезапно почувствовал робость и давно забытое ощущение неуверенности в себе. В ее открытом и не по возрасту пронизательном взгляде ему чудилась легкая снисходительность женщины, привыкшей к мужскому вниманию и многое испытавшей. Но сейчас во взгляде Инги не замечалось ни снисходительности, ни высокомерия, ей явно что-то понадобилось от Сергея, и она была готова добиваться задуманного любыми способами.

— Должна зайти, значит? Ну что ж, похвально. — Сергей наконец-то почувствовал свое превосходство над этой излишне независимой девицей. — В горах, как я понимаю, впервые?

— Это сейчас не имеет значения, — поморщилась Инга.

— Имеет, — терпеливо разъяснял Сергей. — Здесь не мыслят категориями «Я должен зайти на гору». Здесь есть два вопроса: «Смогу ли я зайти?» и «Пустит ли гора?» С первым вопросом у тебя, похоже, проблем не возникнет, зато как все выглядит, когда не пускает гора, ты сегодня узнала. Тебе понравилось? Еще туда захотелось?

— Серез, ты меня не так понял. Я же не отмороженная на голову — лезть в такую пургу. Я просто хочу еще подождать, вдруг погода будет. Понимаешь, завтра все снимутся и пойдут вниз, а я хочу остаться, хочу поймать шанс. А у тебя палатка своя, Димон с Игорьком к другим переберутся в случае чего, им внизу на поляне уже без разницы будет. А у меня

палатки нет, да и одна идти боюсь, хочется, чтобы кто-то опытный рядом был. А ты ведь много в горах ходил, и этот маршрут знаешь. А, Сереж? В раскладке продукты еще остаются, мне дежурные сказали, на пару дней нам точно хватит. А билеты пропадут — плюнь. Давай так: ты тут со мной остаешься, и на гору вместе сходим, а билеты потом я куплю обоим, рассматривай это, ну, как благодарность за помощь что ли.

— Да я и сам могу себе купить, — пробормотал Сергей, немного сбитый с толку этим ласковым напором, в котором трезвый расчет продуманно сочетался с откровенной лестью и отчаянной женской мольбой. — Не в этом дело.

Сергей быстро сдавался. Глядя в широко раскрытые, кажущиеся сейчас по-детски наивными глаза, он уже знал, что сделает все, о чем попросит эта чуть взбалмошная, но такая, по сути, беззащитная и романтичная девчушка.

Из лагеря вышли в два часа. Сергей шел первым и, зная, что надо спешить (погода вокруг господствующих вершин традиционно портится во второй половине дня, а значит, не позднее часа уже нужно будет начать спуск), сразу же взял довольно бодрый темп. Инга не отставала — он ни разу не ощутил сопротивления натянувшейся веревки, — и, судя по звуку врывающихся в лед кошек, шла, как учили — ровным размеренным шагом, не нарушая ритма и не сбивая дыхание.

Остальная группа ушла вниз накануне, когда гора по-прежнему была безнадежно закрыта облаками, и ждать погоды дальше означало опоздать на свои рейсы. И хотя дежурный «эмчезовец» еще с вечера предупредил всех обитателей лагеря, что прогноз на ближайшие дни неутешительный, Сергей с Ингой, не колеблясь, решили попробовать сегодня.

Когда подошли к нижней границе скал Ленца, восточная сторона горы уже окрасилась розовым светом, встречая восходящее солнце. У той же скалы, за которой два дня назад безуспешно пытались укрыться от ветра, решили сделать большой привал. Разместившись под каменным навесом, сняли налобные фонари, сменив их солнцезащитными масками, достали термосы с чаем.

Сергей поднялся, с кружкой в руках выбрался из-под тени скалы, посмотрел в сторону вершины и произнес:

— Кажется, облаков наверху прибавилось. И нижняя кромка вроде опустилась, нехороший признак. Все, Инга, подъем. Засиживаться некогда. Идем до верхней границы скал, там решим по погоде. Если скажу: вниз — никаких протестов. Договорились?

...Они поднимались по становившемуся все более крутым склону уже больше двух часов. Справа тянулся, то возвышаясь неприступной стеной,

то почти сливаясь с поверхностью, угрюмый скальный массив. Ветер усилился, но серьезных проблем пока не создавал. Облака, наседавшие сверху на вершинный купол, казались не слишком плотными, и Сергей все еще не терял надежды найти путь к цели, ориентируясь по уклону поверхности.

Но по мере приближения к нижней кромке облачности, когда альпинисты стали постепенно погружаться в рваные, быстро летящие хлопья белесого тумана, видимость заметно уменьшилась. Сергей пожалел, что решил не брать с собой на всякий случай палатку, поленившись тащить ее на себе, и в очередной раз вспомнил о неблагоприятном прогнозе на вторую половину дня.

Инга шла намного тяжелее, чем в начале пути. Она чаще просила остановки для отдыха, и каждый раз после такой остановки начинала движение с явным усилием, механически переставляя ноги, и даже не пытаясь помочь себе ледорубом, безвольно волочившимся за ней на темляке. Сергей несколько раз предлагал ей повернуть назад, но в ответ видел лишь упрямое мотание головой.

Сквозь не очень густую пока ватную пелену облаков Сергей явственно разглядел метрах в двухстах впереди конец хребта. Значит, они поднялись почти на пять двести, и теперь должны будут набрать еще более четырехсот метров по круто забирающей вверх и уже почти невидимой снежной целине.

Примерно через десять минут Сергей понял, что до вершины им сегодня не дойти, — усилившийся ветер сбивал дыхание, впереди исчезли последние просветы, и видимость упала до нескольких метров. Он вспомнил о расположенной на седловине хижине-приюте, построенной когда-то командой Red Fox специально для тех, кого на Эльбрусе застанет непогода, и прикидывал, как лучше поступить: быстро уходить вниз, пытаясь найти дорогу к лагерю, или выйти к седловине и укрыться в хижине. Но тут вдруг натянувшаяся веревка резко дернула его назад, едва не повалив с ног.

Сергей быстро обернулся. Инга сидела на коленях, чуть заметно раскачиваясь из стороны в сторону, заторможено, словно во сне, загребала руками снег, подносила его к лицу, запихивала в рот, тут же сплевывая большими слипшимися кусками и вновь опуская руки за новой порцией.

— Инга, не надо!

Сергей подбежал к ней, опустился рядом на колени, схватил ее за руки.

— Инга, не надо этого, снег не поможет, им жажду не утолишь.

Он сбросил с плеч свой маленький штурмовой рюкзак, откинул клапан, достал термос.

— Пить хочешь — это нормально. Обезвоживание быстрое от высоты и нагрузки. Сейчас чаю поьем и вниз двинем. Внизу все пройдет — и головная боль, и жажда.

Пока он наливал из термоса чай, она сидела, не шевелясь, безвольно опустив руки в снег. Ему пришлось взять ее за руку, вложить в рукавицу дымящуюся кружку, помочь поднести к лицу:

— Пей, Инга, ну!

Она сделала несколько больших судорожных глотков, явно обжигаясь, но даже не морщась от этого.

— Вот, хорошо, — подбадривал ее Сергей. — Допивай, я тоже сейчас хлебну, и быстренько вниз. Тут больше нечего делать — пропадем. Ничего, под горку веселей пойдет, живо доскачем.

— Я никуда не пойду!

Рев ветра наполовину заглушил ее слова, и Сергей легко убедил себя в том, что ослышался. Он налил в свою кружку чай и с наслаждением глотал темную горячую жидкость. Инга все так же сидела, не шевелясь, уже не раскачиваясь, и густой снег быстро превращал ее в неподвижного белого истукана. Допив чай, Сергей быстро убрал в рюкзак термос и обе кружки, опираясь на ледоруб, с трудом поднялся на ноги.

— Все, Инга, пошли! Сидеть больше нельзя, надо двигаться, а то совсем занесет.

— Я никуда отсюда не уйду.

Несколько секунд он молча стоял, растерянно глядя на нее сверху вниз, потом вновь опустился на колени, резким движением поднял ей маску на лоб и прокричал:

— Инга, ты чего? Надо идти, идти вниз! В такую погоду нас никто не найдет, никто не поможет. Понимаешь? Надо самим, надо торопиться, скоро совсем затянет, тогда и к лагерю не выйдем.

Ее взгляд был устремлен прямо на Сергея, но она явно его не замечала; в широко открытых глазах читались покой, умиротворение и какая-то грустная мечтательность. Его так испугали эти глаза — широко распахнутые, немигающие, не реагирующие на летящий в лицо снег, — что он потрясенно замолчал, больше не находя слов.

— Я никуда не пойду. Мне хорошо здесь. Мне наконец-то хорошо. Я останусь. А ты иди, иди, не мешай мне, я хочу быть одна, — и она легонько подтолкнула его в грудь.

Вместе с внезапно пробежавшим по спине ознобом Сергей ощутил первые признаки подступающей паники. Удерживая Ингу за плечи, он быстро огляделся. Видимость упала практически до нуля, сквозь пургу не проглядывались даже темные очертания скал Ленца. До хижины на седловине отсюда было значительно ближе, чем до лагеря, но этот вариант больше не рассматривался. Приют находился на высоте пять триста, а состояние Инги требовало немедленного спуска — горная болезнь достигла у нее той стадии, при

которой вполне могла перейти в стремительно развивающийся отек легких или мозга.

— А ну, не дури! — Сергей сильно встряхнул ее за плечи. — Вставай, мы уходим!

Ему с трудом удалось поставить Ингу на ноги и, обхватив за талию, осторожно повести вниз.

Инга молчала и больше не пыталась сопротивляться, шла, слегка привалившись к Сергею плечом, послушно меняла направление, когда приходилось обходить препятствие или опасное место. В какой-то момент, когда из снежной мглы прямо перед ними постепенно выступила россыпь небольших, наполовину занесенных снегом камней, Сергею показалось, что он узнает место. Если он прав, то слева, совсем близко, должна тянуться цепочка скал Ленца. Он хотел пригнуться к Инге, чтобы прокричать ей на ухо обнадеживающие слова, когда обе «кошки», которые из-за налипших на них толстых снежных пластов уже почти не цеплялись за фирн, одновременно поехали вперед. Сергей повалился на спину, увлекая за собой Ингу. Он попытался воткнуть в снег ледоруб, но движение получилось слишком слабым, чтобы остановить скольжение, и в следующую секунду он уже катился вниз, словно пущенная с горы бочка. Инга, которая в момент падения инстинктивно вцепилась в него руками, скатывалась вместе с ним, даже не пытаясь затормозиться, пока глубокий рыхлый снег не остановил, наконец, это неспешное движение.

Они оказались у подножья большого круглого валуна, возвышавшегося над снежной поверхностью почти на два человеческих роста. За время пурги с наветренной стороны камня успел образоваться довольно внушительный сугроб, и Сергей, уже не чувствовавший в себе сил продолжать путь, не видя направления, несколько секунд разглядывал его, что-то прикидывая в уме.

Он легонько пихнул Ингу рукой:

— Эй, жива?

Она посмотрела на него загнанным, измученным взглядом, в котором, к огромному облегчению, он уже не заметил той отстраненности от мира, которая так напугала его вверху.

— Сережа, я не могу больше идти, — сказала она, с трудом шевеля обветренными губами. — У меня болит все... голова кружится, и во рту сухо, горло дерет. Я не смогу. А ты иди, иди за помощью. Приведи кого-нибудь. Я здесь буду... здесь подожду.

— Инга, послушай меня внимательно. В такую погоду я никого не приведу. Мы остаемся здесь. Сейчас допьем чай. Там еще с полкружки осталось. Потом я буду рыть для нас пещеру. Видишь сугроб? Он достаточно большой. Туда залезем, переждем.

Помогая себе лопаткой ледоруба там, где встречались смерзшиеся комки, Сергей яростно вгрызался под самое основание сугроба, уминал коленями или просто отпихивал ногами извлеченный снег. Он все больше погружался в прохладный сумрак снежной норы, срывал целые пласты с ее стенок, чтобы расширить до нужного размера, пока не услышал звон, с которым ледоруб ударился о каменную стенку.

Инга, съежившись, обхватив себя руками и чуть нагнув голову навстречу секущему ветру, сидела неподвижно, и, не пытаясь помочь, отстраненно наблюдала за приготовлением убежища. Сергей выбрался из норы, торопливо накинул капюшон, защищаясь от летящего снега, критически осмотрел образовавшийся в сугробе черный круг входа.

— Все, Инга, готово! Давай, ты первая.

Некоторое время она недоверчиво смотрела во мрак пещеры, потом пригнулась и неуклюже полезла внутрь.

Они лежали, так тесно прижавшись, что почти не могли пошевелиться. Вокруг царил мрак — установленный Сергеем небольшой штурмовой рюкзак почти закрыл вход в пещеру. Через некоторое время Инга вдруг дернулась, попыталась, насколько позволяла теснота, резко рвануться в сторону выхода, заколотила руками по стенке пещеры:

— Надо вылезать отсюда! Наружу, Сережа, скорее! Мы задохнемся тут!

— Лежать тихо! — прошипел Сергей, обхватив ее руками. — Не дергайся!

Она дернулась еще несколько раз, но уже слабее, постепенно успокаиваясь, и вскоре совсем затихла. Ее хриплое дыхание периодически прерывалось протяжными стонами, и Сергей даже позавидовал ей, сумевшей так быстро забыться хоть и беспокойным, но таким необходимым сейчас сном.

В какой-то момент он вдруг почувствовал, что в их микроскопическом мирке что-то кардинально изменилось, и мучительно пытался понять, что именно, пока, наконец, до него не дошло: стало совсем тихо. Он больше не слышал монотонного убаюкивающего свиста ветра за пределами убежища.

Инга снова дернулась, словно получив разряд тока, и спросонья прошептала:

— Что?! Сережа, ты где?

— Здесь я, здесь, — ответил он. — Слушай, кажется, ветер стих. Попробуем выбраться отсюда.

Чтобы выбраться, пришлось вновь энергично поработать обеими руками, разгребая путь наружу, и извиваться, уминая под собой снег. Потом Сергей помог вылезти Инге и только после этого позволил себе оглядеться вокруг. Он без труда разглядел у границы ледника маленький квадрат морены, на котором располагался лагерь «Северный приют». И еще разглядел на полпути от лагеря, примерно на середине ледника, три малень-

кие точки — это могла быть только группа спасателей, выдвинувшаяся на их поиски, как только позволила погода...

— Да, неслабо меня развезло, — сказала Инга нарочито небрежным тоном. — Никогда бы не подумала, что могу так расклеиться.

Час назад они закончили спуск из «Северного приюта» на поляну Эммануэля, встали чуть в стороне от многочисленных лагерей других команд, готовящихся здесь к восхождению, сходили к большим кемпинговым палаткам, где можно было получить горячую еду, и сейчас сидели на траве на берегу неширокой, но быстрой речки, устало глядя на окружающие поляну крутые каменистые скалы.

— Дело не в тебе, — начал Сергей, тщательно подбирая слова. — Понимаешь, реакция человека на высоту зависит от двух факторов: качества акклиматизации и индивидуальных особенностей организма. Особенности организма предугадать невозможно. Кто-то ходит на Эверест без кислорода, а кого-то валит уже на трех тысячах. Твой организм так отреагировал на слишком быстрый подъем. Акклиматизация у нас была никакая, слишком мало дней, и вообще, весь этот поход, по сути, авантюра. А бороться с «горняшкой» в той стадии, в какой она проявилась у тебя, невозможно. Ты для себя должна сделать только один вывод: когда в следующий раз соберешься в серьезные горы, имей в виду, что тебе нужна плавная ступенчатая акклиматизация.

— Да не соберусь я больше, — весело проговорила Инга. — Больно надо! Хотела попробовать новых ощущений, добавить, так сказать, в коллекцию — попробовала, добавила. А ты ничего, вроде, парень, есть в тебе что-то такое... Телефончик оставишь? Я тебе скоро позвоню.

— Я оставляю, ты позвонишь, — усмехнулся Сергей. — Обычно наоборот бывает. Решила и меня добавить в свою коллекцию?

— Ты, Сережа, на меня не обижайся, — приобняла его за плечи Инга. — Я понимаю, ты, конечно, по-другому привык — сам девушку завоевывать, чтобы вся инициатива от тебя шла. Только со мной у тебя что-то кисло получалось, — я же видела, как ты вокруг вился, да не знал, с какой стороны ко мне подкатить. А то, что прямо все сказала и тон у меня командирский — так это привычка. Работа у меня такая — все быстро решать и командовать.

3

Она позвонила через два дня после их совместного возвращения.

— Привет, Тарзан! Ты представляешь, мне удалось расчистить сегодняшний вечер, очень уж захотелось увидеться со своим отважным спаси-

телем в нормальной обстановке, поговорить по душам и вообще. Я сейчас не могу долго разговаривать, так что запоминай все с первого раза. Усадьбу Архангельское знаешь? Ну, по Новой Риге, недалеко от МКАД? Там ресторанчик есть небольшой, слева от главного входа. Давай приземлимся там часиков в шесть? За руль не садись, такси возьми. Я, если и опоздаю, то чуть-чуть, ты дождись. — В трубке слышался сдержанный гул большого помещения, звучали трели телефонных звонков и бессвязные обрывки разговоров. — Все, Тарзанчик, не могу больше говорить. Приезжай, хоть познакомимся по-человечески, а то, боюсь, в походе я была не слишком общительной. Чмоки-чмоки, до встречи.

Ресторан оказался действительно небольшой, но весьма симпатичный, все в нем — обстановка, дизайн, неяркий рассеянный свет и приглушенная музыка — откровенно располагали к романтическим встречам и неторопливым беседам. Пройдя по выложенному цветной мозаикой внешнему дворику, Сергей вошел в полутемную прохладу зала и после короткого раздумья направился к расположенному в дальнем от входа углу, огороженному невысокой ширмой круглому столику.

Изучая поданное ему меню, он вдруг почувствовал какое-то легкое мимолетное движение, поднял глаза и увидел Ингу, стремительно приближающуюся к его столику.

— Привет, Тарзанчик! — непринужденно чмокнула она его в губы, повесила на спинку кресла маленькую сумочку и уселась напротив. — Знаешь, у нас с тобой все начинается очень удачно: во-первых, я почти не опоздала, что со мной случается редко, а во-вторых, ты сразу выбрал мой любимый столик.

Приталенный брючный костюм кремового цвета, свободно распущенные по плечам черные волосы, поднятые на лоб солнцезащитные очки, на груди золотой кулончик в виде скорпиона с неизвестным Сергею камнем посередине — он с трудом узнавал сейчас ту Ингу, с которой познакомился в горах. Сейчас ее движения и жесты, непринужденная разговорчивость и прямой изучающий взгляд выдавали спокойную уверенность человека, который многого достиг и хорошо знает себе цену.

Общаться с ней было легко, о себе Инга рассказывала непринужденно, с колким юмором и с откровенной, иногда циничной простотой. Пять лет назад она вышла замуж за владельца одного малоизвестного банка, который был старше ее на тридцать пять лет, к замужеству своему относилась, как к удачно заключенному контракту, давшему ей возможность встать на ноги и заняться делом, к которому испытывала живой интерес еще со студенческой скамьи.

— Я, как финансово-экономический окончила, устроилась в один маленький банчок, сначала на ресепшен взяли, потом уже в клиентский отдел перевели. Банчок смешной оказался — его, конечно, прикрыли потом, —

клиентов-то всего человек сорок было, зато народ все солидный, многие в телеке до сих пор мелькают, жизни учат. Ну, всю эту кухню нехитрую я быстро изучила, прикинула, сколько наш скромный банчок при таких оборотах денег на пустом месте поднимает, аж дух захватило. А для всех я просто Барби с длинными ресничками, клиенты меня и не стеснялись особо. Одному я все подыгрывала: «Вам так идет этот костюм! Это от какого модельера? Ой, правда? Я даже не представляю, сколько он может стоить». В общем, предложил он как-то «в люди» меня вывести, захотел, чтобы я сопровождала его на одной закрытой тусовке. Там-то и познакомилась с муженьком будущим. Фурсенко, как меня увидел, пузо втянул, грудь выпятил, а у самого глазки замаслились, ручки засуетились. В общем, с ним все за неделю получилось, как я и предполагала. Короче, старушку свою он быстренько спровадил «на пенсию», она сначала порывалась в суд подавать на раздел имущества, да он сразу ей пособие отвалил нехилое и для верности еще пригрозил, что в противном случае вообще без всего оставит. Дочка его, моя ровесница, современных взглядов оказалась: на меня глядела с восторгом и мамашу ничуть не жалела. Свадьбу справили в Монако, с месяц покатались по Европе, и вернулся муженек к трудовым будням. Я для приличия полгодика понежилась в безделье, изображая заботливую домохозяйку, потом заявила: «Все, не могу больше. Скучно. Твоя жена, дипломированный финансист, не создана для такой жизни. Давай, пристраивай к делу потихоньку».

В свои неполные тридцать Инга управляла ей же принадлежащей инвестиционной компанией. Поначалу Фурсенко, загоревшийся идеей посмотреть, на что способна его обожаемая супруга, помог с регистрацией и получением лицензии, он же стал и первым инвестором, выдав Инге небольшую часть собственного капитала. К немалому удивлению и восторгу мужа, она очень быстро усвоила правила биржевых торгов, продемонстрировала гибкий математический ум, способность мгновенно принимать хладнокровные решения, просчитывать варианты и оценивать риски. Набрала себе небольшой штат, сразу установив жестко авторитарный стиль управления, который многие не захотели принять. Зато те, кто остался, составили азартную и работоспособную команду. Масштабы сделок ширились, сумма заработанных комиссионных росла, одним словом, «клиент пошел».

— Так вот пятый год и кручусь. С мужем у нас, можно сказать, полный консенсус и взаимопонимание: он мне в свое время помог, зато сейчас, когда у него проблемы с ликвидностью возникают, он в мой карман ручку запускает без стеснения.

В общем, нормально все, только времени ни на что не остается, этой работой невозможно заниматься с девяти до восемнадцати, она сжирает тебя всего. А я долго так не могу, мне иногда нужно отключаться. Поэтому временами и организую себе приключения всякие. Вот в этот раз решила

сдуру в горах себя испытать, да чуть не загнулась там. Хорошо, рыцарь-герой рядом оказался — не дал окочуриться девочке-«чайнику».

В отличие от Инги Сергей не мог похвастаться высоким статусом, финансовым благополучием или серьезной карьерой. Более того, он никогда особо не стремился к этим общепризнанным атрибутам успеха, и несколько удачных восхождений оставались единственным ярким пятном в обычной, ничем не примечательной жизни. В тридцать пять лет — менеджер по продажам небольшой фирмы, торгующей хозтоварами. Женился почти сразу после школы на девушке из параллельного класса, от супружеской жизни, продолжавшейся чуть больше трех лет, остались какие-то обрывочные и невнятные воспоминания. Когда она объявила, что нашла «настоящего мужчину, который уже многого добился в жизни и с которым ей будет надежно и спокойно», он испытал только облегчение. Детей, слава Богу, завести не успели, имущества никакого не нажили, так что, разошлись по-тихому.

Зарплата у Сергея неплохая — вполне хватает на жизнь, на походы и на немногие привычные удовольствия. Работа — как работа, не лучше и не хуже других. Есть и подруга. Неплохая девчонка, с ней хорошо иногда встречаться, съездить куда-нибудь, но не более того. Друзья имеются — с институтских времен остались, да и в горах отличная команда с годами сложилась.

Лучи вечернего солнца с трудом пробивались сквозь плотную стену высоких елей, окружавших здание ресторана и накрывших своей тенью внешнюю веранду, официанты лениво протирали освободившиеся столики. Сергей разлил по двум бокалам остатки вина из бутылки.

— Заказать еще?

— Думаю, достаточно. Мне кажется, самое время просить счет. — Инга подняла глаза на Сергея и с невинным видом, как бы между прочим, произнесла: — Да, кстати, думаю, мы вполне можем продолжить общение в другом месте.

Легкую растерянность Сергей скрыл добродушной, понимающей усмешкой:

— Не возражаю.

Они вышли из такси в узеньком переулке в центре и оказались перед неприметной металлической дверью без вывески, рядом с которой в стену были вмонтированы глазок камеры и кнопка звонка.

— Учти, — ткнула она его пальцем в грудь и посмотрела исподлобья пристально, с легким прищуром, — я здесь впервые. Это на тот случай, если ты решишь, будто я регулярно таскаю сюда понравившихся мне мальчиков для пополнения коллекции.

Сергей, которому тоже не приходилось раньше бывать в таких местах, осматривал внутреннюю обстановку почасового отеля с откровенным любопытством. Длинный коридор, тускло освещенный редкими, горящими

вполнакала светильниками, мягкий ковер, заглушающий шаги, массивные, покрашенные под красное дерево двери с позолоченными цифрами номеров и кругляшками «глазков» — все здесь создавало атмосферу интимного покоя. Войдя в номер, Инга бросила на кровать сумочку, медленно подошла к Сергею, обвила его шею руками и прошептала в самое ухо: — Чур, я первая в душ.

Они встречались нечасто — иногда раз в три-четыре недели, а в периоды, когда Инга надолго уезжала из Москвы по делам, могли не видеться месяцами. Встречи проходили в той же гостинице, и их инициатором всегда была Инга. Обычно она звонила накануне — вечно спешащая, не имеющая возможности долго говорить, — называла время и, после короткого «Все, милый, целую. До встречи, пока-пока», сразу отключалась. Сергей, которого поначалу слегка раздражала эта роль ведомого, сделал несколько попыток перехватить инициативу — звонил первый и сам предлагал встречу, но всегда нарывался на один и тот же ответ: «Нет, Тарзанчик, на этой неделе никак, и на следующей — вряд ли, ты не представляешь, сколько тут всего свалилось, а в конце месяца я улетаю, дней на десять, наверное. Милый, я очень соскучилась, но правда не могу пока. В следующем месяце увидимся точно».

Томительное ожидание очередной встречи, необходимость подстраиваться под сумасшедший график Инги, которая могла выкроить для короткого свидания пару часов и в разгар рабочего дня, и поздним вечером, отсутствие времени для нормального общения и вечная роль ведомого раздражали Сергея, вызывая порой нешуточное озлобление. Он неоднократно давал себе слово, что в следующий раз проявит, наконец, характер и откажется от встречи, сославшись на занятость. Но, давая себе такие обещания, он не верил в них сам.

Так продолжалось несколько месяцев: редкие встречи — слишком бурные и короткие, чтобы успеть даже просто поговорить, — и, как компенсация недостатка общения, оживленная, почти ежедневная переписка.

Неделя сложилась из муторных, бесконечно длинных дней, наполненных унылыми переговорами, общением с нудными клиентами, надоедливými коллегами. Но наградой за девятичасовые мучения неизбежно наступал вечер, сразу вышибая из головы скучные дневные хлопоты и принося с собой сладость нежданного медового периода. Инга, завладев запасными ключами, умудрялась появляться дома раньше Сергея, притаскивала с собой пакеты с готовой едой, а иногда успевала что-то приготовить и сама, с нетерпением ждала «своего Ланселота», набрасываясь на него в прихожей раньше, чем он успевал снять обувь.

— Знаешь, а я ведь сейчас, пожалуй, впервые веду жизнь обычной современной бабы, — произнесла однажды Инга, прижавшись к боку Сергея и обхватив его руками. — Работа, поход за продуктами, готовка, уборка, встреча мужа. Детеныша, правда, не хватает, да и не нужен он — мешал бы только. Что-то в этом есть, конечно, только, наверное, надоедает быстро.

С самого начала их знакомства Инге нравилось выдумывать Сергею всякие brutальные прозвища — Тарзан, Рембо, Самурай, — причем меняла она их регулярно, под настроение. Сейчас она называла его «мой Ланселот».

— А я, соответственно, твоя Гвиневра, — сказала она, раскинув волосы по плечам и приняв позу античной статуи. — Похожа я на Гвиневру?

Сергей лежал на кровати поверх скомканной и измятой постели, закинув руки за голову.

— Ага, а Фурсенко твой — король Артур, — мрачно проговорил он. — Похож?

На мгновение она комично скривилась, потом приснула веселым смехом, легкими кошачьими шагами подобралась к кровати, улеглась на Сергея сверху, обхватила его голову двумя руками и жарко прошептала в самое ухо:

— Плевать на Фурсенко! Не думай о нем никогда. У нас с тобой все будет очень-очень хорошо.

Праздник закончился на седьмой день. Они сидели утром на кухне, торопливо пили кофе перед тем, как убежать на работу, когда Инга, грустно и чуть виновато улыбаясь, тихо проговорила:

— Все, Сереженька, вечером приехать уже не смогу. Фурсенко прилетает — пора, так сказать, превращаться в примерную супругу. Я ему и так про эту неделю наплела чего-то о подругах своих институтских, уж не знаю — поверил ли? Так что на время Ланселоту с Гвиневрой вновь придется уйти в подполье.

...Жизнь вернулась в привычную колею — частая переписка, редкое телефонное общение, периодические торопливые встречи в отеле, и о временах короткой совместной жизни напоминал лишь порядок в квартире, который Сергей старался поддерживать, словно ожидая скорого возвращения создавшей его женщины.

А потом он увидел Фурсенко.

В вечерних новостях шел репортаж о проходящем на Черноморском курорте финансово-экономическом форуме «Россия — страна воплощенной мечты». В тот день на форуме прошла панель «Возможности привлечения частного капитала для решения государственных задач». Невысокий подиум с полудюжиной установленных на нем широких кресел был залит светом софитов, в переполненной зале мелькали вспышки фотоаппара-

тов, несколько телекамер хищно нацеливали свои объективы на расположившихся в креслах солидных мужчин с серьезными лицами, ведущими между собой неторопливую беседу.

Фурсенко (о том, что это именно он, Сергей узнал из появившейся внизу экрана надписи), вольготно закинув ногу на ногу и щурясь от яркого света, чуть снисходительно, даже с какой-то ленцой в голосе, вещал, формально обращаясь к сидящему в центре подиума министру финансов, но явно работая на журналистскую публику: «Сейчас, когда для развития страны и повышения уровня жизни наших граждан структурные реформы в экономике стали абсолютно необходимы, а правительство явно не в состоянии их должным образом профинансировать, особенно остро встает вопрос о привлечении в государственные программы частного капитала. Нам нужны большие проекты! Нам нужны инвестиции в прорывные технологии! Бюджет не резиновый, а выход на международные рынки капитала сейчас, по известным причинам, сильно затруднен. В такой ситуации мне видится лишь один выход: обратиться к честному, социально ответственному отечественному бизнесу. Мы готовы активно развивать частно-государственное партнерство, конечно, на приемлемых и взаимовыгодных условиях. У нас даже есть к правительству конкретные предложения. Возглавляемая мной банковская группа готова войти в целый ряд проектов, связанных с транспортной и энергетической инфраструктурой, а также участвовать в финансировании научных разработок в сфере оборонно-промышленного комплекса».

Сергей смотрел на экран с болезненно-острым интересом, пока Фурсенко не закончил свою гладкую и убедительную речь, а камера не съехала на другого участника дискуссии.

Он позвонил ей на следующее утро.

— Привет, Ланселот! — Она ответила после первого же гудка. — Ты не представляешь, что у нас тут творится! Ты слышал вчерашние слова премьера на форуме? Ну, где он сказал про расширение списка системообразующих и стратегически важных банков? Ты только подумай: мы растем уже на восемнадцать процентов! И это всего за сорок минут торгов! К вечеру, конечно, слегка откатится, как всегда, но держу пари, что по итогам дня мы прибавим процентов сорок. У нас тут сумасшедший дом сейчас, давай я тебе попозже...

— Инга, послушай меня... — Его голос звучал спокойно, но она почему-то мгновенно оборвала свое восторженное тарыхтение. — На Гоголевском есть пиццерия, названия не помню, но она на углу, ее со всех сторон видно. Сегодня в семь жду тебя там. Нам надо поговорить.

Она опоздала на пятнадцать минут. Войдя в стеклянную дверь, на секунду замерла, обводя быстрым взглядом полупустой зал, и, увидев Сер-

гея, быстро направилась в его сторону. Отодвинула стул, привычно повесив сумочку на спинку, села напротив.

— Привет, Ланселот! Ну, рассказывай. Что случилось, что за срочность такая?

Тревога во взгляде и голосе была явно не наигранной, Сергей, настроившийся на решительный разговор, почувствовал, что вновь готов дать слабину, смягчить фразы и обойтись без заранее подготовленного ультиматума. Он слегка замялся, и Инга, не привыкшая долго ждать ответов на свои вопросы, тут же начала строить предположения:

— Может, твой мерзкий Васильич все-таки уволил тебя, и ты, наконец, сможешь заняться нормальным делом? На работе чего-то, да? Хотя, нет — думаю, такой новости ты бы скорее обрадовался. Слушай, ты, вроде, говорил, что друзья твои в Фаны собирались, может, с ними чего случилось? Ну, Сереж, не молчи!

— Инга, я тебя позвал... в общем, я больше не хочу общаться с тобой в ресторанах и встречаться в гостиницах, не хочу писать письма и гадать, когда смогу тебя увидеть. Не хочу делить тебя с Фурсенко и ждать, когда он куда-нибудь надолго свалит.

— Так. Я поняла, чего ты не хочешь, — тихо проговорила она, опустив глаза и нервно теребя край скатерти. — А чего хочешь, я, конечно, догадываюсь.

— Правильно догадываешься. Я хочу, чтобы ты развелась с Фурсенко и бросила заниматься тем, чем занимаешься сейчас. Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. Еще я хочу, чтобы ты родила от меня ребенка. Инга, прошло больше года — достаточно для того, чтобы принять решение. Тебе нравится твоя работа? Не вопрос — ты сможешь заниматься ей и дальше, только без твоего пухлого жулика.

Пока официант ставил на стол кофе, выкладывал завернутые в салфетку приборы, явно ожидая дополнения к столь скромному заказу, они сидели молча, не глядя друг на друга.

— Тебя что, смущают мои заработки? — продолжил Сергей после вынужденной паузы. — Может, ты просто не можешь отказаться от образа жизни, который...

— Сережа, не болтай чепухи! — поморщилась Инга. — Ты сейчас требуешь от меня отказаться от моего дела. А уйти от Фурсенко — это значит, остаться без всего, бизнес он у меня отнимет. Ты требуешь от меня превратиться в домохозяйку или попытаться начать все с нуля. Ты не занимался бизнесом, поэтому не понимаешь, что это для меня значит.

— Я ничего не требую, — устало проговорил Сергей. Он уже знал, чем закончится этот разговор, знал еще утром, назначая встречу, но отчаянно

подогревал в себе остатки слабой надежды. — Я просто прошу, чтобы ты приняла решение — здесь и сейчас.

— Почему именно сейчас? — спросила она, опустив глаза на чашку с кофе, в которой машинально мешала уже давно размешанный сахар. — Что случилось за те три дня, которые мы не общались?

— Это случилось не за три дня. Это продолжается уже год, и не говори, что ты не ждала подобного разговора.

Инга перестала, наконец, мешать кофе, подняла глаза, в которых явно читался упрямый вызов:

— Сережа, мне очень сложно поступить сейчас так, как ты просишь. — Голос чуть дрожал, но слова произносились твердо, в них не ощущалось неуверенности и сомнений. — Я не могу вот так сразу поломать в своей жизни то, что выстроено с таким трудом. Дело не в заработках и роскоши, хотя и это, конечно, тоже... Невозможно отказаться даже не от того, чего уже достиг, а от того, чего еще можешь достигнуть через год, два, десять лет. Отказаться от мечты, от цели. Этот процесс, однажды начавшись, должен продолжаться, ты должен двигаться вверх, всегда вверх. В какой-то момент человек перестает быть хозяином своего дела, — дело поглощает его, начинает само вести за собой. Это сложно объяснить, Сережа, но я не могу так. Я понимаю тебя, честно, но ты тоже постарайся меня понять.

— Значит, говоришь, все время вверх? — задумчиво повторил Сергей. — Это хорошо. Жаль только, что, как мне кажется, страховка у тебя гниловата для таких подъемов. Да и напарник в связке не внушает доверия. Не боишься?

Она долго молчала, потом проговорила — так тихо, что он едва смог ее расслышать:

— Я, Сережа, боюсь сейчас только одного — остаться без тебя.

— Тогда решай, Инга, — мягко проговорил он.

4

Неяркий свет от настенных бра, приглушенная музыка, уютные диванчики вокруг столов — все было так же, как и три года назад, лишь маленький внешний дворик сейчас, поздней осенью, пустовал, и ведущую к нему закрытую дверь поливал нудный, зарядивший с самого утра мелкий дождь. В ожидании Инги Сергей сидел за тем же столиком, за которым впервые встретился с ней после Эльбрусского похода.

Они не виделись больше двух лет, и за это время в его жизни произошло не так много событий. Вскоре после своего последнего разговора с Ингой он чуть было не решил жениться — не столько из-за стремления создать семью, сколько из-за острого желания заполнить пустоту, мгно-

венно образовавшуюся на месте прекратившейся переписки, ожидания звонков и нетерпеливого возбуждения перед очередной встречей. Марина — та самая девушка, про которую он говорил Инге «неплохая девчонка, но не более того», даже работая в другом офисе, правда, в соседнем, умудрялась постоянно быть рядом. Она напрашивалась сопровождать его на обед, доставала билеты и приглашения на самые невероятные мероприятия, часто поджидала его после рабочего дня у дверей бизнес-центра. Один раз даже уговорила взять ее в несложный недельный поход по Западному Кавказу, где в первый же день сбила ноги новыми, специально купленными горными ботинками, истерла плечи лямками рюкзака, еле добредала до стоянок, но стойко изображала восторг от походной жизни, желая понравиться любимому человеку. Сергей не отталкивал ее, но, как ему казалось, и не давал повода строить в отношении себя далеко идущие планы. Она всегда была под рукой, часто ночевала у него, сопровождала в гостях у друзей, которые давно обзавелись семьями, и к которым ему не хотелось являться в одиночку. Это казалось удобным, и даже в период отношений с Ингой он, измученный и раздраженный долгим ожиданием встречи, словно в отместку своей слишком занятой подруге, несколько раз приводил домой Марину.

Вскоре после разрыва с Ингой он стал вдруг испытывать к Марине все усиливающееся чувство жалости и быстро, хоть и мягко, завершил их отношения, чему дополнительно помогло внезапное увольнение с работы, после которого им уже не приходилось встречаться ежедневно. Больше он с ней ни разу не виделся, а на рынке труда надолго не задержался — конкурирующая с его бывшей конторой фирма схватила Сергея, не раздумывая, предложив намного лучшие условия и деньги.

Судя по всему, после Черноморского форума бизнес Фурсенко заметно пошел в гору: банкир стал частенько мелькать на экране телевизора, его банк вскоре вошел в ТОП-20 по размерам капитала и периодически упоминался в связи с крупными строительными проектами. Сергею, незнакомому с тонкостями миграции больших денежных потоков, оставалось только удивляться, как мелкий, полуполюгальный банк, еще недавно занимавшийся, в основном, обналочкой и не совсем прозрачными операциями с узким кругом VIP-клиентов, превратился вдруг в системообразующее финансовое учреждение. Несмотря на возросшую медийную известность, свою жену Фурсенко, очевидно, предпочитал оставлять в тени, — руководимый Ингой фонд лишь иногда упоминался в обзорах бизнес-новостей и комментариях аналитиков, а сама она никогда не сопровождала мужа на форумах, конгрессах и презентациях. Впрочем, судя по обзорам и комментариям, дела у нее тоже шли неплохо.

...Вся окружающая обстановка — монотонный осенний дождь за окном, спокойная музыка, тихий уют небольшого зала — создавала в душе сентиментально-романтический настрой. Глядя на бегущие по стеклу капли, Сергей неторопливо перебирал в памяти моменты того кажущегося сейчас таким далеким и ставшего в итоге таким коротким периода, когда несколько слов короткого сообщения казались самыми важными в жизни, чуть заметная благосклонная улыбка приводила в дикий восторг, а каждая ночь, проведенная в навязчивом уюте дома свиданий, надолго оставляла после себя чувство безудержной эйфории. Это длилось чуть больше года, и за все это время, за исключением одной недели полноценной совместной жизни, было лишь несколько встреч в ресторанах и торопливо-жадное — будто в последний раз — насыщение друг другом в отеле. И вот опять — старое место, куда он послушно явился по первому зову.

Сергей продолжал задумчиво разглядывать поливаемое дождем окно, когда почувствовал вдруг, что он уже не один. Медленно повернул голову, поднял глаза.

Неслышно подойдя, Инга стояла около столика, смотрела на него сверху вниз с грустной полуулыбкой:

— Ну, здравствуй, мой Ланселот! — Села на диванчик напротив, машинально поправила скатерть, чуть сдвинула в сторону оказавшуюся между ними вазу с цветами и, протянув руку, ласково потрепала Сергея по короткому чубу. — Ничуть не изменился, и стрижешься все так же.

Подошел официант, и она с хитрым прищуром повернулась к Сергею:

— Есть не хочу, выпила бы чего-нибудь. Закажи сам. Заодно и проверим, какая у тебя память.

Он сделал заказ, продемонстрировав, что не забыл ее предпочтений, и некоторое время они просто сидели, молча разглядывая друг друга, словно решали, кто первым начнет разговор. Сергей невольно искал в ее лице перемены, произошедшие за период разлуки, заметил тоненькую, почти невидимую сеть мелких морщинок, разбегавшихся от глаз, и обозначившуюся упрямую складку на лбу, которая раньше появлялась лишь в короткие моменты хмурого настроения или сильной усталости. И еще — взгляд. В нем сквозила сейчас абсолютно не свойственная Инге раньше, какая-то глубокая, хоть и тщательно скрываемая грусть. Она старалась выглядеть по-прежнему независимой, деловой и агрессивно веселой, но Сергей, успевший слишком хорошо ее изучить, видел, каких усилий это ей стоило.

— Надо же, — усмехнулась Инга, — два года не виделись, а встретились — и сидим, как сычи, будто и говорить не о чем. Расскажи, что ли, как живешь. В горы ходишь, семейством обзавестись успел?

Сергей заговорил, неторопливо описывая свою не слишком богатую на события жизнь. Инга слушала, иногда вставляла привычно колкие коммен-

тарии, выразила удовлетворение по поводу ухода Сергея с работы, и тут же — досадное разочарование по поводу его нового места, ничем, по ее словам, не отличающегося от старого.

После весьма лаконичного рассказа о собственных достижениях он перевел разговор на ее жизнь, поинтересовался успехами в бизнесе и, не удержавшись, заметил, что выглядит она, конечно, прекрасно, но как-то не особо бодро.

Инга вдруг замялась, отвела глаза, помолчала, словно собираясь с духом, и неуверенно заговорила, глядя на тающие в бокале кусочки льда:

— Знаешь, я позвала тебя... потому что поняла, что обязательно должна сказать тебе одну вещь. Раньше как-то не получалось... не думала об этом, потом все у нас неожиданно закончилось. — Она допила мартини двумя большими глотками, дала знак официанту повторить и продолжила уже спокойно, не сбиваясь и не отводя взгляда: — У меня в конторе сейчас работает больше тридцати человек. В основном — молодые, активные, жадные и пробивные мальчишки, почти всем чуть за двадцать пять или тридцать. Я для них — непререкаемый авторитет, потому что владею фирмой, управляющей многомиллиардным портфелем, то есть — почти небожитель, достигший, в их понимании, всего, к чему должен стремиться человек. Эти мальчишки — основа моего бизнеса, но мне они не интересны, потому что я вижу их насквозь. Сейчас я часто общаюсь с друзьями и партнерами Фурсенко — это уже совсем другой уровень, уважаемые бизнесмены, список «Форбс», финансовая элита. Но, понимаешь, меня окружает много людей, а ни одного живого лица среди них я не вижу. Одни маски — набор масок, из которого выбирается подходящая для конкретной ситуации. Меня тошнит от их шуток, мне противно и снисходительное обращение друзей мужа и подобострастное обожание подчиненных. Бабы — жены и любовницы финансистов — со своей вечной болтовней о брюликах, яхтах и виллах — это вообще отдельная песня. Это общество я выдерживаю не больше пяти минут.

— Да уж, — усмехнулся Сергей. — Тебе явно не мешало бы разбавить круг общения.

— Знаешь, Сереж, я попросила тебя придти, чтобы сказать: ты — единственный человек, с которым мне было по-настоящему хорошо, единственный мужчина, с которым я ложилась в постель не за карьеру, не из-за постылого супружеского долга, не по сиюминутному капризу или просто от скуки. Ты совсем не похож на тех, кого я вижу вокруг себя. Тебя совсем не интересуется то, что они считают смыслом жизни, а то, чем живешь ты, вообще недоступно для их понимания. У тебя нет миллионного состояния, но в любой кризисной ситуации, выбирая, к кому прижаться, я предпочла бы тебя всем этим успешным состоявшимся людям. Там, под Эльбрусом, еще

до того, как тебе пришлось спускать меня с горы, я сразу почувствовала это, нутром, неосознанно, еще ни в чем толком не разобравшись, я уже точно знала: ты — тот мужчина, какого вряд ли можно встретить дважды.

— Между прочим, — глухо проговорил Сергей, — мое последнее предложение остается в силе. Так же, как и на нашей прошлой встрече, решение за тобой. Тебе не нравится, как ты живешь? В твоих силах все изменить прямо сейчас.

— Нет, Сережа, теперь уже ничего не изменить, — чуть заметно покачала головой Инга. — В понедельник утром ЦБ вводит в банке Фурсенко процедуру наблюдения. Дальше будет снежный ком, и все закончится отзывом лицензии и санацией. Пока все удастся держать в секрете, новость уйдет в СМИ уже по факту, и к тому моменту, когда станет по-настоящему горячо, мы будем далеко. Без уголовного дела не обойдется — там дыра такая, что никакими случайностями или просчетами не обоснуешь.

— Почему — мы? — встрепенулся Сергей. — Слушай, Инга, то, что ты рассказала, — просто отлично. Это же шанс, понимаешь? Твой Фурсенко — не первый и не последний, кто разворачивает собственный банк. Специально для таких существует прекрасное место, чтобы отдохнуть от праведных трудов — солнечный город Лондон. Пусть валит туда, у него там полно коллег, может, создаст там партию «Воры из России — за защиту от русской агрессии». Это же его банк, ты тут при чем? А ты останешься здесь. Останешься со мной.

Инга невольно улыбнулась, глядя на наивный энтузиазм Сергея.

— На этот раз, Сережа, все не так просто. Боюсь, нам с благоверным не придется вести респектабельную жизнь в поместье под Лондоном и изображать из себя жертв московского режима. У Фурсенко, да отчасти и у меня через него, в управлении находились деньги не только простых инвесторов. Там еще были деньги, об исчезновении которых не узнает никакое следствие, зато не забудут их настоящие владельцы. Понимаешь, есть люди, не желающие по понятным причинам указывать в декларациях свои реальные доходы и обнародовать состояние. Им сейчас приходится нелегко: привычные офшорные схемы стали ненадежными, совсем старый и проверенный способ — чемодан с наличкой в багаже — тоже уже слишком опасен. И вот для них такие как Фурсенко, умеющие не только грамотно «стерилизовать» излишек средств, но и обеспечить с них хоть и небольшой, но стабильный доход, становятся просто незаменимыми. И все ведь шло хорошо, и дальше было бы еще лучше, не случись этого «шухера» с операцией «Остров». Слышал, конечно?

Трудно было бы найти человека, который ничего не слышал о грандиозном скандале, потрясшем деловой мир пару месяцев назад. Министерство финансов США нашло-таки новый, креативный способ решения проблемы астрономического дефицита бюджета, объявив о проведении совместно

с ФБР и ЦРУ операции «Остров». Сразу несколько широко известных офшорных зон были названы территориями, через которые финансируется враждебная Америке деятельность, и львиная доля номинированных в долларах активов оказалась замороженной, а через пару дней попросту конфискованной. Грабеж был проведен молниеносно, с вежливыми реверансами в сторону «честного бизнеса» и подкупающей откровенностью формулировок. Гигантским цунами пронеслась по планете волна возмущения, но, как водится, дальше пронзительных воплей дело не пошло, и мир постепенно успокоился, покорно привыкая к новой реальности.

— Дело в том, что Фурсенко держал там солидную часть средств клиентов, причем сами клиенты, полностью доверяя ему, об этом даже не догадывались. Те немногие партнеры, кто был в курсе, убеждали его вывести оттуда все, говорили, что времена «тихих гаваней» закончились и надо искать другие схемы. Но он же у нас упрямый, самый умный, верил в старые методы, за счет которых сам когда-то встал на ноги, вот и доигрался. Так что, теперь, Сережа, мы с моим чудесным супругом повязаны крепко. И дело не в следствии, по банкротству банка мне ничего не предъявишь. Дело в тех деньгах, за которые спрашивают не с помощью судебных исков.

— Инга, Инга, что же ты натворила?! — медленно качая головой, потрясенно посмотрел на нее Сергей. — Чего тебе не хватало? Зачем ты влезла во все это... Ответь только на один вопрос: зачем?!

— Сережа, я прошу тебя, — перебила она тихим, но неожиданно твердым голосом. — Это может оказаться нашей последней встречей. Я хотела увидеть тебя, сказать... то, что сказала, хотела все объяснить. Давай не будем возвращаться к тому, о чем говорили много раз. И вообще, если тебе очень хочется это услышать, то за два года я много раз успела пожалеть, что не согласилась тогда на твое предложение. Много раз. Испугалась тогда — нищеты, неизвестности, резких перемен, проблем с бизнесом, не знаю, чего еще, — и не согласилась. Вот, теперь уж точно сказала все, что хотела. — Инга смахнула слезы, выразительно показала стоящему у барной стойки официанту на пустой бокал.

— Куда вы теперь? — хмуро спросил Сергей.

— Не знаю, мне, если честно, все равно. Фурсенко занимается, говорит, что все готово, даже паспортов достал три пары, и все на разные фамилии. Я и не догадывалась, что у него такие возможности. Говорит, с тремя пересадками полетим. Здорово, видно, испугался — следы замечает усердно.

— Ну, вот, — весело сказал Сергей, пытаясь придать разговору легкомысленный тон, — окажешься ты, в конце концов, в какой-нибудь экзотической стране, где белый песок, синее море и зеленые пальмы, и знаешь, мне кажется, тропический загар тебе будет очень к лицу. И уже через пару-тройку месяцев слякотная Москва, со всеми ее суетливыми инвесторами,

брокерами и трейдерами, покажется тебе страшным сном, который нужно просто поскорее забыть.

— Все будет примерно так, кроме одного, — медленно проговорила Инга. — Забывать я ничего не хочу, и жизнь такая очень быстро встанет мне поперек горла. Знаешь, что я решила? — Слез уже не было, и Сергей с удивлением уловил в ее голосе привычную твердость. — Я там надолго задерживаться не собираюсь. Подожду, пока тут все уляжется — не могут же нас искать вечно, или Фурсенко, в конце концов, найдет денег, чтобы угломонить самых опасных кредиторов, — и свалю оттуда. Одна. И вот тогда ты скажешь, остается ли в силе твое предложение. Ну, так что — готов благородный Ланселот дожидаться свою Гвиневу?

— Готов, — самодовольно усмехнулся Сергей, как делал всегда, когда пытался показать ей свою независимость.

5

Компьютер загрузился, вывесив на экран заставку с рассветным Эльбрусом. До начала рабочего дня оставалось еще больше пятнадцати минут, и Сергей по обыкновению запустил новостной портал, медленно подвел курсор к одному из заголовков в разделе «Происшествия» и... оцепенел, уставившись в монитор.

«Ночное ДТП у Шереметьево: несчастный случай или преступление?» — гласил заголовок, за которым следовал текст: «Сегодня ночью на Международном шоссе в двух километрах от аэропорта Шереметьево произошло ДТП: автомобиль «Мерседес GLS-500» столкнулся с самосвалом «КамАЗ», груженным строительным щебнем. Удар был такой силы, что самосвал опрокинулся набок. Водитель и пассажирка иномарки в результате аварии погибли на месте, в кабине грузовика обнаружены следы крови, но сам водитель с места происшествия скрылся, проводятся мероприятия по его розыску. Позже выяснилось, что грузовик был угнан этой же ночью с площадки одной из строительных компаний. Личности погибших установлены по найденным при них документам. Ими оказались председатель правления банка «Стандарт-инвест» Михаил Фурсенко и его жена, генеральный директор и основной акционер управляющей компании «Норма» Инга Ларионова. ДТП предположительно произошло около трех часов ночи; на данный момент полиции не удалось найти ни одного очевидца аварии, по расположению автомобилей проведена примерная реконструкция событий, которая указывает на то, что «КамАЗ» изначально следовал по правой полосе и по невыясненной пока причине совершил резкий маневр перестроения влево, в результате чего в него врезался двигавшийся на большой скорости в сторону аэропорта «Мерседес».

Напомним — на прошлой неделе в прессу просочилась информация о серьезных финансовых проблемах банка «Стандарт-инвест», некоторые наблюдатели даже предсказали возможный отзыв лицензии, но представитель ЦБ назвал тогда эти заявления досужими домыслами. Однако загадочные обстоятельства сегодняшней трагедии позволяют предположить, что...»

...С неба густо валил мокрый, первый в этом году снег. Опаздывающие на работу обитатели многочисленных офисов торопливо вбегали в стеклянные двери бизнес-центра. Сергея, двигавшегося навстречу суетливому потоку, кто-то ощутимо задел плечом, он, не обратив на это внимания, вышел на крыльцо, неторопливо огляделся, будто впервые видя стоящие вокруг здания, спустился по низким ступенькам и медленно побрел по тротуару вдоль припаркованных, побелевших от снега машин.

В кармане назойливо запищал мобильник, — начавшийся рабочий день требовательно напоминал о себе. Сергей остановился, достал телефон, отключил его, аккуратно убрал в карман и так же неторопливо двинулся дальше. Он вдумчиво изучал вывески попадающихся ему ресторанов, банков, контор, подолгу задерживал взгляд на рекламных щитах. Это занятие казалось ему сейчас очень важным, потому что позволяло сохранять в голове спасительную пустоту, заслоняло от безумной действительности, в которой все было неправильно и происходили какие-то страшные вещи: гибли любимые люди, обрывались радостные ожидания, преследовало мучительное чувство неисправимой вины.

Через какое-то время он вдруг осознал, что движется по направлению к дому и при таком темпе часа через полтора окажется у двери собственной квартиры. И тут же в голове возникла яркая картинка: его комната, такая, какой он увидит ее от самого порога. И центральным элементом этой картинки окажется стоящая на письменном столе мягкая игрушка — искусно изготовленный по специальному заказу плюшевый медведь со сдвинутыми на лоб альпинистскими очками, с рюкзаком на спине, с пластмассовым ледорубом за поясом и с привязанными к лапам игрушечными «кошками». Этого медведя Инга подарила ему на день рождения — единственный его день рождения, который они провели вместе. «Смотри, Ланселот, какой мишка, — сказала она тогда. — Очень похож на тебя, потому что сильный — медведи ведь сильные. И при этом добрый — видишь, какие у него глаза? К тому же любит горы. Я хочу, чтобы ты всегда оставался таким — сильным и добрым, любил меня и, так уж и быть, еще немного свои горы». Сергей не хотел сейчас смотреть в доверчивые глаза мишки-альпиниста. На первом же перекрестке он свернул в небольшой, неизвестно куда выводящий переулок и продолжил свое неторопливое шествие.

Ветер бросал ему в лицо крупные липкие снежинки, которые тут же таяли, стекая по щекам медленными прозрачными каплями. □

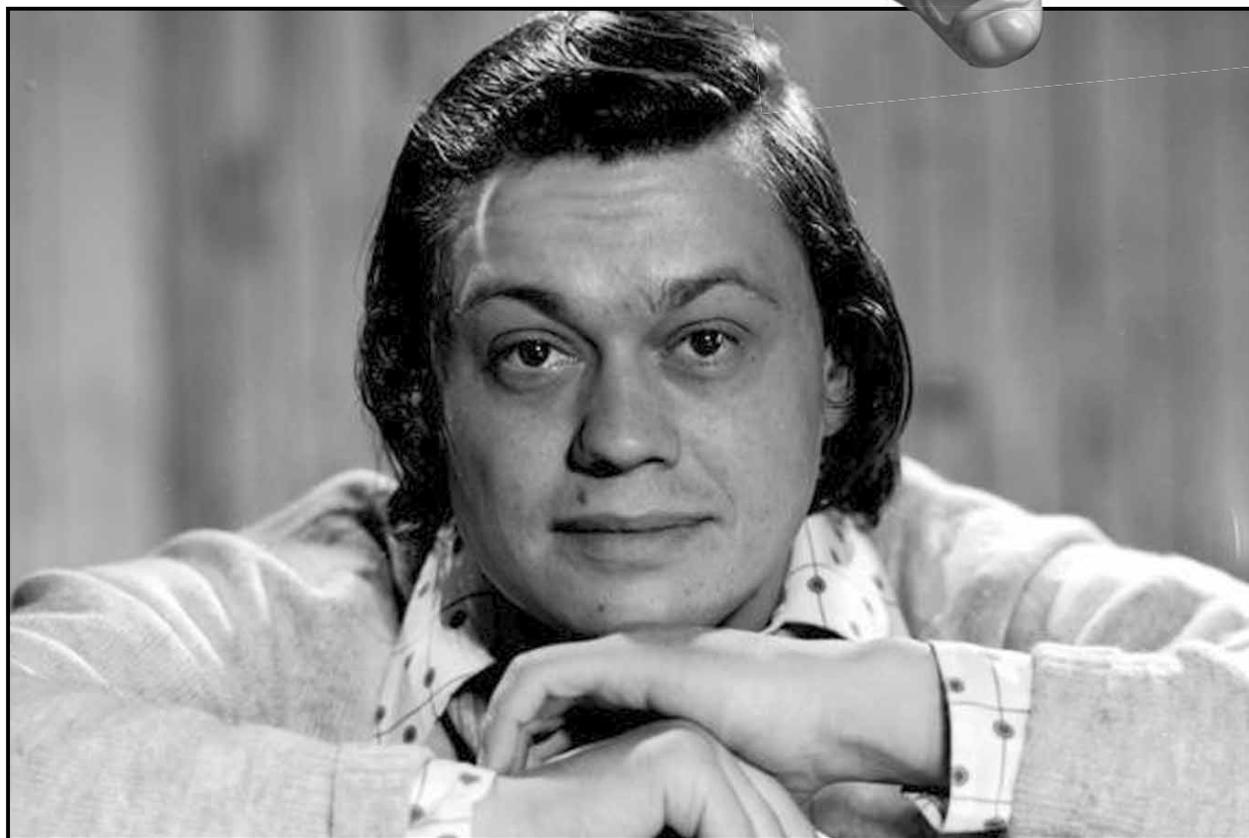
В октябре будет ровно год, как ушел из жизни прекрасный актер и человек — Николай Караченцов. Но до сих пор у многих его друзей и почитателей его таланта при воспоминании о нем сердце отзывается болью. Один из них — журналист Николай Долгополов, который не мог не поделиться своими воспоминаниями о пусть не очень частых, но таких волнующих встречах с Николаем Петровичем.

Николай Долгополов

КОНЕЦ ИГРЫ

Николай Караченцов жил достойно и в славе, и в боли.

Он навсегда останется в моей памяти графом Резановым в «Юноне и Авось». Не знаю в нашем театре роли лучше, чем эта, разве что Гамлет Владимира Высоцкого на Таганке.

А могло быть иначе? Февраль 2005 года. Ночью на зимней дороге он мчал на своем «Фольксвагене-Пассате». Рядом сидел родственник. Внезапно колесо попало в яму, и машину понесло юзом. Коля не смог ее удерживать. (Фантастика, но за день в ту же яму угодила его жена, однако скорость была поменьше, и ей удалось выровнять автомобиль.) Если бы Караченцов был человеком полным, он бы погиб сразу, а так страшная сила удара протащила его вперед, сломала ребра, череп был расколот. Известно, что тогда было бы, если бы не случайно проезжавшая мимо «Скорая помощь», которая остановилась, увидев покореженный «фолькс». Кто и когда останавливается у нас на дороге, да еще и ночью? Прямо святые

врачи остановились и сделали первый шаг к спасению, без которого не было бы остальных. У родственника, даже не пристегнутого, оказалось «лишь» сотрясение мозга. Случай играет нами, как ему заблагорассудится.

Прошло больше года после того, как стряслась эта беда. Мой товарищ Виталий Мелик-Карамов вез Колю и его жену Людмилу Поргину домой с теннисных посиделок. Больной, усталый после общения с множеством любящих его друзей, Караченцов, казалось, дремал на переднем сиденье. Людмила Андреевна, которую я видел мимоходом, а сейчас изредка сталкиваюсь на каких-то телепередачах, неожиданно откровенно рассказывала мне о театре. Когда произошло страшное «это», в родном «Ленкоме» ввели на главную, исконно Колину роль, хорошего актера. Я тогда подумал — зачем? Неужели нельзя было оставить в памяти зрителей первого и единственного, неповторимого и блистательного Резанова — по стечению обстоятельств тоже Николая Петровича?

Вдруг с переднего сиденья раздалось рычание. По мере продолжения рассказа оно становилось все громче, яростнее. И Людмила Андреевна замолчала, шепнув мне: «Коля очень не любит, когда при нем о его театре говорят так».

В этом и был весь Николай Петрович Караченцов. Он нас любил. Знаменитых и безвестных, попадавших на его славной дороге. Не презирал поклонников и фанатов, не отворачивался от толпы, рвавшейся по-

*Николай
Караченцов
в образе графа
Николая
Резанова
в рок-опере
«Юнона и Авось»*

говорить с ним, побыть рядом. И мы, даже самые черствые и испорченные, чувствовали его благородство. Оно было везде — на сцене, в жизни, на теннисном корте, где нас и свели совсем вроде бы разные дороги.

Его обаяние было безграничным. Такое нельзя сыграть — он был именно таким. Открытым, приятным и очень понятным. Ну, где еще вы видели актера со столь редкими зубами? Другому никогда бы не простили, задвинув на второй план, а Караченцова и они неведомым образом украшали.

Однажды мы с группой совсем не театральных персонажей ввалились в самолет, вылетающий из какой-то

страны в нашу. И сразу — Коля! Обрадовались, поговорили, он познакомился с моими шумными спутниками. Рассказал, что возвращаются они с выступлениями, пару дней давали концерты с товарищем. В чем я увидел разницу? Да в том, что знаменитый Колин товарищ, тоже народный артист России, сидел, насупившись, глядя в потолок, и за всю дорогу не удостоил никого из пассажиров общения. Вот так и проходит любовь к кому-то. И так она остается навсегда.

Не отношу себя к сонму знаменитых театральных критиков, которому только и дано просвещать публику и ставить оценки нашему театру. При нынешней суматохе, диком

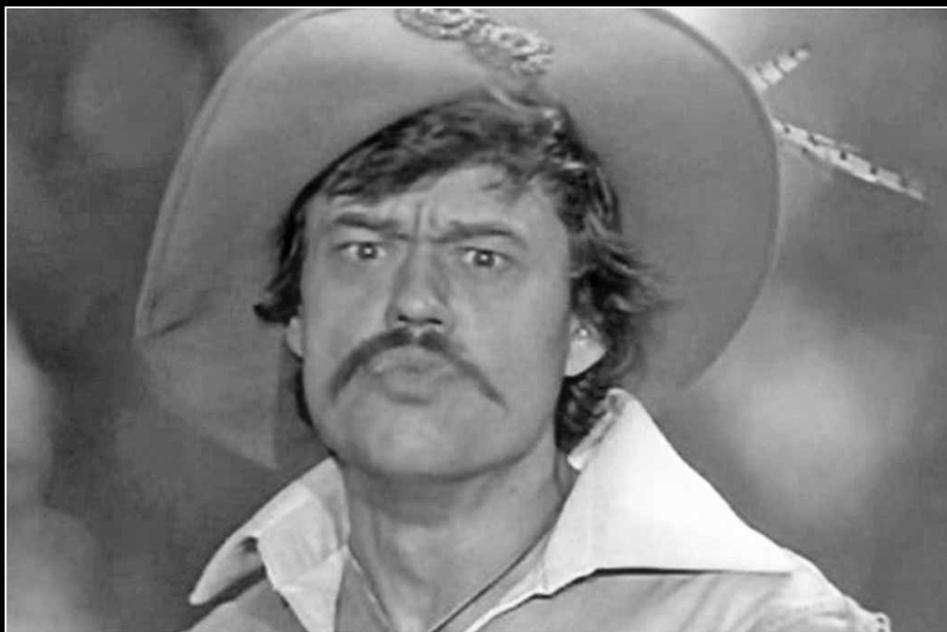
темпе, сплошной работе вырваться куда-то трудно. До чего ж я за эти годы отстал! Но на все спектакли Николая Караченцова ходил. А «Юнона и Авось» был именно его спектакль. Он вместе с великим режиссером Марком Захаровым превратил его в лучшее, что было на наших подмостках. Да и не только наших. Однажды в «Эспасе Кардене» на Елисейских полях я собственными глазами видел, как чопорная, избалованная всем и вся парижская публика, скептически пришедшая на «Юнону», тихо, очень тихо плакала при монологах Караченцова — Резанова задолго до трагического финала пьесы.

А ведь у меня лично поначалу было к этому спектаклю жесткое пред-

убеждение. Вместе со сценаристкой Лидией Вильвовской мы пробились к относительно молодому тогда композитору Алексею Рыбникову. Дело в том, что музыкальная партитура Арама Ильича Хачатуряна к вахтанговскому «Маскараду» считалась навсегда погибшей: во время войны в театр попала бомба, много чего уничтожившая. Неугомонная Лидия Романовна каким-то чудом разыскала эти не сгоревшие в огне ноты. Надо было лишь близкому к творчеству Хачатуряна композитору оранжировать, чуть дописать, что-то подправить, свести композиционно, а либретто к балету «Маскарад» они написали с моим в пору похода к Рыбникову уже покойным отцом. Композитор был учеником ве-

Слева:

К/ф «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона»

К/ф «Ослиная шкура»

ликого Хачатуряна, и уж кому, как не ему над этим потрудиться. Но Рыбников вежливо объяснил, что все время и все творческие, духовные силы отдает работе над необычайным спектаклем, который скоро пойдет в одном московском театре.

Короче, балет довел до совершенства другой ученик Хачатуряна, на-

родный артист СССР Эдгар Сергеевич Оганесян. И «Маскарад» поставили в некоторых балетных театрах страны с костюмами Ильи Глазунова.

Я как-то обиделся и на Рыбникова, и, заочно, на какой-то упомянутый им спектакль. Но попал на «Юнону и Авось» и буквально «заболел» этим спектаклем, ходил на него, точ-

С женой Людмилой Поргиной

К/ф «Чокнутые»

нее сказать, на Караченцова еще не один раз. Конечно, композитор Алексей Рыбников был прав. Ленкомовский шедевр, усилием мастеров созданный, стоил того, чтобы без всяких преувеличений забыть обо всем ином.

А после разговора с Поргиной в машине я снова пошел на «Юнону и Авось». Ушел из театра расстроенный. Причиной тому была не только замена, твердо убедившая меня, что и этот спектакль, и «Гамлет», без сомнения, надо было закрывать. Еще неприятно резанула продажа книг о Караченцове в фойе, сбор средств в его пользу. Да, хорошо, что скидывались всем небогатым миром на лечение. Но хотя и не на показ, а все равно нарочито. Зрители раскошеливались вяло. Тоска...

...А было время, когда Колю хватало не только на театр и кино, но и на корты — тоже. 1990-е годы —

сначала становление, а потом и расцвет российского тенниса. В закрытых для профессионалов турнирах «Большой шляпы» выступали, словно на арене, способные держать ракетку руководители страны, плюс нарождавшееся племя олигархов, а еще известные люди искусства — Дунаевский, Кельми и Николай Караченцов.

Коля играл блестяще. Все-таки не очень и юный, он двигался на корте необыкновенно быстро. Удары наносил грамотно. Не был, как говорят настоящие теннисисты, «ватником». Успевал выбегать к сетке, попадал подачу. Порой выходил и в финал.

Меня это поражало: в перерывах Коля не вынимал изо рта сигареты. Но мать-природа одарила его фантастической выносливостью. Он не задыхался, не пыхтел. Когда изредка его пара проигрывала, никогда не ругал партнеров. На корте, где все

плохое и хорошее отчетливо прорывается наружу, он оставался тем же благородным Николаем Петровичем Караченцовым.

И я отдавал дань тому же увлечению, выполняя чуть не лет десять роль руководителя всех теннисных пресс-центров. А тогда наши игроки были — ой-ей-ей! Кафельников, Сафин, Дементьева, Кузнецова, моя любимая Настя Мыскина. Они брали под водительством Шамиля Тарпищева Кубка Дэвиса и Федерации, побеждали в турнирах «Большого шлема». На Кубке Кремля в «Олимпийском» собиралась вся Москва, и не только теннисная.

И Коля, конечно, прибежал, болел, реагировал очень эмоционально. Однажды перед открытием Кубка Кремля я встретил его крайне возбужденным. Стоя в уголке нашего пресс-центра, он держал два листочка бумаги, будто что-то заучивая. Увидев меня, выдохнул: «Мне петь на открытии. А текст только что изменили. Не выходить же с листками». И вышел без них. Спел, как всегда, классно. Потом подошел ко мне, спросил: «Как?» Поблагодарил за добрые слова, признался, что переволновался, а на вопрос о памяти засмеялся: «Вот с этим у меня все в порядке». Рассказывают, что даже среди актеров, привычно быстро заучивающих монологи и диалоги, его умение запоминать написанное целыми страницами считалось феноменальным.

Часто в раздевалке или у корта Николай баловал нас анекдотами. Каждый из них — прямо сценка

из спектакля. И как сыгранная! Порой они были даже где-то рискованные, но у Коли все равно звучали по-доброму.

Удушливым греческим летом 2004-го перед Олимпиадой в Афинах мы сидели на скамеечке российского посольства, куда всех нас созвал Чрезвычайный и Полномочный Андрей Валентинович Вдовин. Колю, как всегда, волновали теннисисты: «Правда, что не в форме Мыскина? А Марат (Сафин) — он нормально?»

Я честно признался, что на этот раз подготовились не очень. Тут к нам приблизились две красотки: «Пора. Мы пойдем переодеваться». Девчонки были так молоды, стройны и длинноноги. Я выдохнул: «Ну, ты даешь!» Коля посмотрел на меня с укором: «Ты что? Я бью с ними степ». И это было потрясающе! Что они делали на крошечной площадке! Видел я и Колино сальто в спектаклях, слышал его пение, а тут еще и степ! Не уверен насчет Станиславского, но Мейерхольд этим неповторимым синтетическим актером был бы восхищен.

А после, когда все уже случилось, увидел Колю в марте 2006-го на турнире «Большой шляпы». Аккуратнейше одет. До блеска вычищенные модные остроносые ботиночки, выглаженные «в стрелочку» брюки и яркий, в его стиле, свитер. То, что он ходил, пытался говорить, можно было считать великим чудом. Положив голову на руки и опершись на барьер, он внимательно всматривался в корт.

Людмила Андреевна уверена, что Николая подняли на нетвердые ноги не только врачи, но и помощь Божья. И исходящая от множества людей вера в своего любимого Караченцова. Она, эта вера, ощущалась, висела в воздухе. Не хочу писать красиво, но многие восприняли его трагедию словно свою. Артист, опоясанный трубочками, получал тысячи писем. Стон шел к небу, и, как считает Людмила Поргина, небо услышало.

Тогда, на турнире, меня при виде Коли охватил мандраж, я нервничал,

боялся подходить: узнает, не узнает. Не друзья же, просто знакомые. Узнал, поздоровались, похлопали друг друга по плечу, сфотографировались. Он говорил в основном жестами. Просил принести спички, потом сигареты. Что-то показывали друг другу, глядя на игроков, которые были ему не чета.

— А помнишь Олимпиаду в Афинах? Вечер в посольстве? Ты бил степ.

Караченцов кивнул: помню. И даже показал крошечный кусочек легкого — тогда в Афинах — степа в его исполнении. Теперь, увы, — до чего же много!

Вдруг накатило такое... И я, совершенно спонтанно, поцеловал его руку. Он все понял и... поцеловал мою.

С тех пор я Николая Петровича Караченцова больше не видел. Только по телевизору...

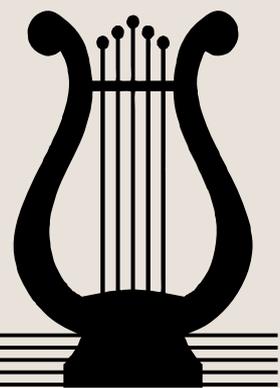
P.S. Находятся личности, которые спрашивают меня о Людмиле Поргиной. Так ли она все делала? Была ли права все эти годы, прошедшие с катастрофы 28 февраля 2005-го?

Да как вообще можно об этом спрашивать! Если бы не Людмила Андреевна, бедный Коля не протянул бы столько. Она продлила ему не существование, а жизнь, сделав ее настолько полноценной, насколько это только было в человеческих силах.

Глубокий ей поклон.

А Николая Петровичу Караченцову — верная память. □

ЗНаталья ИМИНА

**«Главный
мой
педагог
и критик —
это моя
мама»**

Наталья Зими́на — талантливая оперная певица, солистка Московского музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко.

Окончила с отличием Академию хорового искусства имени В.С. Попова, гастролировала с хором Академии в ряде

городов России, Казахстана, Германии и Франции. Принимала участие в мастер-классах В.Л. Чаплина, Р.П. Лисициан, С.Б. Скигина. А еще она — лауреат многих международных конкурсов вокалистов, в прошлом году, в рамках XXXI Собиновского фестиваля, Наталья была удостоена первой премии. Музыкальным театрам она особенно запомнилась в партиях: Розина — «Севильский цирюльник», Марфа — «Хованщина», Ольга — «Евгений Онегин», Изабелла «Итальянка в Алжире».

— Наталья, кто привил вам любовь к пению, к классической музыке?

— Любовь к пению у меня с самого рождения, сколько себя помню — всегда пела. С детства мне хотелось слушать только классическую музыку, а другую музыку никогда не воспринимала. Всегда мечтала об оперном театре...

— Как вы пришли в музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко?

— Просто взяла трубку, позвонила в театр и спросила: «Нужны ли вам меццо-сопрано?» Мне ответили, что я могу прийти на прослушивание. Это моя история, многие в нее не верят, но все было именно так. Я прошла три тура: прослушивание под аккомпанемент фортепиано перед директором оперы, на сцене перед художественным руководителем и на сцене с оркестром. Все прошло успешно, и меня пригласили в театр.

— Вы окончили с отличием Академию хорового искусства имени В.С. Попова, с 2012 по 2014 годы

были стажером Центра оперного пения Галины Вишневской. Вы встречались с Галиной Павловной?

— Когда я поступала в Центр оперного пения, я, конечно, очень волновалась. Приготовила арии Любаши из «Царской невесты», Леоноры из «Фаворитки» Доницетти. Галина Павловна обратилась ко мне: «Леонору, пожалуйста!» Я спела, и была уверена, что все исполнено плохо, и меня не примут... Даже не стала звонить, чтобы узнать — прошла я или нет, попросила маму. Услышав, что меня приняли, не поверила и попросила ее позвонить еще раз. Я была счастлива, узнав о зачислении. С Галиной Павловной у меня было несколько уроков, которые придали мне уверенности на сцене. К себе я всегда отношусь с очень большой критикой. Галина Павловна запомнилась мне красивой, с королевской осанкой, и очень внимательным педагогом, доброжелательным человеком. Когда я пела на последнем уроке, она ни на секунду не сводила с меня глаз и в конце сказала: «Нос припудришь, и Кармен! Два года, и в любой театр!» Эти слова оказались «про роческими».

— Я знаю, что в юности вы пели в церковном хоре...

— Впервые я начала там петь в семнадцать лет, и пела на клиросе до поступления на службу в театр. В храме я познакомилась со своим батюшкой-духовником и очень благо-

щее должно быть внутри тебя. Важно не что ты говоришь, а как ты живешь... Твои поступки важны, как ты относишься к людям...

— Расскажите, пожалуйста, о своей семье...

дарна за эту встречу судьбе. Петь в храме — огромная ответственность, очень сложно исполнять классические произведения русской духовной музыки.

— А вообще, вы — верующий человек?

— Я — православная. Тема веры — это очень деликатная тема. Настоя-

— Мои родители — музыканты, оба окончили Московскую государственную консерваторию. Папа — первая виолончель в академическом симфоническом оркестре Московской филармонии под руководством Юрия Симонова, мама — органистка и теоретик, сейчас работает концертмейстером балетного отделения в школе искусств имени Рихтера. У ме-

ня пять младших братьев, один из них играет на виолончели — как отец, и сейчас брат поступает в Московскую консерваторию.

— Родные ходят на спектакли с вашим участием?

— Мама — мой главный педагог, она ходит на все мои спектакли, ма-

ный педагог блистательной певицы!

— Несколько лет назад я случайно встретила Чечилию Бартоли в Петербурге и попросила у нее автограф, она пригласила меня на свой концерт в Мариинку-2. Этот автограф я вставила в красивую золотую рамку и подарила маме.

ма — мой самый главный критик. Каждому певцу необходим учитель-теоретик, с хорошим образованием, слухом и вкусом. Певцу нужен человек, который будет разбирать все мельчайшие нюансы, каждую фразу, интонации, форму музыкального произведения...

— Как и у Чечилии Бартоли — всегда рядом мама, глав-

— Певица Зими́на Раиса Григорьевна вам приходится бабушкой?

— Да, моя бабушка была певицей. По первому образованию она — радиотехник. Работая на производстве, пошла в самодеятельность к педагогу Н.М. Хромченко. Потом случайно увидела объявление в газете о конкурсе в ВТМЭИ (Всесоюзная Творческая Мастерская Эстрадного Искусства) на ВДНХ и поступила туда

учиться к народной артистке Советского Союза И.П. Яунзем. Работала более двадцати лет солисткой в Московском объединении музыкальных ансамблей.

У моего дедушки был от природы редчайшей красоты голос, роскошный, как у Собинова, но музыкой он занимался параллельно с учебой

— Я служу пятый сезон в театре, и в моем творческом арсенале семнадцать партий, большая часть из которых — главные. Присутствуют и небольшие роли, но, как говорится, — «нет маленьких ролей...» Каждую партию вынашиваешь, как ребенка, она меняется с тобой и с каждым новым спектаклем играет новыми красками.

в МГУ, дедушка был физиком по образованию. Любовь к пению он пронес через всю жизнь, по сей день сохранились студийные граммофонные записи дедушки, которые он, будучи молодым, отправлял своим родителям.

— Какие партии вам особенно интересны? Что еще хотелось бы исполнить, чтобы реализовать себя?

В родном театре хотелось бы исполнить Кармен в одноименной опере, партию Амнерис в «Аиде»... Когда я пришла в театр, эти спектакли уже были сделаны с несколькими составами, и, чтобы тебя ввели в них, должна быть большая необходимость. Я обожаю Россини и в театре дебютировала в партии Розины, в этот же год спела Марфу в «Хованщине» Мусоргского. Многие удивлялись, как певица

может петь и Россини, и Мусоргского, ведь такая разная музыка, но мой голос это позволяет. А если позволяет, то я просто обязана петь.

Россини и Моцарт «лечат» голоса певцов — при качественном исполнении. Мне очень нравятся эти композиторы, они словно поднимают те-

сандр Борисович Титель, как работаете под его руководством?

— Титель — гений, человек безграничного таланта, он очень любит актеров, правда, «выжимает все соки», но это позволяет артистам расти и развиваться.

бя от Земли... Россини — великий композитор, 46 опер! За кажущейся легкостью, воздушностью, которой пронизана его музыка, есть четкость, выверенная точность рисунка ...

— Художественный руководитель вашего театра — Алек-

— С кем из педагогов вы занимаетесь подготовкой новых партий?

— С Любовью Юрьевной Казарновской. Это большое чудо — встреча с таким Мастером, Педагогом, Человеком. С Любовью Юрьевной мы готовим весь репертуар, в том числе и новый,

который не идет в театре, «Принцесса Эболи» — Верди, «Фаворитка» — Доницетти... и много других партий.

— Вы любите путешествовать? Где побывали и куда хотелось бы еще раз вернуться?

— В наше Золотое Кольцо: Ростов, Ярославль, Углич, Плес... Нравится Италия: Флоренция, Венеция, Рим, Падуя... Кто-то из великих сказал, что есть две родины: там, где родился, и... Италия. Очень нравится Греция. И вообще, сколько еще замечательных мест, которые хотелось бы увидеть.

— У вас есть хобби?

— Мне нравится заниматься спортом, танцевать, и я очень люблю своих братьев! Обожаю свою семью, свободное время всегда провожу с родными. Как уже говорила, люблю путешествовать, мне нравится видеть новые места, бывает так, что соглашаюсь спеть без оплаты, если мне интересно исполнить новый репертуар и побывать в новом городе.

А еще люблю фильмы с участием Луи де Фюнеса и Жана-Поля Бельмондо, пересмотрела абсолютно все картины с этими гениальными артистами.

— Что хотели бы пожелать зрителю, который ходит на ваши оперные спектакли?

— Не закрывайтесь в своей «скорлупке», ведь обыденность, рутина тянут человека вниз. Ходите в театры, на концерты, на выставки. Приходите

и в наш театр, здесь вы получите свет, позитив, положительные эмоции, новые чувства, которые нельзя описать словами! □

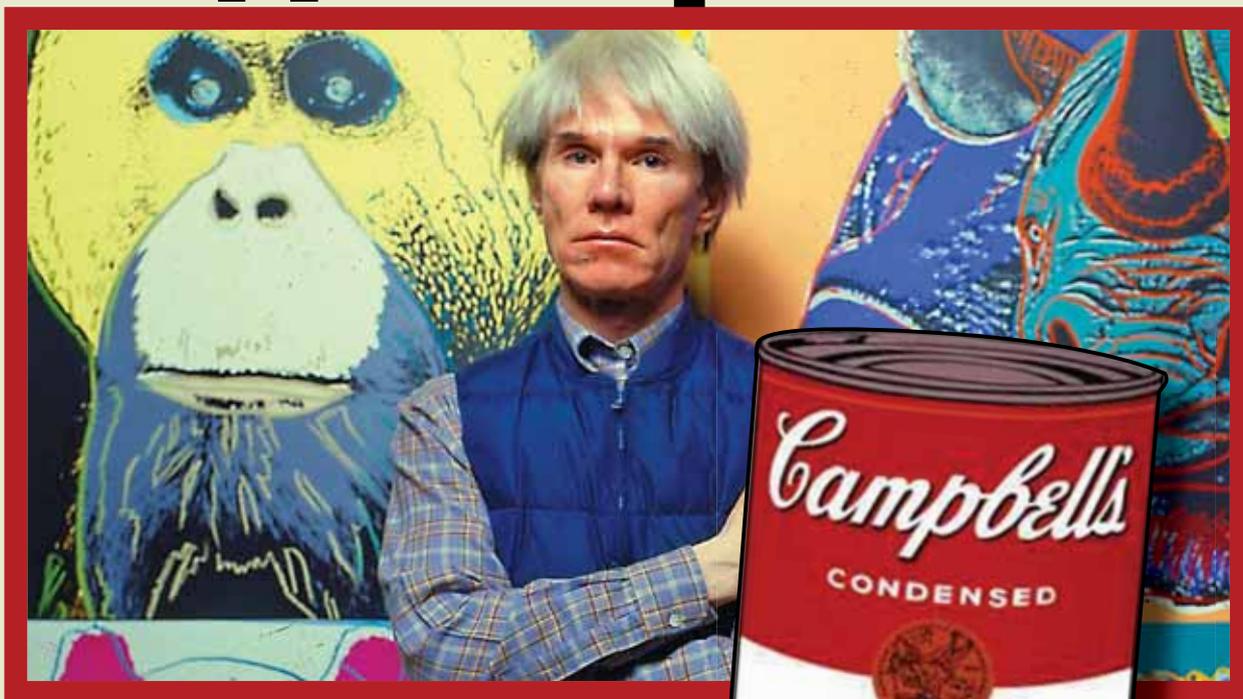
Беседовала **Елена Воробьева**

Фото: **Сергей Родионов**

Ирина Опимах

Энди Уорхол

«Банки с супом Кэмпбелл»

9 июля 1962 года ценители искусства впервые увидели одну из знаковых работ в истории культуры XX века — «Банки с супом Кэмпбелл», 32 полотна, 51 см высотой и 41 см шириной, на каждой из которых изображена банка одного из сортов супа компании Campbell Soup, выпускавшихся в разные годы. Этот знаменитый «шедевр» Энди Уорхола, одного из отцов-

основателей поп-арта, был показан на первой его персональной выставке, в лос-анджелесской галерее Ferus. Уорхол прославил компанию Campbell Soup, цинично превратив искусство в откровенный способ зарабатывать деньги. И он этого никогда не скрывал. А вот можно ли назвать то, что он делал, искусством? Многие в этом не уверены, но имя этого человека, так или иначе, навсегда осталось в истории культуры XX века.

В начале XX века в США устремлялись толпы европейцев, не нашедших себе достойное место под солнцем у себя на родине. Им казалось, что уж в Америке, в этой свободной стране, где, как верили многие, каждый мог реализовать себя и свои мечты, они обязательно добьются успеха. Так думал и молодой словак Онджей Вархола, отправившийся в США в 1914 году, позже к нему приехала и его жена Юлия. Они поселились в Питтсбурге, штат Пенсильвания. У Вархолов рождались только мальчики — Пол появился на свет в 1923 году, Джон — в 1925-м, а Эндрю, Энди, самый младший в семье, — в 1928-м.

Онджей был шахтером, работал в шахте, а Юлия, так и не выучившись английскому языку, убирала квартиры и продавала цветы, которые делала с большой выдумкой и фантазией из бумаги и консервных банок. Поначалу семейству приходилось нелегко, к тому же Америка переживала Великую депрессию, но

понемногу их жизнь как-то наладилась, и они даже переехали в более престижный и дорогой район.

Эндрю в детстве был некрасивым мальчиком — бледный, со слишком светлыми волосами и с большим носом, который из-за проблем с сосудами постоянно краснел, за что родители и братья ласково звали его «красноносый». (Видно, Энди испытывал большие комплексы из-за носа, и позже, как только начал зарабатывать приличные деньги, тут же сделал себе пластическую операцию.) К тому же здоровье его было весьма слабым, а в 8 лет у него впервые случился приступ страшной невралгической, вызванной инфекцией (Энди перенес скарлатину), болезни — хорей Сиденгама (Пляски святого Витта: мышцы сами по себе начинают судорожно сокращаться, что приводит к хаотичным и непровольным движениям всего тела, ног и рук). Болезнь приковала его к койке. Впоследствии Энди говорил, что то время было очень важ-

ным в его жизни — он часами разглядывал глянцевые журналы, вырезал фотографии знаменитостей. А еще — рисовал, у него обнаружались явные способности. Рядом с Энди всегда была мать. Она сама неплохо рисовала, любила это занятие и всячески поощряла сына, видя в нем определенный дар.

В 13 лет Энди стал сиротой — в 1942 году на шахте, где работал Онджей, произошел несчастный случай, и Онджей погиб. Семья осталась без главного кормильца. Юлия всегда берегла своего Энди и не пустила его на похороны, боясь, что прощание с отцом вызовет у мальчика очередной приступ.

Окончив школу, Энди собирался стать учителем рисования. Но, подумав, решил, что работа в школе не принесет денег, а ему, выросшему в очень скромных условиях, страстно хотелось разбогатеть. И он поступил в питтсбургский Технологический институт Карнеги — изучать графический дизайн.

Получив в 1949 году степень бакалавра искусств, он уехал в Нью-Йорк — там кипела жизнь, там рождались новые идеи и новые направления в искусстве, а потому он, Энди Уорхол, гений, о котором еще никто не знает (а то, что он гений, у него сомнений не было), должен быть там. Вместе с приятелем Филиппом Перштейном он снял маленькую квартирку, в которой прекрасно чувствовали себя полчища тараканов, но зато эта квартира была на Манхэттене!

Начиналась новая жизнь. Энди очень старался — искал рекламные заказы и находил, работал для самых разных журналов, в частности, для *Vogue* и *Harper's Bazaar*. И реклама вскоре принесла ему приличные заработки — уже в первый год своего пребывания в Нью-Йорке, в 1949 году, он получал 50 000 в год и, наконец, смог перевезти к себе мать! Себя же стал называть Уорхолом, убрав последнюю «а» в своей фамилии. Он был настоящим американцем, а теперь и имя его звучало по-американски.

О нем заговорили. Даже в такой яркой богемной среде, которая сло-

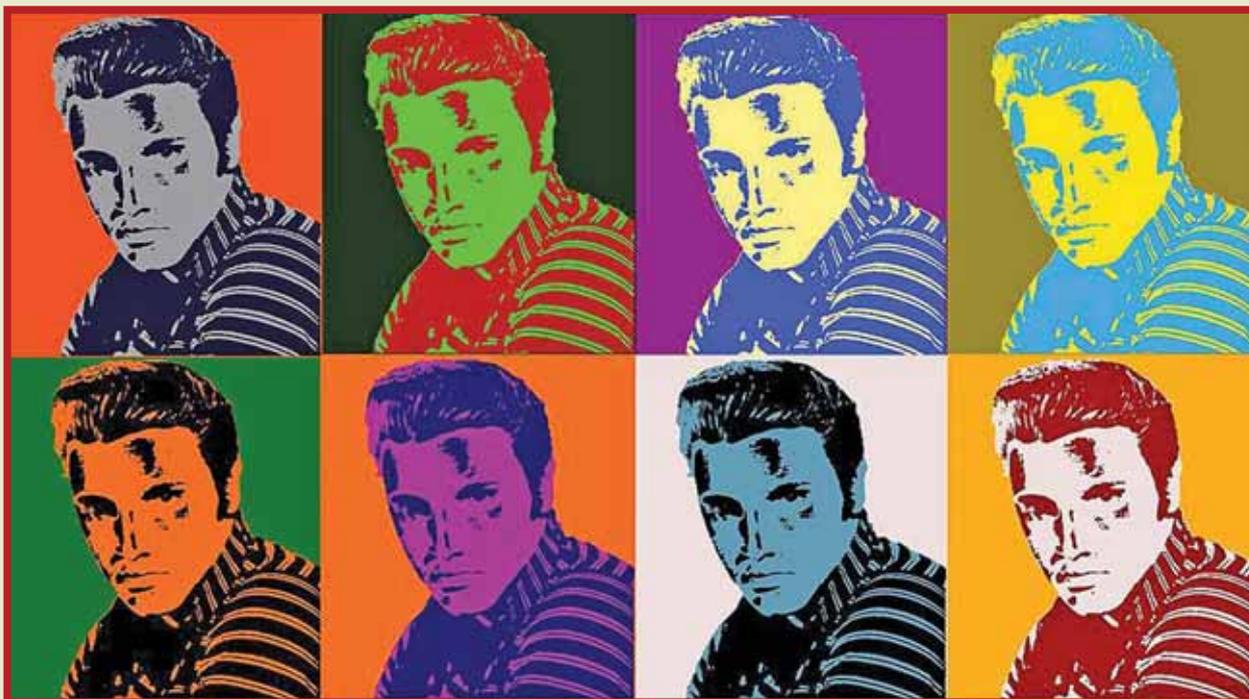
жила в те годы в Нью-Йорке, Уорхол очень выделялся — у него было мощное обаяние, он притягивал людей к себе, при этом сам оставался холодным. И даже его не очень приятная внешность — все работало на его харизму. Энди рано облысел, но и это ничуть ему не мешало, так как он стал носить парики — седые, серебристые. А еще всегда был в черных очках.

Но пока все, что делал Уорхол, не выходило за рамки привычного, он же искал нечто, что действительно сделало бы его знаменитостью и — принесло большие деньги. И вскоре нашел то, что искал.

Энди еще с детских лет любил супы фирмы Кэмпбелл. Однажды одна из его приятельниц посоветовала ему рисовать то, что он больше всего любит. И Энди нарисовал банку кэмпбелловского супа. И знак доллара — доллар он тоже любил. Как-то он признался: «Мне нравятся деньги на стенах. Например, вы собираетесь купить картину за 200 000 долларов. Я думаю, вам следует взять эти деньги, перевязать их в пачки и повесить на стену. Тогда, если кто-нибудь придет к вам в гости, первое, что он увидит, — деньги на стене». И показал это все в 1962 году на выставке

в Сан-Франциско, после чего стал в строй пионеров поп-арта рядом с Роем Лихтенштейном, Робертом Раушенбергом и Джаспером Джонсом. Он создавал картинку, а потом тиражировал ее в разных цветах.

позже назвали «Фабрикой». Стены ее друг Уорхола, бывший официант, а ныне художник и фотограф Билли Нейм, покрасил в серебристый цвет — такого цвета были парики Энди. Это действительно была

Тиражировал не только изображения банок супа и долларов, но и портреты разных знаменитостей.

Еще в 1950-х годах Уорхол совершил кругосветное путешествие и побывал в Индии, Японии, Камбодже, Египте. Там, на Востоке, он «заболел» шелкографией, и теперь делал свои работы в этой технике — изображение сильно увеличивали, а затем методом шелкографической репродукции наносили на полотно, после чего Энди раскрашивал его яркими синтетическими красками.

В 1963 году Уорхол устроил себе студию на Манхэттене, которую

настоящая фабрика — там ее хозяин вместе с подручными-подмастерьями в промышленных масштабах производили «произведения искусства» — скульптуры, портреты политических деятелей, известных актеров и актрис, певцов. «Если хочешь узнать, что было самым популярным в тот или иной период, посмотри, что в то время рисовал Уорхол», — говорил вокалист «Rolling Stones» Мик Джаггер. За день на «Фабрике» создавалось несколько десятков одинаковых работ, Энди поставил искусство поп-арта на поток. «Бизнес — это следующая

ступень после Искусства. Я начинал как коммерческий художник и хочу закончить как бизнес-художник. После того как я занимался тем, что называется искусством, я подался в бизнес-искусство. Я хочу быть Бизнесменом Искусства или Бизнес-Художником. Успех в бизнесе — самый притягательный вид искусства. В эпоху хиппи все принижали идею бизнеса, говорили: "Деньги — это плохо" или "Работать — плохо". Но зарабатывание денег — это искусство, и работа — искусство, а хороший бизнес — лучшее искусство». Так считал Уорхол, и у него все, что он задумал, получилось!

В какой-то момент Энди увлекся музыкой — он продюсировал ставшую очень быстро знаменитой группу «Velvet Underground», внесшую огромный вклад в развитие рока и панк-рока. А еще начал снимать фильмы — чтобы завоевать славу, нужно было делать все, что только можно! Его картины были весьма своеобразными — как правило, бессюжетными. Все концентрировалось на актере. «Люди хотят видеть в кино любимых актеров, и я даю им такую возможность», — говорил он. Кто-то утверждал, что это — новое слово в кинематографе, кто-то полагал,

что это всего лишь пустой перевод пленки.

В конце 1960-х годов Уорхол решил заняться журналистикой. Его журнал, который он издавал на свои деньги, назывался «Inter/view». На страницах журнала печатались интервью, беседы с самыми разными режиссерами, сценаристами, продюсерами и актерами, а также последние новости из мира кино. Это давало Энди возможность общаться с самыми яркими личностями того времени, быть приглашенным на самые престижные приемы и вечеринки, а бывать на таких собраниях он очень любил.

На «Фабрике» всегда «тусовалось» огромное количество самых разных людей. Кто-то из них искренне любил Энди, он же не любил никого. «Самая большая цена, которую приходится платить за любовь, — постоянное присутствие кого-то рядом с тобой, ты не можешь остаться один, а ведь быть одному намного лучше. Конечно, самое большое неудобство — теснота в постели. Даже домашние животные посягают в ней на твоё пространство», — говорил он. Возможность близких отношений всегда его пугала. Он, эгоист и эгоцентрик, не желал переживать чужие неприятности, решать чужие

проблемы, и очень преуспел на этом пути. Энди не был на похоронах своей матери, не пришел проститься и с писателем Трумэном Капоте, внимания которого добивался многие годы и отношениями с которым, казалось, очень дорожил.

Все идеи Уорхола рождались на «Фабрике». Порой кто-то из гостей сильно обижался на Энди, никогда не думавшего, как его слова или поступки будут восприняты другими, и уходил, но на его место тут же приходили новые, молодые, иногда очень талантливые люди — одни хотели прочесть Уорхолу свой сценарий, другие — показать свои кар-

тины, третьи — сняться у него в кино или выпросить деньги на свои проекты. Однажды на «Фабрике» появилась милая, скромная девушка. Ее звали Валери Соланас, и она была яркой феминисткой, даже основала «Общество полного уничтожения мужчин». «Мужчина-художник — это нонсенс. Дегенераты могут создавать только дегенеративное искусство», — проповедовала она. К Уорхолу Валери пришла, чтобы показать ему свой сценарий для нового, совершенно гениального, она была в этом уверена, фильма. Но ей не хватало денег для съемок, и она очень надеялась, что, прочтя ее творение,

Уорхол тут же раскошелится, и это даст возможность воплотить в жизнь ее замысел. Но он все никак не мог найти время для прочтения сценария. И тогда — это произошло 3 июня 1968 года — Валери пришла на «Фабрику» и выстрелила в него. Поначалу никто ничего не понял — все решили, что это очередная шутка Энди. А потом Валери выстрелила

делали все, что могли. После операции он должен был ходить в корсете — все внутренние органы были повреждены, и их нужно было поддерживать. То, что ему пришлось испытать, было ужасно, но о покушении на него писали все газеты всего мира, рассказывали на телеэкранах всех стран, и он стал настоящей мировой знаменитостью — ведь

во второй раз. Уорхол в ужасе закричал: «Валери, не делай этого!» — и пополз, пытаясь спрятаться под столом. А она выстрелила снова... Почему-то «Скорая помощь» ехала очень долго, и все это время Билли Нейм, сидя у тела Энди, рыдал, не переставая. Уорхола привезли в больницу в ужасном состоянии. Он пережил клиническую смерть. Его оперировали пять часов. Врачи

именно такую цель Энди всегда и преследовал....

А Валери, говорят, после своих выстрелов вышла на улицу, купила мороженое, съела его, а затем сдалась полиции. Вскоре она оказалась в психиатрической лечебнице — для постановки диагноза, врачи должны были определить, была ли она вменяема, стреляя в Уорхола. Валери присудили три года тюрьмы, один из

которых она провела в психиатрической больнице. Она пережила Уорхола чуть больше, чем на год, — Соланас умерла в 1988 году, в возрасте 52 лет, от эмфиземы легких в одном из калифорнийских отелей.

После покушения Уорхол, и раньше недолюбливавший женщин, стал их избегать и даже перестал снимать в кино — их роли в его фильмах теперь играли трансвеститы. В начале 1970-х годов он вернулся к изобразительному искусству — изготавливал яркие портреты политиков, актеров, даже Фрейд стал его героем. А еще Энди вдруг заинтересовался старым искусством, и начал копировать фрагменты полотен Леонардо да Винчи, Боттичелли, Мунка, раскрашивая их в своей манере.

Говорят, что хорошим людям бог дает возможность умереть во сне. Уорхол праведником не был, но умер он во сне. Это случилось 22 февраля 1987 года. Ему было не так уже и много лет — 59. Умер он после несложной, казалось бы, операции (удаление желчного пузыря), от отека легкого и последовавшей остановки сердца, в палате Медицинского центра Корнуэлл. Умер, как и жил, — один.

В своей книге «Философия от «А» до «Я» он писал: В детстве я мечтал только о конфетах. Когда вырос, стал мечтать зарабатывать много денег, чтобы покупать конфеты. ... Теперь у меня забита ими целая комната». Можно сказать, все его мечты сбылись.

Вклад Энди Уорхола в современное искусство сегодня оцени-

вается неоднозначно, но, так или иначе, его творения высоко ценятся и хранятся в лучших музеях мира. Так, к примеру, «Банки с супом Кэмпбелл» украшают собрание MOMA, нью-йоркского Музея современного искусства и даже стали символом этого музея. На аукционах его работы стоят сумасшедшие деньги. В 2013 году суммарная

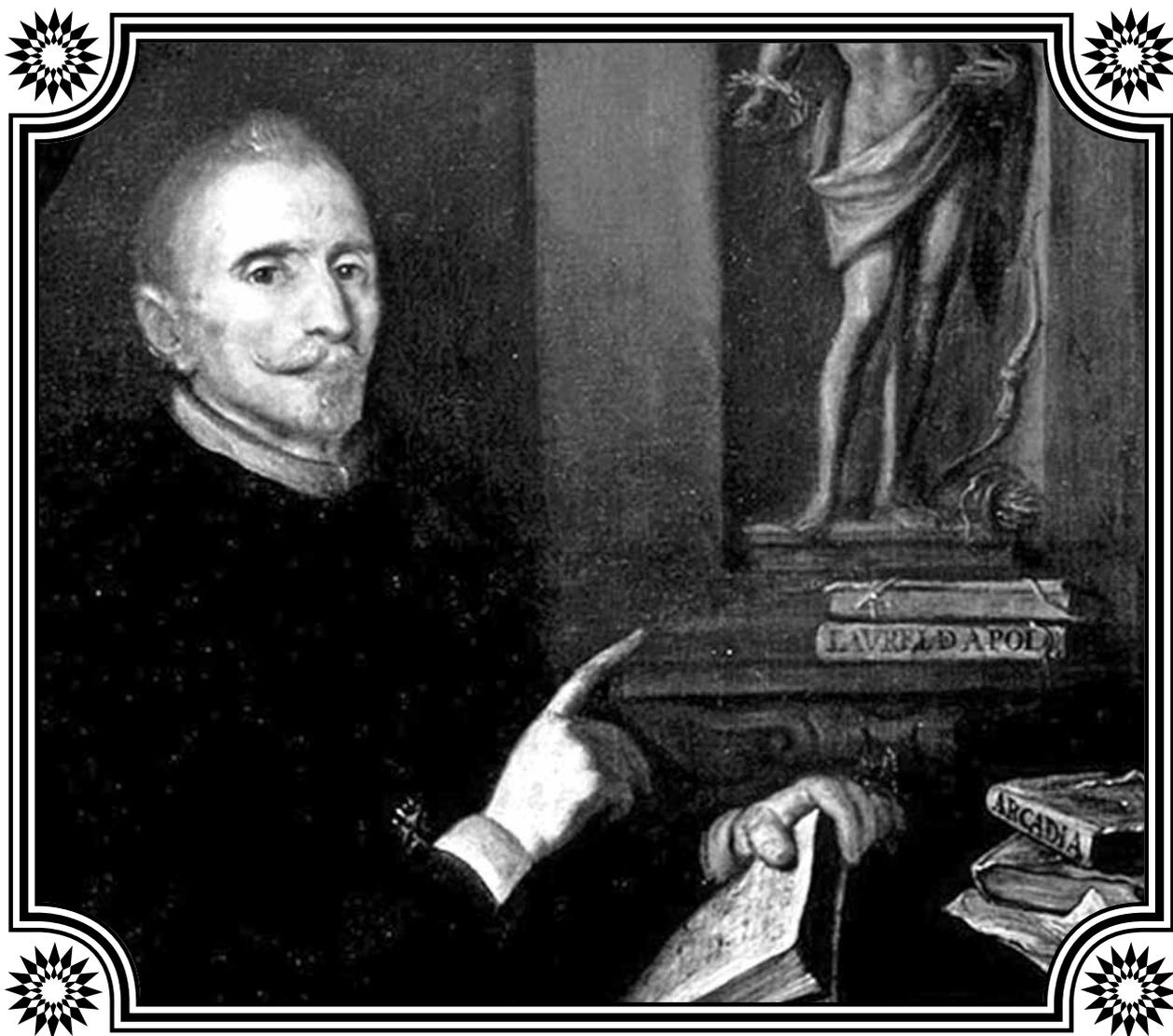

стоимость проданных на разных аукционах работ Уорхола составила 42 761 млн долларов. Цена на большие холсты 1960-х годов доходят до 100 млн долларов. В ноябре 2013 года «Серебряная катастрофа» (1963) была продана за 104 млн долларов.

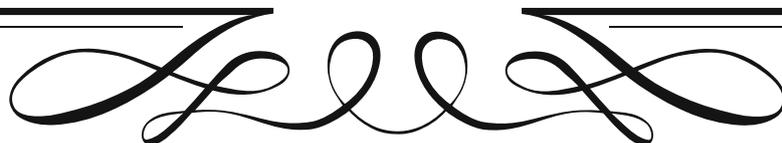
Может, все-таки в работах Уорхола есть какой-то смысл и какая-то художественная ценность? □

Алла Зубкова

Лопе де Вега

ЗВЕЗДА ИСПАНИИ

Он был почти обожествлен современниками, а при жизни в глазах многих слыл легендарной фигурой, мифическим титаном. И не без оснований. Творческая плодовитость Лопе де Веги превосходила все мыслимые пределы человеческих способностей и возможностей. Сам драматург утверждал, что в общей сложности написал полторы тысячи пьес. Правда, до сих пор опубликовано около пятисот и еще примерно двести известны лишь по названиям, но до сих пор не разысканы.

Жизнь Лопе полна разнообразных событий и поворотов. В молодости он даже участвовал в легендарном походе «Непобедимой Армады». Человек удивительно сильных страстей, он был героем множества любовных романов. В то же время судьба его была далеко не столь безоблачной, как может показаться на первый взгляд.

Лопе Феликс де Вега Карпью появился на свет 25 ноября 1562 года в Мадриде в семье искусного мастера, занимавшегося золотошвейным ремеслом. История рождения будущего великого драматурга вполне могла бы послужить сюжетом одной из его пьес. Дело в том, что его отец, Феликс де Вега, решил в поисках богатой клиентуры покинуть гостеприимный Вальядолид и переехать в Мадрид. И он осуществил свой замысел, причем второпях «забыл» взять с собой свою супругу. В столице он довольно быстро обустроился и обзавелся состоятельными заказчиками. Нашел себе и подходящую женщину. Однако Феликс недооценил силу характера и упорство своей жены. Франциска Фернандель Карпью, как истая дочь Астурия, не собиралась уступать своего избранника, к тому же связанного с ней

узами законного брака, какой-то предприимчивой особе. Покинув Вальядолид, она отправилась в столицу и там, восторжествовав над соперницей, вернула себе мужа. Плодом возрожденного союза и стал маленький Лопе. Настоящий вундеркинд, он развивался не по дням, а по часам. Мальчик очень рано начал посещать школу, опережая в успехах и сверстников, и ребят гораздо старше себя. Уже в пять лет он читал не только по-испански, но и на латыни. Стихи же начал сочинять, еще не умея читать, и, чтобы не забыть их, диктовал своим старшим соученикам, делясь с ними за это своими завтраками.

Развитию поэтического таланта мальчика немало способствовала атмосфера преклонения перед литературой, царившая в семье, главным образом, благодаря отцу, который во-

общее оказывал на ребенка очень сильное и благотворное влияние. Двенадцати лет от роду Лопе был отдан в Королевский колледж ордена иезуитов, где пробыл два года и очень преуспел в изучении античных авторов, мифологии, риторике и не меньше в искусстве танца, пения и владения шпагой. Участвовал Лопе и в театральных постановках, которые обычно проводились во время религиозных и светских праздников.

Послужив недолгое время пажом у епископа Херонимо Манрике де Лара, Лопе поступил в университет Алькала под Мадридом, где за три года значительно приумножил свои знания. Покинул он его неожиданно, судя по его собственным скупым признаниям, тут была замешана женщина. Лопе еще не было и шестнадцати, но он уверенно вступал в беспорядочные связи и приключения, о которых до нас дошли лишь отрывочные сведения. Тем не менее, мысль продолжить образование не оставляла его. Последующие три года он провел в Саламанкском университете, изучая каноническое право. Вооруженный воистину энциклопедическими знаниями, острым пером и не менее острой шпагой, он теперь готов был принять любой вызов судьбы.

К тому же Лопе был страстным патриотом Испании. Португальцы, признавшие, было, верховенство Мадрида, неожиданно взбунтовались, и двадцатилетний Лопе на одной из каравелл в составе могучей эскадры участвовал в победном сражении, закрепившем окончательное присое-

динение Португалии к испанской короне.

А потом он вернулся в Мадрид. К этому времени относятся его первые попытки проявить себя на поприще драматургии. Его окружали люди из мира литературы, которые позднее приобретут всемирную славу. Это, прежде всего, Сервантес, бывший пятнадцатью годами старше его. Сервантес даже обратился к своим читателям с призывом признать талант своего молодого собрата по перу. Позднее он воспел поэтический дар Лопе в одном из своих памфлетов. Поэзия и любовь с самого начала были для Лопе слиты воедино. «Любить и сочинять стихи — это одно и то же», — скажет он позднее устами одного из своих героев.

И действительно, редкая женщина могла бы устоять перед юным поэтом. Он обладал необычайно привлекательной внешностью. Статный брюнет довольно высокого роста, прекрасно сложенный. Окружающих он покорял своей мужественной осанкой, превосходными манерами, сочетавшимися у него с легкостью и непринужденностью обращения. Однако и сам молодой поэт, как никто другой, был чувствителен к красоте и обаянию представительниц прекрасного пола. Он уже не был новичком в любви, но встреча с золотоволосой Еленой Осорио, дочерью известного актера и руководителя труппы Хоронимо Веласкеса, перевернула всю его жизнь. Поразительная красота этой молодой женщины, остроумие и изящество, а также музыкальные таланты делали

ее поистине неотразимой. К тому же, будучи искушенной кокеткой, она владела всеми секретами обольщения. Лопе готов был назвать ее своей женой, но Елена уже была замужем. Правда, ее супруг, тоже актер, в это время выступал на подмостках театров Южной Америки. Чтобы задобрить отца Елены, Лопе все свои пьесы отдавал ему, а это было немало, поскольку произведения Лопе уже пользовались большой популярностью у зрителей. Порой доходило до того, что руководители трупп выдавали за творения Лопе пьесы других авторов.

вых двух лет он вообще не имел права показаться и в пределах Кастилии. В случае нарушения этого запрета ему грозила ссылка на галеры.

Однако запугать такого человека, как Лопе Феликс де Вега Карпью было не так-то просто. В это трудно поверить, но спустя всего полтора месяца после освобождения, против Лопе в мадридском суде было выдвинуто новое и очень серьезное обвинение. Оказывается, он не только не покинул столицу, но решил привести в исполнение дерзкий план, зародившийся у него еще во время пребывания в тюрьме.

В Валенсии призвание литератора в Лопе заговорило в полный голос, оно и сделало его настоящим писателем-профессионалом, способным зарабатывать на жизнь своим пером. Пьесы, покорявшие всех безудержной веселостью и вместе с тем сдержанной серьезностью, вознесли его на вершину славы

Тем не менее, родители Елены, особенно ее мать, считали его неподходящим кавалером для своей дочери. Они нашли ей другого «покровителя» — богатого и знатного. Елена сопротивлялась недолго и бросила Лопе. Тот был в ярости и отчаянии. Желая отомстить неверной подруге, он пустил по столице стихи и эпиграммы, высмеивающие Елену и ее родственников. Последние не стали сидеть сложа руки. По их жалобе в конце 1597 года Лопе арестовали, и суд приговорил его к изгнанию из Мадрида на восемь лет, причем в течение пер-

Дело в том, что после измены Елены Осорио страстный Лопе успел влюбиться в другую женщину. Звали ее Исабель Урбина и была она дочерью знатного придворного, который к тому же занимал пост начальника полиции Мадрида. С помощью друзей Лопе похитил девушку, разумеется, с полного ее согласия. Некоторое время влюбленные скрывались где-то неподалеку от Толедо, а потом Исабель вернулась в Мадрид, чтобы получить от родителей разрешения на брак, ставший, по сути, неизбежным. Желая сохранить честь семьи, дон Диего де

Урбина, скрепя сердце, подчинился обстоятельствам. Брак был заключен в мае 1588 года. На церемонии не присутствовал никто из родственников невесты, только друзья жениха. Это было, так называемое бракосочетание по доверенности, поскольку сам жених присутствовать на нем не мог.

Все-таки непостижимый человек был этот Лопе де Вега Карпью! Как раз в то время король Филипп II решил послать к берегам Англии гигантскую военно-морскую эскадру, дабы сокрушить морское могущество коварного Альбиона. Десять тысяч моряков и девятнадцать тысяч солдат было для этого, по его мнению, достаточно. И Лопе, добрый католик и фанатичный патриот Испании, стал одним из добровольцев. Ни слезы, ни мольбы, ни даже истерики молодой жены, ради которой еще месяц назад он рисковал жизнью, не могли поколебать его решительности. Лопе принимал участие в одном из наиболее кровопролитных сражений, закончившемся поражением испанцев. Увы, гордость Испании — «Непобедимая армада», основательно потрепанная англичанами и сильными штормами, в середине осени 1588 года вернулась к родным берегам.

Печальный поход перечеркнул надежды Лопе на возможную амнистию, и он со своей юной женой отправился в Валенсию. Можно с уверенностью утверждать, что именно в Валенсии в полный голос заговорило его призвание литератора, которое и сделало Лопе настоящим писателем-профессионалом, способным заработать на

жизнь своим пером. Пьесы, покорявшие всех безудержной веселостью и вместе с тем сдержанной серьезностью, вознесли его на вершину славы. Лопе сумел представить на суд публики смесь забавных историй, почти анекдотов, и подлинных исторических фактов, рассказы о подвигах и доблести и о простых человеческих чувствах. Именно в неистовом, поистине божественном вдохновении и заключается главная ценность его творений. А необычайная легкость и непринужденность живой речи, блеск изысканного слога, чистосердечность и искренность и по сей день делают публику добровольной пленницей произведений гениального автора.

Валенсия буквально носила Лопе на руках, но он знал, что только Мадрид, дарующий человеку неисчислимое множество возможностей, мог стать местом осуществления всех его надежд. Правда, об этом пока нечего было и мечтать, однако уже подходил к концу срок изгнания из Кастилии, и он вместе с Исабель без особой печали покинул Валенсию. Они переехали в Толедо, где Лопе познакомился с великим Эль Греко и недолгое время занимал место секретаря у маркиза де Мальпика. Впрочем, вскоре он перешел на службу к совсем еще юному дону Антонио де Толедо, наследнику титула герцога Альбы. Стал его личным секретарем, в обязанности которого входило ведение переписки герцога, а также описание событий, происходивших в замке этого крупнейшего феодала, включая и его галантные похождения. В замке герцо-

га в 1590 году у Лопе и Исабель родилась дочь, названная Антонией. Здесь же была создана его знаменитая комедия «Учитель танцев».

Однако 1594 и 1595 годы стали поистине трагическими для драматурга. После недолгой, но тяжелой болезни умерла маленькая Антония. Исабель впала в глубокую депрессию, из которой ее не вызвало даже рождение второй дочери — Теодоры. Кроткая, отважная и самоотверженная женщина скончалась, доверив заботу о дочке супругу. Увы, девочка лишь на несколько месяцев пережила мать.

Горе Лопе не поддавалось описанию. Он покинул замок герцога, тем более что как раз в это время истек

срок запрета на его проживание в столице. Слишком долго лишенный суеты и блеска Мадрида, Лопе почти сразу же возобновил отношения с театральным миром. Он был встречен как герой. Его имя стало синонимом театральной славы, и даже самые великие его соотечественники из числа литераторов не могли сдержать своих восторгов перед его творчеством. Не кто иной, как Сервантес способствовал его возведению на театральный престол. Признав свое поражение в соперничестве с Лопе, автор бессмертного «Дон Кихота» зарекся писать пьесы. А из-под пера Лопе без перерыва появлялись все новые драматические произведения.

Тем не менее, его материальное положение оставляло желать лучшего, а потому он вновь стал помышлять о том, чтобы поступить на службу к кому-либо из сильных мира сего. Ему повезло. Двадцатидвухлетний маркиз Саррия, тонкий ценитель литературы и изящных искусств, прослышавший о желании известного писателя найти себе покровителя, с удовольствием пригласил его на должность секретаря. Лопе получил возможность спокойно, в условиях материального комфор-

сте самоуправления Мадрида. Летом 1599 года на свет появилась дочь Лопе и Хуаны — Хасинта. Увы, не нежной, покладистой и довольно наивной Хуане было удержать такого пылкого мужчину, как Лопе, который как в творчестве, так и в жизни абсолютно не терпел однообразия и монотонности. Покинув службу у маркиза Саррия, он вновь оказался в театральной среде, и здесь произошла встреча, которая оставила яркий незабываемый след в его судьбе.

С годами работоспособность де Веги несколько не снижалась. В предисловии к десятой части своих «Театральных произведений» он сообщал о восьмистах вышедших из-под его пера произведениях. Лопе де Вега стал основоположником целой школы драматургов, к его ученикам причисляли себя самые крупные испанские писатели, в том числе и Тирсо де Молина, создатель знаменитого персонажа — Дон Жуана

та, работать над своими произведениями. Помимо нескольких пьес он написал крупную эпическую поэму «Драгонтея», повествующую о деяниях английских пиратов и о знаменитом корсаре Фрэнсисе Дрейке, который участвовал в сражениях с «Непобедимой армадой», а также опубликовал пасторальный роман «Аркадия», написанный им ранее.

К этому же времени относится важное событие и в личной жизни драматурга. Лопе вступил в брак с Хуаной Гуардо, дочерью крупного мясоторговца и важного чиновника в си-

Микаэла де Лухан была довольно посредственной актрисой, но женщиной красоты потрясающей, приводящей в экстаз ее многочисленных поклонников. Лопе достаточно долго ухаживал за ней, и тем безудержнее была его радость, когда она, наконец, согласилась принадлежать ему. Преисполненный гордости и счастья, он поселил Микаэлу и ее детей в Толедо, где снял для них удобный просторный дом. Едва обустроив свою любовницу, он преисполнился решимости заставить переехать в Толедо и свою законную семью. Ведь, в конце концов,

это было чертовски удобно — поселить практически в одном квартале обеих женщин, которыми он очень дорожил. И нужно сказать, что жизнь обоих семейств протекала с удивительной синхронностью — примерно в одно и то же время в них происходили одинаковые события: рождения и крестины детей, недоразумения, ссоры и примирения. Лопе ощущал, что его желание испытать в жизни все во всей полноте удовлетворялось в полной мере, и он был счастлив.

В 1605 году на свет появилась внебрачная дочь Лопе и Микаэлы. Девочку нарекли Марселой, и она стала любимым ребенком писателя. Весной следующего года Хуана подарила мужу сына. Его назвали Карлос Феликс. Меньше чем через год Микаэла тоже родила сына, которому при крещении дали имя Лопе Феликс. Страстная связь Лопе с Микаэлой продолжалась семь лет, а затем случилось нечто необъяснимое: она таинственным образом исчезла. Сам Лопе всю жизнь хранил по этому поводу абсолютное молчание, и эта загадка до сих пор не раскрыта.

В год появления на свет маленькой Марселы в жизни Лопе произошло еще одно счастливое событие. Он встретил человека, который оставил глубокий след в его жизни. Молодой вельможа, близкий к королевской семье, герцог Сесса, очарованный произведениями Лопе, его славой и, не в последнюю очередь, его любовными похождениями, предложил ему место своего личного секретаря. Польщенный Лопе, естественно, согласился.

Он довольно быстро распознал в молодом аристократе благородного и щедрого мецената, относившегося к нему с редкой доброжелательностью и пониманием. До самых последних своих дней Лопе пользовался великодушной помощью герцога, но и сам оказывал своему патрону неоценимые услуги. Финансовые вопросы, семейные, светские и личные дела — все проходило через него. К числу личных можно причислить и сердечные дела любвеобильного герцога, пользовавшегося репутацией Дон Жуана.

Де Сесса рассудил, что, имея в качестве личного секретаря гениального поэта и драматурга, было бы непростительной глупостью не использовать его талант и в этой сфере, тем более что сам он литературными способностями отнюдь не обладал. И Лопе стал выполнять роль, схожую с той, которую Сирано де Бержерак играл в одноименной пьесе Ростана. От имени герцога он писал письма светским красавицам. Те почти без исключения капитулировали перед герцогом, и неизвестно, что сыграло большую роль — галантность и титулы вельможи или страстные послания поэта.

В 1610 году Лопе с семьей окончательно перебрался в Мадрид и приобрел там большой дом с прекрасным садом. Кстати, в этом доме, неподалеку от Прадо, ныне располагается музей драматурга, а сад, за которым он с любовью ухаживал, плодоносит и по сей день. Здесь в течение двух последующих лет были созданы такие шедевры, как пьесы «Собака на сене», «Кабальеро из Ольмедо»,

«Дурочка», «Фуэнте Овехуна» («Овечий источник») и другие.

С годами работоспособность его не снижалась. Если в 1609 году он упоминал о 483-х написанных им пьесах, то десять лет спустя в предисловии к десятой части своих «Театральных произведений», сообщал уже о восьмистах вышедших из-под его пера драматических произведениях. Мало этого, доведя жанр комедии до совершенства, Лопе стал основоположником целой школы драматургов. К его ученикам причисляли себя многие крупные испанские писатели, в том числе великий драматург Тирсо де Молина, создатель знаменитого персонажа — Дона Жуана.

Жизнь Лопе протекала в гармонии творческих трудов и безмятежных семейных радостей. Казалось, ничто не предвещает несчастья. Однако летом 1612 года пришла беда. Жена Лопе вообще не отличалась крепким здоровьем, тем не менее, резкое ухудшение ее состояния застало его врасплох. За несколько месяцев до этого донья Хуана потеряла ребенка, которого носила. Самочувствие ее еще более ухудшилось после того, как тяжело заболел их сын Карлос Феликс. Все усилия врачей спасти семилетнего малыша были тщетны. Ребенок умер. Донья Хуана, которая в начале августа следующего года родила очень слабенькую девочку, медленно угасала и вскоре покинула этот бренный мир. Горе Лопе было велико, и лишь появление крохотной дочки, названной Фелисьеной, несколько умеряло его скорбь. Во второй раз в жизни Лопе

столкнулся со смертью, унесшей за несколько месяцев его сына и жену. Смерть вновь опустошила его очаг, как это уже случилось в 1595 году, когда ушла из жизни его первая жена Исабель и две их дочери. Но теперь Лопе был уже пятьдесят один год (очень солидный возраст для человека той эпохи), и он едва ли мог надеяться снова обрести семейное счастье. Чтобы как-то облегчить скорбные переживания и избежать тягостного одиночества, Лопе забрал в свой дом двух детей, рожденных от Микаэлы де Лухан — Марселу и Лопе Феликса.

Трагедия, пережитая им, имела и другие последствия. Как и подавляющее большинство его соотечественников, Лопе был ревностным католиком, и вот сейчас, переживая глубокий духовный кризис, он решил активно вступить в религиозную жизнь, приняв священнический сан. Обряд рукоположения происходил в Толедо зимой 1614 года. Епископ Троянский даровал ему первый, самый младший духовный сан, выбрив у него на макушке четыре пряди волос так, что на голове получился крест. Лопе испытывал глубокое удовлетворение. Единственно, что несколько огорчало его, была необходимость, согласно церковным канонам, во время рукоположения сбрить усы. Впрочем, вскоре они снова отросли, как свидетельствуют все портреты драматурга, написанные в последние десятилетия его жизни. Постепенно Лопе поднимался в духовной иерархии и стал дьяконом. Теперь он обладал правом причащать, проповедовать и служить обедню.

Но принятие духовного сана не превало его связи с театром. Напротив, Лопе никогда прежде не работал так много для сцены. Впрочем, огромный интерес публики к его пьесам служил для него надежным щитом от происков цензуры и действий церковных властей, имевших целью наложить запрет на его театральную деятельность.

Таким образом, нельзя сказать, что Лопе решительно повернулся спиной к мирской жизни. Возможно, он находил определенную разрядку в творчестве. В то же время его письма дают основания полагать, что обет целомудрия, который он принес, был достаточно тягостен для человека, который одержал столько побед на любовном поприще. Существует много свидетельств того, что Лопе находился в состоянии постоянного нервного возбуждения, ведя борьбу с самим собой. Он был полон решимости противостоять любым плотским искушениям, но, увы, забыл, что человек часто становится игрушкой в руках всемогущей Судьбы. И вскоре в его жизни, как на сцене, развернулась великая любовная драма, которой было суждено стать последней в его жизни. Эта любовь обрушилась на Лопе внезапно. Ее звали Марта де Неварес-Антонио, но в своих многочисленных поэтических подношениях он называл ее Амарилис. В момент встречи с Лопе ей было двадцать шесть лет, и ее красота стала воплощением всех самых сказочных грез поэта, его самых фантастических ожиданий. Любовь Лопе была столь всеобъемлющей, что уничтожила, стерла все его

прошлое, превратила в прах все благие намерения. Тем не менее, это любовное наваждение ни в коей мере не повлияло на его решение оставаться в лоне церкви. И это притом, что Лопе сознавал — он совершает смертный грех, ведь его Амарилис была замужем. Он искренне пытался не преступить грань любви платонической, но, в конце концов, неизбежное свершилось. Поначалу муж Амарилис вел себя на редкость снисходительно, закрывая глаза на неверность жены, однако затем взбунтовался. Возможно, его перестала устраивать роль одуроченного мужа. Случилось это уже после рождения у Амарилис девочки, названной Антонией-Кларой. Сомнений в отцовстве у мужа быть не могло, поскольку в течение более чем десяти лет их брака у Амарилис не было детей. Разъяренный супруг угрожал Лопе публичным скандалом, терзал Амарилис, причиняя ей жестокие страдания. После двух лет непрерывной борьбы Лопе и его возлюбленная, в конце концов, выиграли процесс, затеянный мстительным мужем, а спустя некоторое время тот скончался.

Вскоре дом Лопе наполнился весельем и смехом. Под одной крышей с ним жили дети от жены Хуаны и Микаэлы де Лухан. Для Амарилис был снят дом по соседству. Переживая, можно сказать, вторую молодость, Лопе радостно отдавался творчеству. Под его пером рождались новые пьесы, баллады, новеллы и сонеты, посвященные возлюбленной. В 1621 году он написал крупную поэму «Филомена».

На горизонте, казалось, не было ни облачка. Но, увы, после нескольких лет спокойной, мирной жизни, наполненной творческими и семейными радостями, вновь вернулись беды, горести и боль. Амарилис внезапно ослепла. Диагноз врачей был неутешительным: полная слепота, вызванная атрофией зрительного нерва без явного повреждения глаза. В это же время произошло еще одно чрезвычайно печальное для Лопе событие — пострижение в монахини его дочери Марселлы. Причины ее ухода от мира он так и не узнал. Шесть лет прошло с тех пор, как Амарилис поразила слепота, и вот новый трагический удар — несчастная женщина потеряла рассудок.

Лопе самоотверженно ухаживал за нею, но он был надломлен обрушившимися на него несчастьями. Амарилис

скончалась в апреле 1632 года. Однако беспощадной судьбе не угодно было дать стареющему гению обрести душевный покой на закате дней. Громом среди ясного неба стало для него внезапное исчезновение его дочери от Амарилис, семнадцатилетней Антонии-Клары. Она была похищена, но, судя по некоторым признакам, не без ее собственного согласия. Известно, узнал ли Лопе имя соблазителя дочери, но если и узнал, то не стал обращаться в суд или мстить обидчику. Скорее всего, это означало, что похититель был очень влиятельной особой и имел большой вес при королевском дворе. Впрочем, нельзя исключить и того, что благородный Лопе не считал себя вправе карать обидчика, так как сам когда-то похитил свою первую супругу, Исабель де Урбина.

Соблазнитель Антонио-Клары, однако, не вступил с ней в брак. Дочь Лопе стала появляться в обществе лишь через десять лет после смерти отца, и тогда она была не замужем. Но на этом несчастья, обрушившиеся на семью, не закончились. Примерно

Знаменитое Карибское море стало могилой сына Лопе.

Это известие сразило драматурга. С этого момента жизнь стала для него невыносимой. Он по-прежнему занимался творчеством, служил мессы, встречался с друзьями, заботился о

Лопе был ревностным католиком и решил активно вступить в религиозную жизнь, приняв священнический сан. Постепенно он поднимался в духовной иерархии и вскоре стал дьяконом, получив тем самым право проповедовать, причащать и служить обедню. Но принятие духовного сана не прервало его связи с театром. Напротив, Лопе никогда прежде не работал так много для сцены

год спустя после похищения дочери, Лопе узнал о гибели сына. Лопе Феликс, Лопито, как называли его близкие, еще в юности избрал для себя карьеру военного и успел отличиться во многих морских сражениях. Однако ему надоело рисковать жизнью за скромное жалование офицера. В это время Мадрид охватила «жемчужная лихорадка». Хороший жемчуг стоил больших денег. Особенно ценились перлы, добытые в Карибском море. И хотя дальние и длительные экспедиции подобного рода были сопряжены с немалыми опасностями, Лопе Феликса это не остановило. Увы, к середине 1635 года до Мадрида дошли известия о том, что корабль, на борту которого находился Лопито, в водах Венесуэлы получил огромную пробоину и за несколько минут затонул.

своем саде, однако смерть неуклонно приближалась. Все чаще повторялись приступы лихорадки и ужасной слабости. Свои последние часы Лопе находился в полном сознании. Был вечер 27 августа 1635 года, часы показывали четверть шестого. Не позволив ни единой жалобе сорваться с губ, великий драматург испустил последний вздох.

28 августа в церкви Сан-Себастьян состоялись невиданные по своей торжественности и пышности похороны. Весь город вышел на улицы, но скорбел не только Мадрид, в трауре была вся Испания. Прах человека, которого еще при жизни называли «Аполлоном муз», и ныне покоится в церкви Сан-Себастьян. Надпись на мраморной доске надгробия гласит: «Здесь похоронен Лопе де Вега, великий поэт и отец испанского театра». □

Юрий Осипов

Иосиф Бродский

**«Что сказать мне
о жизни?»**

«Какую биографию, однако, делают нашему рыжему!» — невесело пошутила Ахматова в разгар открытого судебного процесса над Иосифом Бродским по обвинению молодого поэта в тунеядстве. В камере у него случился первый сердечный приступ. Шел февраль 64-го. На дворе еще, казалось бы, стояла хрущевская «оттепель».

За судом последовали ссылка на Север, газетно-журнальная травля, обострение отношений с возлюбленной, неудавшаяся, слава богу, попытка самоубийства и принудительная эмиграция, под угрозой помещения в «психушку» в случае отказа.

А в Америке его ждали карьера авторитетного университетского профессора (при неполных восьми классах образования на родине) и 24 года удивительного поэтического творчества с открытием новых горизонтов русского языка вне родной языковой среды. Эти неустанные творческие поиски на стыке классической традиции и постмодерниз-

ма увенчались под конец жизни Нобелевской премией, осенившей скромную могилу Бродского на кладбище Сан-Микеле в Венеции...

Блокадное детство, спасительная эвакуация в 42-м, голодное послевоенное отрочество. Вместо восьмого класса школы — заводской цех и работа помощником фрезеровщика, чтобы материально помочь родителям. Мечты стать то проводником в поездах дальнего следования, то медиком... В результате, устроился в морг, за несколько лет сменил уйму профессий и запойно читал — все подряд: стихи, прозу, философские трактаты. Учил иностранные языки, одно время готовился с приятелями угнать самолет и бежать из СССР...

Стихи, как вспоминал сам Бродский, он начал писать с 18 лет, и они определили его дальнейшую судьбу. В душе он навсегда остался петерским пацаном. *«Ни страны, ни погоста не хочу выбирать. \ На Васильевский остров я приду умирать»*. Впоследствии именно в Ленинграде он будет подвергнут унижительному судебному процессу, ссылке, запрету печататься. Отсюда его, по сути, выдают из страны, а потом даже запретят приехать на похороны родителей.

Бродский-человек выбрал местом своего погребения Венецию, которую он очень любил, и которая напоминала ему Северную Венецию, Петербург, не менее любимый им город, но, увы, причинивший ему слишком много боли...

Иосиф Бродский родился в Ленинграде в 1940 году. Сорок два года спустя он так вспоминал в интервью о родном городе: «Ленинград формирует твою жизнь, твоё сознание в той степени, в какой визуальные аспекты жизни могут иметь на нас влияние... Это огромный культурный конгломерат, но без безвкусицы, без мешанины...»

После первой блокадной зимы мать Иосифа, Мария Вольперт, была эвакуирована с сыном в Череповец, где они прожили до 1944 года, и

где она служила переводчиком в лагере военнопленных. Отец будущего поэта, Александр Бродский, морским офицером и военным корреспондентом участвовал в обороне Малой земли и прорыве ленинградской блокады. К семье он вернулся лишь в 1948 году и продолжил работать начальником фотолаборатории Центрального Военно-морского музея.

Музей, в котором служил отец, был для мальчика заповедной страной детства, куда он наведывался очень часто. *«...Как вспомню Во-*

енно-морской музей, Андреевский флаг — голубой крест на белом полотнище... Лучшего флага на свете вообще нет!»

Иосиф был трудным подростком и школы менял не раз. После седьмого класса задумал поступать в мореходное училище, но попытка окончилась неудачей. А в 1955-м вообще бросил учебу в восьмом классе и «учился жизни» помощником фрезеровщика на прославленном ленинградском заводе «Арсенал». Дальше — только самообразование, которое принесло ему неплохие плоды. Тягот жизни Бродский никогда не боялся, еще в ранней юности перепробовал кучу рабочих профессий. Одно время работал помощником прозектора в морге, а еще кочегаром, фотографом (по стопам отца). Затем устроился в геолого-разведочную партию и в ходе одной экспедиции даже открыл небольшое

месторождение урана на Дальнем Востоке.

Тогда на юношеских фотографиях он мало напоминал рафинированного интеллигента периода зарубежной поэтической славы. Открытое, обветренное лицо с упрямым подбородком, пытливый и смелый взгляд. В то время его верной спутницей жизни становится литература. Молодой человек бредил стихами Баратынского, начал самозабвенно писать свои.

«Мимо ристалищ, капищ, \ мимо храмов и баров, \ мимо шикарных кладбищ, \ мимо больших базаров, \ мира и горя мимо, \ мимо Мекки и Рима, \ синим солнцем палимы, \ Идут по земле пилигримы...» Это стихотворение 1958 года быстро стало культовым, превратилось в песню Е. Клячкина, ее распевала вся студенческая братия, даже не зная еще имени автора. В Ленинграде о Бродском заговорили в начале шестидесятых, когда он впервые выступил на поэтическом турнире в ДК имени Горького.

Вцепившись обеими руками в стойку микрофона и поднеся его вплотную к губам, картавя и покачивая головой в такт ритму стихов, Иосиф читал: *«У каждого свой храм, \ У каждого свой гроб...»* Из публики в зале раздавались возмущенные крики: *«При чем тут поэзия!? Долой его!»* И восторженные: *«Бродский, давай еще!»*

И он «давал».

Тогда же началось его тесное общение с поэтом Евгением Рейном, оказавшим на Бродского существенное влияние. Рейн привел начинаю-

щего собрата к Анне Ахматовой, которая стала его учителем и, по словам Л. Лосева, произнесла после чтения Бродским «Большой элегии Джону Донну» сакраментальную фразу: «*Вы сами не понимаете, что вы написали!*» Это был момент инициации, посвящения в Поэты.

У Ахматовой в Комарово под Ленинградом Бродский познакомился с Лидией Чуковской, а год спустя, во время поездки в Псков, с вдовой Мандельштама Надеждой Яковлевной. Они обе стали его защитницами и опекунами. А еще — молодая ху-

Очень непросто складывалась также литературная и человеческая судьба молодого дарования. Упомянувшийся Баратынский, Оден и Цветаева, а за ними — Кавафист и Фрост были его непререкаемыми кумирами. Замыкали «личный пантеон» поэта Рильке, Пастернак, Мандельштам и Ахматова. В их «компании» он чувствовал себя легко, непринужденно и отрешенно сторонился набивавшихся к нему в приятели модных литераторов, которые впоследствии обвиняли его в снобизме и высокомерии.

По правде говоря, Бродский смолodu был не без этого. Уж слишком

Очень непросто складывалась литературная и человеческая судьба молодого дарования. Он отрешенно сторонился набивавшихся к нему в приятели модных литераторов, которые впоследствии обвиняли его в снобизме и высокомерии. Столь же равнодушно Бродский относился и к кипевшим вокруг идеологическим спорам. А они-то и поставили его потом под удар властей

дожница Марина (Марианна) Басманова, с которой у 22-летнего поэта завязался бурный роман. Она родила ему сына, и именно ей под литеррами «М.Б.» посвящены центральные произведения лирики Бродского: «Я обнял эти плечи и взглянул», «Ни тоски, ни любви, ни печали...», «Загадка ангелу» и другие. Роман этот, как, впрочем, и последующие любовные увлечения Иосифа Александровича, протекал непросто, с частыми ссорами.

цельной и бескомпромиссной натурой он был, слишком пестовал свой духовный аристократизм, граничивший с эгоцентризмом. Многих он раздражал, причем больше всего — пренебрежением к критическому мнению о собственной персоне. Столь же равнодушно относился Бродский к кипевшим вокруг идеологическим спорам. А они-то и поставили его под удар властей.

В 1963 году после выступления Н.С. Хрущева на пленуме ЦК КПСС

*Марина
(Марианна)
Басманова*

среди молодежи началось искоренение «лежебок, нравственных калек и нытиков» (как величал их в докладе на пленуме Никита Сергеевич). В числе первых мишенью преследований оказался Иосиф Бродский, которого к тому времени уже дважды задерживали правоохранные органы: первый раз за самовольную публикацию в рукописном диссидентском журнале «Синтаксис», а второй — по доносу знакомого.

29 ноября того же года в газете «Вечерний Ленинград» появился фельетон «Литературный трутень», подписанный группой авторов. Они обвиняли Бродского в «паразитическом образе жизни», жонглируя выдуманными фактами о нем, приписывая ему чужие стихи и злонамеренно искажая его собственные. Так, первая строчка стихотворения «Люби проездом родину друзей» и последняя — «Жалей проездом родину чужую» были превращены в одну — «Люблю я родину чужую».

Фельетон послужил сигналом к травле и возможному аресту поэта. Перед ним захлопнулись двери редакций газет, журналов и издательств. Тем не менее, по словам Бродского, сильнее, чем клевета, преследования, последующий арест, фарсовый суд и приговор, его потряс разрыв с Мариной. На тот тягостный период пришлось неудавшаяся попытка самоубийства. А затем, прямо в новогодние праздники, «Вечерний Ленинград» напечатал подборку «читательских» писем с требованием наказать «тунеядца Бродского». И 13 января 1964 года Иосифа Александровича арестовали по обвинению в тунеядстве, хотя его стихи регулярно печатались в детских журналах, а издательства заказывали ему переводы зарубежной поэзии.

В тюремной камере у Бродского случился первый приступ стенокардии, от которой он страдал всю последующую жизнь, и которая до срока свела его в могилу. Тогда же

родилось знаковое стихотворение «Здравствуй, мое старение!», написанное в 33 года. А в сорок, на воле, в принудительной эмиграции было написано еще одно — «Что сказать мне о жизни, \ Что оказалась длинной?» Со своим роковым диагнозом поэт действительно не был уверен, что доживет до следующего дня рождения.

На первом судебном заседании постановили направить Бродского на психиатрическую экспертизу. В печально известной «Пряжке» (городской психиатрической больнице №2) поэта продержали три недели, применив к нему, как он вспоминал, пытку под ироничным названием «укрутка». «Глубокой ночью будили, погружали в ледяную ванну, заворачивали в мокрую простыню и помещали рядом с батареей. От жара простыня высыхала и врезалась в тело». Заключение экспертизы гласило: «В наличии психопатические черты характера, но трудоспособен. Поэтому могут быть применены меры административного порядка». После этого состоялось второе заседание суда.

О подробностях того позорного судилища мир узнал из переправленных на Запад стенографических записей московской журналистки Ф. Вигдоровой, которая присутствовала в зале суда. Абсурдность и грубость вопросов судьи Е. Савельевой поражают: «А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?» И так далее, в таком же роде... Несмотря на неопровержимо убедительные выступления адвоката защиты и

В ссылке

свидетелей-экспертов, утверждавших, что переводы Бродского выполнены на высоком профессиональном уровне, он был приговорен к максимально возможному по Указу о тунеядстве сроку наказания — пяти годам принудительного труда в отдаленной местности.

Поэта этапировали под конвоем вместе с уголовниками в Коношский район Архангельской области и поселили в деревне Норинская.

Примечательно, что Иосиф Александрович всегда противился навязываемому ему зарубежными СМИ имиджу «жертвы режима» и «борца с советской властью», не любил рассказывать о лишениях и муках, перенесенных им в тюремной камере и в «психушке». Он заявлял: *«Мне повезло во всех отношениях. Другим людям доставалось гораздо больше,*

приходилось гораздо тяжелее, чем мне». Напротив, поэт назвал свою далекую ссылку самым счастливым периодом жизни. *«Я помню, как сидел в маленькой избе, глядя через квадратное, размером с иллюминатор, окно на мокрую, топкую дорогу с бродящими по ней курами, наполовину веря тому, что я только что прочел... "Время боготворит язык"».*

В ссылке Бродский изучал английскую поэзию, писал стихи и даже опубликовал два стихотворения в районной молодежной газете «Призыв».

А тем временем при активном участии Анны Ахматовой ширилась кампания за его освобождение. На протяжении полутора лет Ф. Вигдорова и Л. Чуковская неустанно рассылали ходатайства во все судебные и партийные инстанции, собирали в защиту поэта подписи наиболее видных

деятелей литературы и искусства страны — Д. Шостаковича, К. Паустовского, А. Твардовского, С. Маршака и других. За Бродского вступились Ж.-П. Сартр и многие известные западные писатели.

По авторитетному мнению Я. Гордина, «хлопоты корифеев советской культуры никакого влияния на власть не оказали. Решающим было предупреждение "друга СССР" Жана-Поля Сартра, что на Европейском форуме писателей советская делегация из-за "дела Бродского" может оказаться в "затруднительном положении"». Таким образом, по прошествии полутора лет, в сентябре 1965 года, срок ссылки был сокращен до фактически отбытого, и поэт вернулся в Ленинград. Тогда же его спешно приняли в Группком переводчиков при Ленинградском отделении Союза писателей, что позволило избежать в дальнейшем новых обвинений в тунеядстве.

Бродский был арестован и отправлен в ссылку 22-летним талантливым дебютантом, а возвратился 25-летним сложившимся мастером. Остаться на родине ему было суждено еще семь лет. Наступила творческая зрелость, требовалось примкнуть к какому-то кругу, направлению. В марте 66-го скончалась Ахматова, и с ее уходом начал распадаться окружавший ее «волшебный хор» молодых поэтов. Бродский оказался в одиночестве, можно сказать, в профессиональной изоляции.

«Так мало нынче в Ленинграде греков, \да и вообще — вне Греции — их мало» — это строка из этапного стихотворения «Остановка в пустыне», которое дало название сборнику, вышедшему в Нью-Йорке в 1970 году. Рукопись была переправлена в издательство с дипломатической почтой, как и прочие произведения поэта, не увидевшие свет в России вплоть до начала горбачевской перестройки. За первым изданным на Западе сборником последовали «Конец прекрасной эпохи» (это саркастичное название покойный Станислав Говорухин позаимствовал для своего фильма об еще одном выдающемся изгнаннике, прозаике Сергее Давлатове) и «Послание к Августе».

А дома — четыре разрозненных стихотворения в периодике 1966–67 годов (не считая публикаций в детских журналах), затем наступил период немоты. Рукопись книги стихов «Зимняя почта», сданная в издательство «Советский писатель», после многочисленных мытарств, с хвалебными отзывами рецензентов, была возвращена автору. (Увы, судьба книги решалась не в издательстве.)

Единственной доступной Бродскому областью поэтической деятельности остались переводы.

«Такого поэта в СССР не существует», — заявило в 1968 году советское посольство в Лондоне в ответ на направленное Бродскому приглашение принять участие в международном поэтическом фестивале. Между тем годы «публичной немоты» были наполнены интенсивным поэ-

тическим трудом. Сам он едва ли не главное значение придавал поэме «Горбунов и Горчаков», над которой напряженно работал в то время. Рискну утверждать, что именно тогда, молодым и гонимым, упрямо отказывающимся драматизировать свое изгойство, поэт пишет, возможно, лучшие свои стихи.

*Я дважды пробуждался этой
ночью
и брел к окну, и фонари в окне,
обрывок фразы, сказанной
во сне,*

также на квартирах приятелей, многочисленные самиздатовские рукописные копии с искажениями (ксерокс еще не изобрели) и, наконец, популярнейшие бардовские песни А. Мирзояна и Е. Клячкина на ранние стихи Бродского. В Европе и США его произведения, в оригинале и в переводах, продолжали появляться как в журнальной периодике, так и отдельными изданиями. Он стал популярен у приезжавших к нам иностранных корреспондентов и славистов, давал интервью,

В

январе 1964 года Иосифа арестовали по обвинению в тунеядстве, хотя его стихи регулярно печатались в журналах, а издательства заказывали ему переводы зарубежной поэзии. На суде он был приговорен к максимально возможному по Указу о тунеядстве сроку наказания — к пяти годам принудительного труда в отдаленной местности. Поэта этапировали в Архангельскую область и поселили в деревне Норинская

*сводя на нет, подобно многоточью,
не приносили утешенья мне.*

(«Любовь», 1971)

А двумя годами ранее — безнадежное, но гордое осознание собственного избранничества в «Конце прекрасной эпохи»: «Потому что искусство поэзии требует слов, \ я один из глухих, облысевших, угрюмых послов...»

Несмотря на усилия властей, Бродского со второй половины 60-х все шире узнавали в Союзе и за рубежом.

На родине — нечастые полугалогальные публичные выступления, а

получал приглашения читать лекции в западных университетах (не получая, естественно, в ОВИРе разрешения на выезд).

Внешне жизнь поэта в те последние годы на родине складывалась, как ни странно, относительно спокойно, хотя и под «колпаком» КГБ. В 1971 году не окончившего средней школы Иосифа Бродского избрали почетным членом Баварской академии изящных искусств. Очевидно, это, наряду с публикациями поэта на Западе, окончательно пе-

реполнило чашу терпения властей. В мае 72-го Иосифа Александровича вызвали в ОВИР и поставили перед выбором: либо немедленная эмиграция, либо снова психбольница, со всеми знакомыми ему мучениями и принудительным лечением...

Бродский, скрепя сердце, принял вынужденное решение об отъезде. Пытался его оттянуть сколько возможно, но власти хотели как можно быстрее избавиться от неугодного поэта. В начале июня, лишенный советского гражданства, он по «израильской визе» вылетел из Ленинграда в Вену.

Перед отъездом Бродский отправил Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу письмо, написанное кровью сердца и наиболее полно раскрывающее его духовный облик.

«Уважаемый Леонид Ильич, покидая Россию не по собственной воле... я хочу просить Вас дать возможность сохранить мое существование, мое присутствие в литературном процессе. Хотя бы — в качестве переводчика... Я принадлежу к русской культуре, я сознаю себя ее частью, слагаемым, и никакая перемена места на конечный результат повлиять не сможет...»

Мне горько уезжать из России... всем, что имею за душой, я обязан ей... я никогда не чувствовал себя обиженным Отечеством. Не чувствую и сейчас. Ибо, переставая быть гражданином СССР, я не перестаю быть русским поэтом. Я верю, что вернусь. Поэты всегда возвращаются: во пло-

ти или на бумаге... Я прошу дать мне возможность и дальше существовать в русской литературе, на русской земле...

Иосиф Бродский, июнь 1972».

Из страны его пытались выдвинуть и раньше. Свидетельство тому в стихах: *«Мне говорят, что нужно уезжать. \Да, да. Благодарю. Я собираюсь. \Да, да. Я понимаю. \Провожать не следует. \Да, я не протеряюсь... (Все кончено. Теперь я не спешу. / Езжай назад спокойно, ради Бога. \Я в небо погляжу и подышу \ холодным ветром берега другого».*

В Вене Бродского встречал американский издатель Карл Проффер. Они познакомились в 1969-м в Ленинграде, по рекомендации Надежды Яковлевны Мандельштам. Она принимала молодых славистов, Карла и его жену Эллендею, в своей квартире на Большой Черемушкинской и посоветовала им съездить в Питер для встречи с молодым опальным поэтом, одним из так называемых «ахматовских сирот», недавно вернувшимся из ссылки. В планы Профферов эта поездка не входила, однако они последовали совету вдовы Мандельштама. И не пожалели.

Встреча произошла по ленинградскому адресу Бродского, в доме Мурузи на Литейном, где когда-то жили Зинаида Гиппиус с Дмитрием Мережковским и где теперь открыт музей поэта. На встрече с Профферами Бродский держался вполне отчужденно и высокомерно, что, впрочем, не помешало им вскоре стать

близкими друзьями. Во многом благодаря дружбе с Бродским Профферы в начале семидесятых основали в Нью-Йорке знаменитое издательство запрещенной в СССР русскоязычной литературы «Ардис».

Спустя много лет Эллендея написала емкую книгу воспоминаний «Бродский среди нас», в которой спокойно развенчивает мифологизацию его исключительно крупной, но весьма противоречивой личности, рассказывает о присущих ему снобизме и нетерпимости во многих вещах, о его непорядочности в отношениях с женщинами. И при всем том автор не скрывает, что обожает героя своих мемуаров — и как поэта, и как человека.

«Когда в 1970 году Иосиф написал и был готов отправить Брежневу ходатайство об отмене смертного приговора участникам "самолетного

дела" (неудавшаяся попытка захвата в Ленинграде пассажирского самолета с целью эмиграции на Запад), в котором сравнивал советский режим с царским и фашистским, я похолодела от ужаса», — замечает автор книги и прибавляет, что после этого случая они с мужем окончательно поняли: Бродского надо скорее увозить из Союза.

До этого им довелось еще вместе весело встретить в Ленинграде новый, 1971-й, год. Эллендее запомнилось, как Бродский учил ее правильно произносить слово «сволочь». А затем был венский аэропорт, откуда ему предстояло отправиться напрямик в Израиль. Неимоверными усилиями, о которых он не имел понятия, Профферам удалось добиться для него, не имевшего даже въездной визы, возможности начать работать в США, да не где-

нибудь, а в Мичиганском университете.

На протяжении 24 последующих лет Иосиф Александрович с перерывами будет успешно преподавать (не имея, в сущности, представления, как это делается) в шести американских и британских университетах, включая Колумбийский и Нью-Йоркский, историю русской литературы, русскую и мировую поэзию, теорию стиха.

Он почти в совершенстве овладел английским. Выступал с лекциями и чтением стихов на различных международных литературных фестивалях и форумах, в крупнейших библиотеках и университетах США, Канады, Великобритании, Франции, Швеции, Италии.

Там, в Италии, его сердце покорила Венеция, сказочный город на воде. На него он перенес свою разделенную любовь к Ленинграду-Петербургу. Главным же делом эмигрантской жизни Бродского оставалось плодотворное поэтическое творчество, исполненное новыми, общечеловеческими культурными темами и мотивами, в которые, тем не менее, порой вплетались русские reminiscences.

Стихи на русском, написанные за границей в период 1972–76-го годов, поэт собрал в знаменитом сборнике «Часть речи». Деление на «до» и «после» было продиктовано Бродскому не внешними событиями (эмиграция), а убежденностью в происходивших в его творчестве глубоких внутренних изменениях, пере-

ломе. На этом переломе созданы «Натюрморт», «Одному тирану», «Похороны Бобо», «Письма римскому другу». Последнее стихотворение получило особую известность по обе стороны океана, подкупая виртуозной стилизацией древнеримской поэзии.

*Псылаю тебе, Постум, эти книги.
Что в столице? Мягко стелют?
Спать не жестко?
Как там Цезарь? Чем он занят?
Все интриги?
Все интриги, вероятно,
да обжорство?*

*Я сижу в своем саду, горит
светильник.
Ни подруги, ни прислуги,
ни знакомых.
Вместо слабых мира этого
и сильных —
лишь согласное гуденье
насекомых.*

С момента приезда Бродского на Запад его стихи регулярно печатались на страницах изданий русской эмиграции. Однако едва ли не чаще, чем в русскоязычной прессе, переводы произведений поэта публиковались в журналах США, Англии и других стран, а в 1973 году вышел том избранных переводов поэзии Бродского. В последующие годы наряду с новыми поэтическими сборниками появились три книги его ярких эссе, большая часть которых написана по-английски («Меньше единицы», «Набережная неисцелимых» и «О скорби и разуме»).

Именно они, даже в большей степени, нежели поэзия, прославили имя Бродского в мире. Американским Национальным советом литературных критиков сборник «Меньше единицы» был признан лучшей литературно-критической книгой за 1986 год. К тому времени Бродский был уже обладателем полудюжины престижных званий члена различных литературных академий и почетного доктора ряда ведущих университетов Старого и Нового света.

Пространство зарубежной жизни он освоил достаточно легко и непринужденно и, что называется, вписался в контекст западной культуры. При этом, разумеется, материальное и духовное благополучие Бродского не исключало глубокого трагизма его человеческого существования, его судьбы.

Родители Иосифа Александровича двенадцать раз подавали заявление с просьбой разрешить им увидеться с сыном. Об этом же неоднократно просили советское правительство влиятельные американские конгрессмены и деятели культуры. Но даже после того, как поэт перенес в 1978 году операцию на открытом сердце и остро нуждался в уходе, родителям было отказано в выездной визе. Сына они больше не увидели. Мать Бродского умерла в 1983 году, следом за ней через полгода — отец. Оба раза Бродскому не позволили приехать на похороны. Родителям посвящена книга «Часть речи», несколько стихотворений и эссе «Полторы комнаты».

Свою боль и тоску он носил в себе, редко делился сокровенным даже с близкими друзьями и хотел казаться веселым и самодостаточным. Дружил с русскими эмигрантами, в том числе со знаменитым танцовщиком М. Барышниковым, в 1977 году принял американское гражданство и окончательно переехал в Нью-Йорк, где чувствовал себя вполне комфортно, войдя на паях с Барышниковым в совладельцы популярного ресторана «Русский самовар». В ресторан поэт вложил часть средств от Нобелевской премии, присужденной ему в 1987 году. Она принесла Бродскому относительную финансовую независимость, позволив оказывать денежную помощь нуждающимся собратьям по перу. *«Несколько раз, — вспоминает Л. Лосев, — я участвовал в сборе денег на всепоможение нуждающимся старым знакомым, и иной раз и тем, к кому Иосиф не должен был бы питать симпатий, когда я просил у него, он принимался торопливо выписывать чек, даже не давая договорить».*

С другой стороны, Бродский открыто враждебно относился к сверхпопулярным в СССР поэтам-западникам — Евтушенко, Вознесенскому, Рождественскому, Ахмадулиной, что, однако, не мешало ему обращаться за помощью к удивительно пробивному Евтушенко, если надо было помочь с разрешением на выезд кому-либо из приятелей «отказников».

В своем высокомерном отношении к насущным нуждам тех товари-

щей по литературному цеху, кто, как и он, вынужденно эмигрировали из страны, он порой даже не отдавал себе отчета. Так, однажды написал по просьбе издательства внутреннюю рецензию на новый роман Василия Аксенова, который считался его другом, и дал в ней резко негативную оценку роману. Это задержало публикацию книги на несколько лет. Стесненный поначалу за границей в средствах, Аксенов позволил Бродскому и сказал примерно следующее: *«Сиди на своем троне, украшай свои стихи античными реминисценциями, только нас-то оставь в покое. Ты не обязан нас любить, но, по крайней мере, нам не вреди и не притворяйся нашим другом».*

За огромный талант ему прощались многое. И — отдавалось должное былыми советскими коллегами. Белла Ахмадулина объясняла феномен русскоговорящего автора в эмиграции: *«Если мы имеем дело с исключительным и великим случаем, как с Иосифом и как... с Буниным, как с Набоковым, человек... внутри себя может плодить русский язык и совершенно в этом преуспевает... Будучи разлучен с бытовой речью, он сам становится плодотворной почвой русского языка».*

Феномен заключался еще и в том, что, прославившись в эмиграции как русскоговорящий поэт и драматург, Бродский сумел со временем стать также и выдающимся англоязычным поэтом и эссеистом. В 1973 году вышел первый сборник авторизованных переводов произведений Брод-

ского «Избранные стихотворения». В третий и четвертый сборники вошли как переводы и автопереводы с русского, так и стихи, написанные по-английски. С годами Бродский все меньше доверял переводы своих стихов другим переводчикам и все чаще сочинял стихи на английском языке. При этом не считал себя двуязычным поэтом и утверждал, что *«когда пишет стихи по-английски — это, скорее, игра...»*

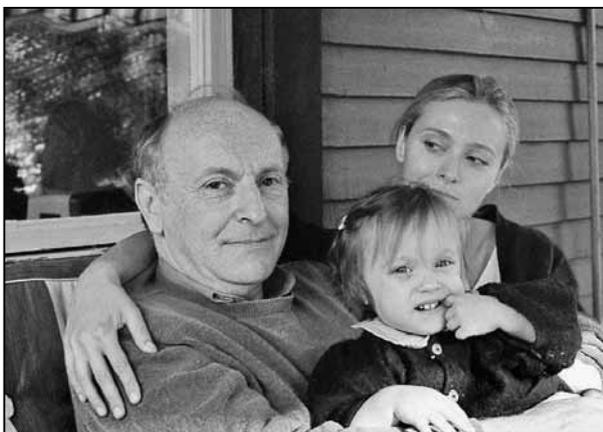
В зрелые годы Бродский свел свою самоидентификацию к четкой формуле: *«Я — еврей, русский поэт и американский гражданин».* Как русскому поэту ему пришлось на чужбине труднее всего. Несмотря на несомненный успех его поэтического творчества среди литературоведов, критиков и широкого круга читателей, поэзия «позднего» Бродского вызывала серьезные упреки в пониженной эмоциональности и метафорической усложненности.

В 1987 году увидела свет большая этапная книга стихов Бродского «Урания». И в том же году ее 47-летнему автору была присуждена Нобелевская премия по литературе *«за всеобъемлющее творчество, проникнутое ясностью мысли и поэтической интенсивностью».* Это событие совпало с началом перестройки в Советском Союзе, которая открыла произведениям Бродского дорогу на родину. Четыре года спустя был изгнанник из Страны Советов занял пост поэта-лауреата США — консультанта Библиотеки Конгресса

и запустил программу «Американская поэзия и грамотность» — распространение среди населения томиков стихов в дешевых бумажных обложках. С 1993 года более миллиона таких книжек были бесплатно розданы в школах, отелях, супермаркетах, на вокзалах.

Его неоднократно звали приехать в Россию (там уже вышло четырехтомное собрание сочинений Бродского), но он все время медлил, бо-

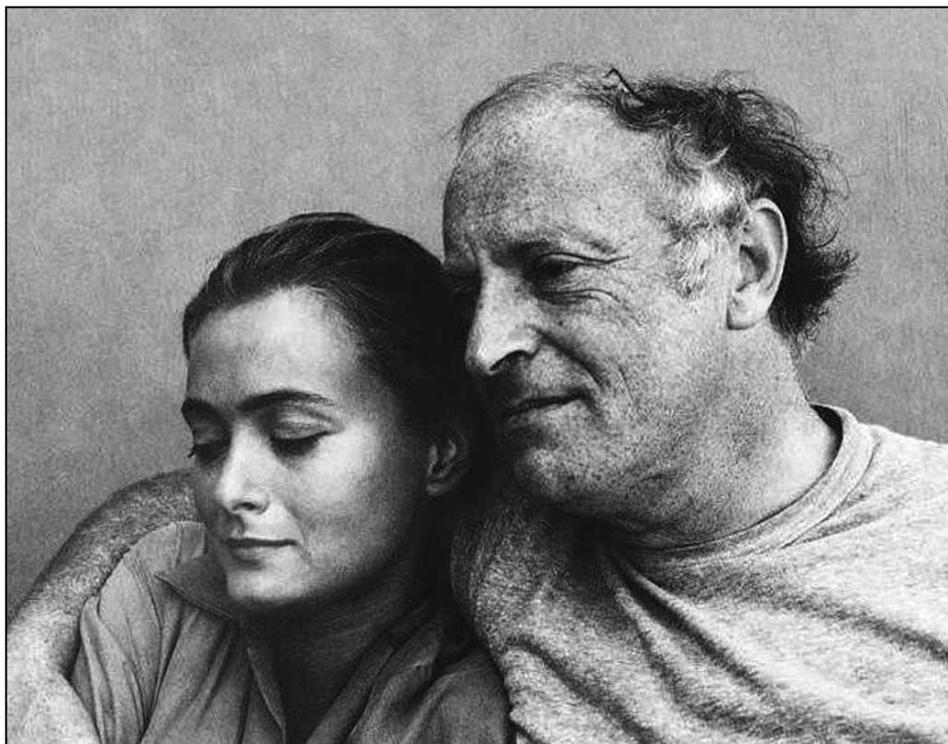
ясь внимания прессы и публичности, говорил: *«Лучшая часть меня уже там — мои стихи»*.

Еще одним прекрасным «произведением» Бродского стала любимая дочь Анна. В 1990-м поэт женился на своей студентке из аристократического итальянского рода с русскими корнями по материнской линии, Марии Соццани, а через три года у них родилась дочь. Увы, увидеть, как она растет, Иосифу Александровичу из-за больного сердца было не суждено. Заядлый курильщик, он перенес четыре кардиооперации, но курить так и не бросил. Врачам, советовавшим ему отказаться от пагубной привычки, ответил: *«Жизнь замечательна именно потому, что гарантий нет, никаких и никогда»*.

Размах его творческой и общественной деятельности в последние годы жизни поистине впечатляет. Он по-прежнему делил время между уютной нью-йоркской квартирой и университетским городком в штате Массачусетс, где в перерывах между семинарами и лекциями в концорциуме пяти колледжей продолжал отделять стихи, переводы, эссе. В 90-е вышли четыре книги новых стихов Бродского: «Примечания папортника», «Каппадокция», «В окрестностях Атлантиды» и изданный в Ардисе уже после смерти поэта и ставший итоговым сборник «Пейзаж с наводнением».

Его перу принадлежат две опубликованные пьесы «Мрамор» и «Де-

*С женой
Марией
Соццани
и дочерью*
(слева)

мократия», а также десятки статей, предисловий, рецензий. Американская писательница и близкий друг Бродского С. Зонтаг отмечала: «...он рассматривал свое изгнание как возможность стать не только русским, но и всемирным поэтом... Я помню, как Бродский сказал, смеясь, где-то в 1976–77: "Иногда мне так странно думать, что я могу написать все, что я захочу, и это будет напечатано"». Наряду с такой возможностью он широко пользовался свободой открыто выступать в защиту преследуемых за политические убеждения, будь то в СССР или в другой стране. Крупнейшие газеты мира публиковали его обращения с поддержкой гонимых литераторов: С. Рушди, Н. Горбаневской, Т. Венцлова и ряда других.

Незадолго до смерти Иосиф Александрович загорелся идеей осно-

вать в Риме Русскую академию. Осенью 95-го он обратился к мэру Вечного города с предложением о создании подобной академии, в которой могли бы учиться и работать писатели, ученые и художники из России. Идея была реализована уже после смерти поэта. В 2000 году Фонд стипендий памяти Иосифа Бродского отправил в Рим первого российско-го поэта-стипендиата, а через три года — первого художника...

Субботним вечером 27 января 1996 года Бродский собрал в портфель рукописи и книги, готовясь утром отправиться в массачусетский Саут-Хэдди к началу весеннего семестра. Пожелал жене спокойной ночи, сказав, что хочет еще поработать, и поднялся обратно в кабинет. Утром на полу кабинета Мария и обнаружила его, полностью одетым.

На письменном столе рядом с очками лежала раскрытая книга — двуязычное издание греческих эпиграмм («*На разошедшейся скамейке — Старший Плиний...*» — последняя строфа из «Писем римскому другу»).

Причиной смерти стала остановка сердца вследствие внезапного

организаторов поминальной службы любимого им поэта У. Одена.

Депутат Государственной думы Г. Старовойтова прислала вдове телеграмму с предложением похоронить Бродского в Петербурге на Васильевском острове. Но это означало бы помимо воли покойного вер-

В

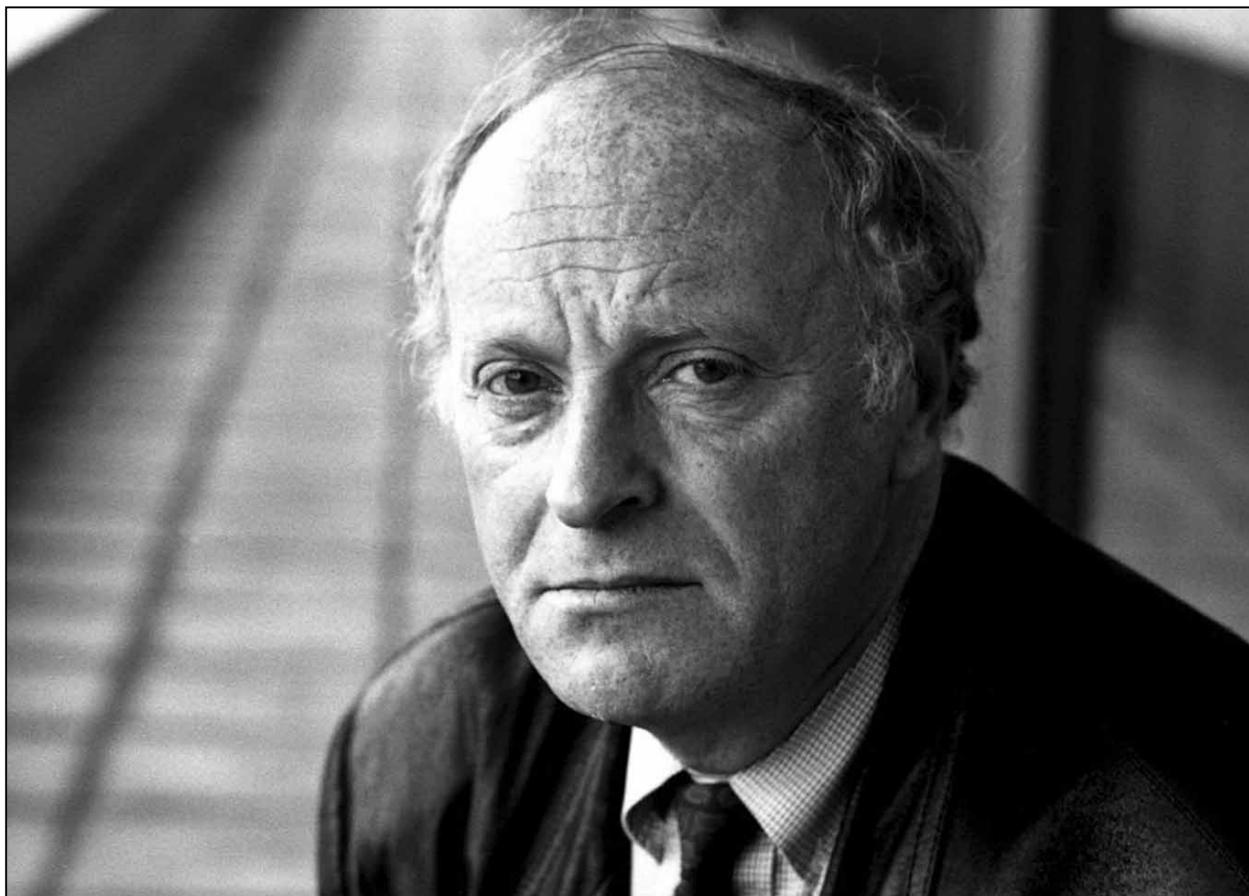
нешне жизнь Бродского в последние годы на родине складывалась, как ни странно, спокойно, хотя и под «колпаком» КГБ. Но, видимо, чаша терпения властей переполнилась, и в мае 72-го года его вызвали в ОВИР, поставив перед выбором: либо немедленная эмиграция, либо снова психбольница, со всеми знакомыми ему мучениями и принудительным лечением... Скрепя сердце, Бродский принял решение об отъезде

инфаркта. Иосиф Александрович Бродский скончался, не дожив четырех месяцев до своего 56-летия. 2 февраля состоялось временное захоронение: тело в гробу, обитом металлом, поместили в склеп на кладбище при храме Святой Троицы на берегу Гудзона. Там останки поэта хранились больше года, пока решался вопрос о месте его окончательного упокоения.

В марте в епископальном соборе Святого Иоанна Богослова на Манхэттене прошла поминальная служба. Речей не было. Только — стихи. Их читали друзья, коллеги, почитатели таланта Бродского. Под сводами собора звучала музыка Гайдна и Моцарта. В 1973 году в этом же соборе Бродский выступал одним из

нужь его останки на родину, и предложение отклонили. По словам Марии, «идею о похоронах Бродского в Венеции высказал один из его друзей. Это город, который, не считая Санкт-Петербурга, Иосиф любил больше всего. Кроме того... Италия — моя страна, поэтому лучше, чтобы мой муж там и был похоронен... Венеция ближе к России и является более доступным городом».

Многолетние друзья и адресаты многих стихотворений Бродского, исследователи В. Шульц и Б. Кравери, договорились с властями Венеции о приобретении места на старинном кладбище на острове Сан-Микеле. Желание быть там похороненным высказано Бродским в шутовском стихотворном послании поэ-

ту, прозаику и переводчику А. Сергееву:

*Хотя бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Лишенное родимой глины, оно
в аллювии долины
Ломбардской гнить не прочь.
Понеже
Свой континент и черви те же.
Стравинский спит
на Сан-Микеле...*

21 июня 1997 года состоялось перезахоронение Иосифа Бродского на кладбище Сан-Микеле. Первоначально планировали захоронить гроб с телом поэта на русской половине кладбища между могилами Стравинского и Дягилева, однако это оказалось невозможным, поскольку Бродский не был крещен в православие.

В результате его похоронили в протестантской части кладбища. На могиле установили надгробный памятник работы художника В. Радунского. На оборотной стороне памятника высечена надпись по латыни — строка из элегии Проперция: «Со смертью не все кончается».

Люди, навещая могилу, оставляют на постаменте письма, стихи, фотографии, карандаши и просто камешки — по еврейскому обычаю.

*И если за скорость света не ждешь
спасибо,
То общего, может, небытия
броня
ценит попытки ее превращения
в сито
и за отверстие поблагодарит
меня. □*

Ирина Тютяева

Я тебе ночами снилась.	После каверзной загадки,
Сны — как в поле одуванчики.	Чтоб не смог сосредоточиться,
Разлюбилось. Разлюбилось,	
Потому что сны — обманщики,	Чтоб запутался в трех соснах,
	И впивались бы иголками
Потому что — как закладки	В сердце гаснущие звезды,
В темной книге с многоточьями	И холодные, и колкие...

Мы ищем разум внеземной,
Нам верить в то, что есть он, хочется,
Послать бы знак ему какой,
Как чудной флейты звук заоблачный,

Иль струны рвать на скрипках так
Смычками, чтоб, как в створках раковин,
Мигал сонате Лунной в такт
Жемчужный свет с крылом параболы.

Он где-то близко, знать бы — где,
В каком таком глухом созвездии
Без стаи белых лебедей,
И без ночлега для Медведицы?

Не долететь — так хоть вздеть
К нему ладони с глупой просьбою:

Со мною рядом посидеть
На лавке в сквере поздней осенью.

Он то ль волшебный чересчур,
То ли задумчивый и матовый,
Едва заметный, как прищур
Страничек томика Ахматовой.

Мир полон красок и огня,
Минуты — белкою по кругу,
А для молитвы за тебя
И нужен-то всего лишь угол,

Где над лампадкой вьется свет,
И пахнет ладаном просфора,
А времени как будто нет
Ни здесь, ни за прозрачной шторой.

Я по утрам стираю пыль
Вселенскую с горбатой полки,
Где медным крестиком псалтырь
Укрыт от горестей крамольных.

Я за тебя молюсь в ночи
Пред ликом, что черней, чем уголь,
И сердце бешено стучит,
И бьется через раз об угол...

В этом было что-то чудное:
Обмакнуть перо в чернила.
А душа уже чертила
Что-то светлое и чуткое

На листке,
Что память выбрала
Из далекого вчера.
Все счастливое —
Не выбрала,

А несбывшимся жила.	Риза желтая луны.
Как красна изба углами,	Взглядом следовать за вами —
Так и жизнь —	Что есть лучшего в ночи?
Одни углы...	А душа летит на пламя
Образы —	Догорающей свечи.
Над образами,	

Не знаю где, в каком краю
Встречаются воспоминанья.
В седьмом уже светло в раю,
Как будто в свечке поминальной.

Наверное, рисуешь ты
Вершины гор, луну над ними.
Пусть будут нимбы золотыми
Над всем, в ком есть твои черты.

Позволь побыть ладоней возле,
Прибиться локоном к руке...
О! Резво так скользят полозья
Слез первобытных по щеке...

О наши судьбы желторотые!	В скорлупки неизбежности...
Мы —	Еще бескрылые от нежности —
Гнезда, свитые аортами.	Уже приравнены к ручным...
Уже не вспомнит никогда	Сегодня все тебе прощается,
Птенец,	Что — никому и никогда...
Что выпал из гнезда,	С орбит обид не возвращаются,
Какая эта жизнь —	Вращаясь между «нет» и «да».
Короткая.	«Прощай!» —
А мы все клювами стучим	На плечи уходящему

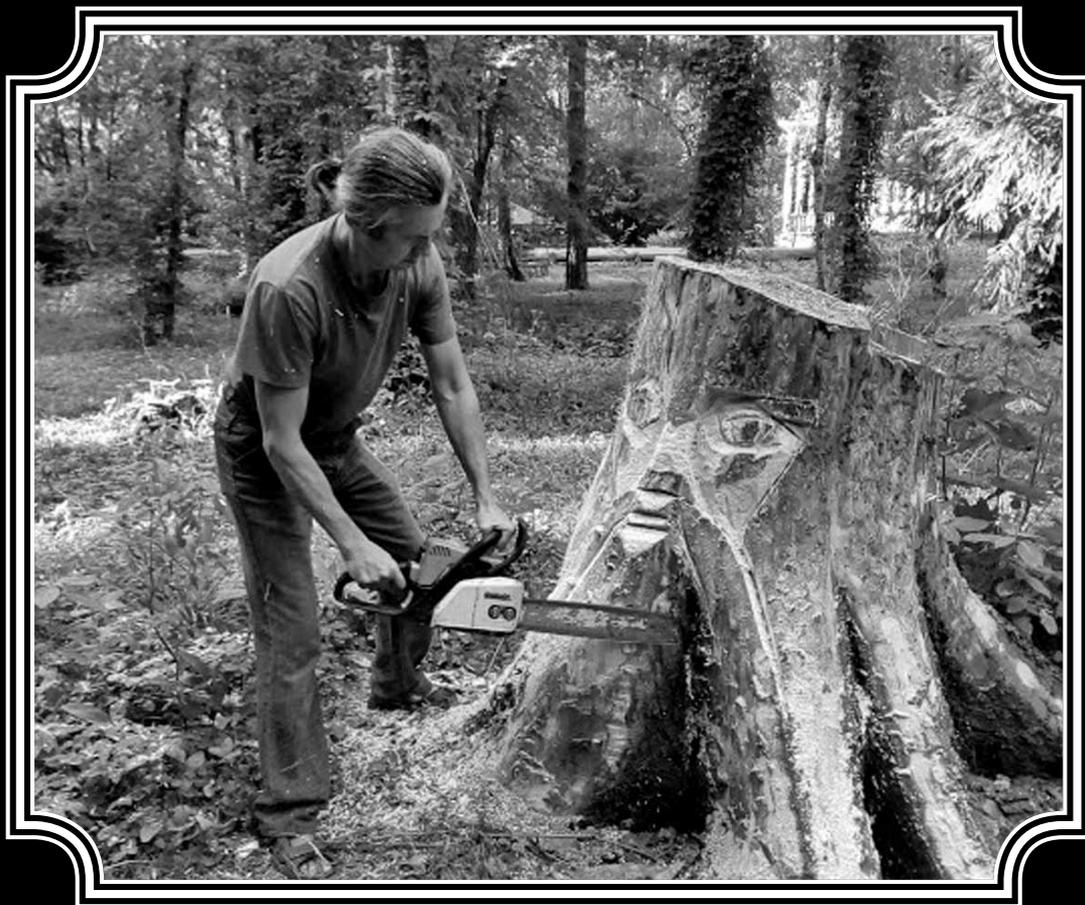
Щекой горячей прилегло.
А в прорезях почтовых
ящичков
Пробито штемпелем крыло!
И адресатом не получено
Послание.
Но не в этом суть...
Каким еще ветрам выкручивать

Те крылья,
Что к тебе несут
По шаткой лестнице
Без поучней?
Я верую в твои глаза,
Где хрупкою гимнасткой в обруче
С осиной талией —
Слеза.

Жизнь морщинкой запишет,
Если что-то забуду:
Незабудок запруду
Под цветущею вишней,
А под самую крышей,
Где чердачные щели, —
Ветра свист еле слышный,
С соловьиною трелью...
Невозможно, наверно,
Перебрать, перечислить
Все, что хлынет мгновенно
В омут прожитых чисел,
Канет лето, а осень,
Как грибы из корзины,
Через вешние грозы
Перекинется в зимы...
Если жизнь — как игра —
Поиграем в смотрины...
И — была не была —
Я — ва-банк... на морщины
За поспевшие вишни,
За букет незабудок,
Что дарил мне Всевышний,
Как небесное чудо...

ДОРОГАМИ

ФАУНТАЗЫИ

Иду по аллеям парка подмосковного санатория «Подлипки» и пытаюсь пересчитать деревянные фигурки, встречающиеся здесь повсюду.

Лебедь, сова, медведь, белка. Вот еще кто-то с рогами, похож на оленя, тянущего повозку. Среди деревьев стоит фигура в большой крас-

ной шляпе — вылитый Санчо Панса. И куда ни бросишь взгляд, в траве виднеются грибочки, будто настоящие. Рука к ним сама так и тянется.

На мой вопрос, кто их создатель, тут же получаю ответ: Валерий Левандовский, — массажист санатория.

И вот удача. Меня направляют на массаж именно к нему. Невысокого роста, худощавый, с азартной искринкой в глазах, Валерий, отметивший в этом году свой 60-летний юбилей, сразу вызывает симпатию.

— С чего началось ваше увлечение?

— С него, — подходя к окну своего кабинета, кивает Валерий, — вот с этого корня. Лежал, как и сейчас, перед моим окном. Долго я к нему присматривался, все думал, на что же он похож, у пациентов даже спрашивал. Попросил лесорубов привезти пень, поставили мы корень на него, я сразу сбоку увидел хобот и клыки, и решение пришло само собой.

— Да у вас тут целый зоопарк под окном, — тоже подходя к окну, замечаю я.

— Вроде того, — улыбается Валерий. — Небольшой музей голов козули, оленя, мамонтенка, быка, единорога, кабана — почти все рогатые, 30 штук.

— Сколько дней заняла у вас эта работа?

— Четыре. А уже потом стал грибочки стал делать. Два года назад сильный ураган повалил здесь много деревьев — ели, березы. И моя фантазия неожиданно разыгралась: в голове стали рождаться образы птиц, животных. Администрация санатория пошла мне навстречу, выделила помещение для мастерской, и работа, как говорится, закипела.

— А где вы этому мастерству учились?

— Я с детства любил что-то делать своими руками. Что-то мастерил, чинил, лепил из пластилина зверюшек, во Дворце пионеров занимался резьбой по дереву, выжиганием. Работа с деревом меня всегда привлекала.

— А инструменты? Нужны ведь, очевидно, какие-то специальные инструменты?

— Необходимые инструменты у меня все были — стамеска, рубанок, молоток, пила, долото — все это досталось мне в наследство от дедушки Миши. Он был плотником, во время НЭПа делал стулья, столы, шкафы. Когда приезжали к нему на Урал в Свердловск, мы с братом всегда сами делали себе игрушки из дерева — машинки, танки, пистолетики. Мне это очень нравилось...

Родился Валерий на Украине, в Львове, там и десятилетку заканчивал. Папа, инженер-агроном, увлечения сына поддерживал, говорил: «в жизни все пригодится». А мама, медсестра, часто просила Валерия сделать ей массаж рук, спины. Видела его в будущем массажистом.

После школы вместе с одноклассниками Валерий поехал во Владивосток поступать в мореходное училище, романтика потянула. Но его из-за слабого здоровья не приняли. Тогда он, не раздумывая, тут же, во Владивостоке, поступил на курсы массажа и одновременно устроился плотником на стройку. Тогда же

он сделал и свою первую деревянную скульптурку — гимнастку и подарил ее своей возлюбленной. Окончив курсы и получив диплом, Валерий отправился в Москву искать работу массажиста. Выбор его пал на подмосковный санаторий.

— Много больных к вам на массаж приходит?

— Двадцать пять ежедневно.

— Вы делаете по 25 массажей в день? Откуда силы берете на все? Спортом занимаетесь?

— Каждое утро я делаю дыхательные упражнения ятра-йоги.

— Где вы этому учились?

— Давно интересуюсь традиционной тибетской медициной. В 2006

году с друзьями был в северном Тибете. 11 месяцев учился там в институте тибетской медицины. С тибетскими монахами в монастыре мы практиковали йогу, медитацию, а потом с помощью тибетского переводчика две недели лечили местных жителей. В Тибете все очень интересно и необычно. Я у них многому научился, многое переосмыслил, старался вникнуть в их философское понятие окружающего мира, природы.

— В чем оздоровительный эффект массажа?

— Массаж тонизирует, расслабляет мышцы, снимает спазм, улучшает кровообращение, подвижность суставов, всего тела. Способствует долголетию. Я стараюсь его делать так, чтобы за 10 минут,

теперь, к сожалению, время массажа в санатории сократили, получить результат.

— Как вы чувствуете, что добились этого?

— Пациент чувствует. Боль у него проходит. Руки начинают подниматься уже после первого сеанса, лучше двигаются ноги. Тело сразу оживает.

— Да вы — настоящий волшебник. Под вашими руками и дерево поваленное оживает, вы даете ему вторую жизнь. Когда вы с ним работаете, чувствуете его пластичность, податливость?

— Обязательно. Без этого нельзя. Как только беру ветку в руки или прикасаюсь к стволу, представляю, что из них можно сделать. Они передо мной оживают, преобразовываются.

— Долго фантазировать приходится?

— По-разному бывает. Недавно мне попалась очень оригинальная с изгибом ветка сосны. Сразу увидел в ней хвост, голову, лапку. Сделал белочку с желудем из мультфильма «Ледниковый период». Когда из паркового фонтана перенесли двух гусей в цветник, я добавил к ним своего деревянного. Как-то пни корчевали, и мне сразу здоровый корень ели приглянулся. Попросил, чтобы его в санаторий привезли. Обработал его, покрасил...

— И что получилось?

— Сосуды коронарные. Стоит у входа в главный корпус. Санаторий же у нас сердечно-сосудистый. Вписался прямо по теме.

— Мне мишка ваш в белой шапочке с красным крестом нравится. Как у вас появилась идея такого медбрата сделать?

— Я давно хотел сделать деревянного медведя, даже в Сергиев-Посад несколько раз ездил, чтобы увидеть там работы известных мастеров — резчиков по дереву. Много фигурок деревянных медведей фотографировал, смотрел мастер-классы на видеороликах. Ездил и в Киржач, в музей народного творчества, собирал специальную литературу. Очень хотелось, чтоб мишка у меня получился. Его же бензопилой надо было выпиливать, а я ею никогда не работал.

Пришлось осваивать. Специально ездил в Хотьково в Богородский музей, там подробно рассказывают, как и какими инструментами медведей надо делать, какое нужно дерево подобрать для него.

— А ваш мишка из чего сделан?

— Из ели. Очень долго искал подходящее бревно, а как только нашел, попросил бензопилу у начальника санатория. Вот уже месяц, как мишка здесь стоит. Отдыхающие с ним фотографируются, довольные, улыбаются. Другие мои скульптуры тоже всем очень нравятся. А мне приятно, что мои работы доставляют людям радость.

— Сейчас над чем работаете?

— Рядом с моим домом на полянке ель большая стояла. Ураганный ветер ее сломал, остался высокий пенек. Хорошо смотрится со всех сторон, особенно в лучах заходящего солнца. Решил богатырскую голову из него делать. Мечту свою давнюю воплотить. В детстве из пластилина их много налепил. Теперь в дереве хочу попробовать. Чертеж уже готов.

— Образ с «Трех богатырей» взяли? Этой картине уже 120 лет исполнилось. Ее хорошо знают и любят.

— Мне она тоже очень нравится. А еще русский богатырь Александр

Невский. Его знаменитые слова: «Кто на Русь с мечом придет, тот от меча и погибнет» — я постараюсь тоже высечь. Образ будет обобщенный, образ русского богатыря — патриота, защитника Отечества.

— Пень перед вами. С чего начнете работу?

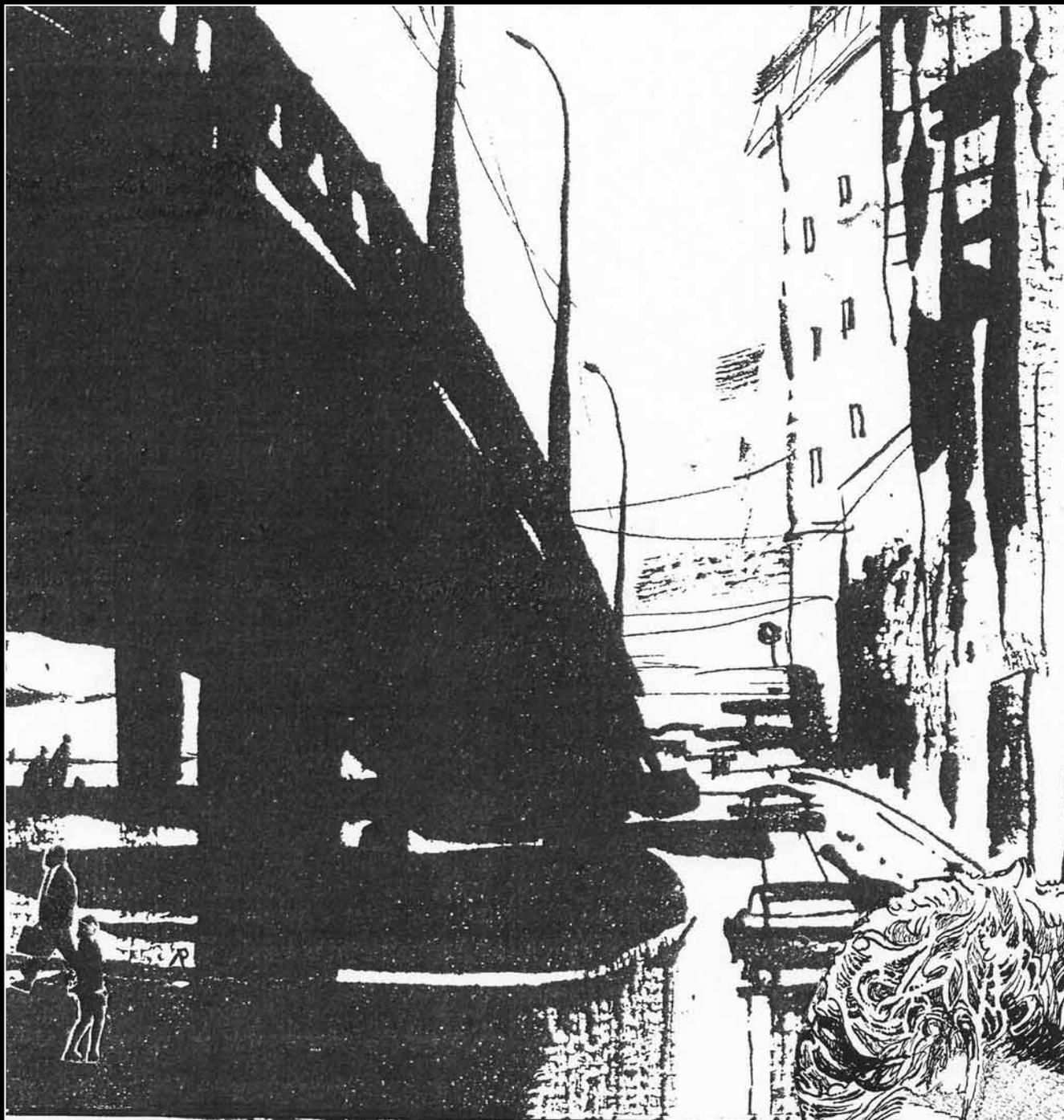
— Сначала топором сниму кору. Потом фломастером нанесу рисунок с эскиза. Пилой сниму лишнюю древесину. Специальными инструментами обработаю общий рисунок, затем начну работать над отдельными деталями. Исходный материал пропитаю морилкой, трансформаторным маслом. Лицо будет натурального цвета дерева.

— А шлем?

— Шлем буду делать отдельно, тоже из ели. Чтобы был он темным, обожгу его паяльной лампой.

— К деревянной скульптуре в последнее время проявляется все больший интерес. Богатство человеческой фантазии поражает. А у вас есть еще какие-нибудь задумки?

— Подумываю Буратино сделать, сидящим на лавочке, чтобы отдыхающие могли к нему подсаживаться и фотографироваться вместе с ним. Уже и липу присмотрел для него, а потом хочу сделать и героев любимых детских сказок... □

МОЯ ШОКОЛАДНАЯ БЭБИ

Глава третья

Сытов гнал машину. Он уверял себя, что хочет разбиться. Но его реакции были до автоматизма точны и безошибочны. Мыслей не было, чувств не было... Как это, черт подери, называется? Кризис среднего возраста? Или «седина в бороду — бес в ребро»? Без разницы. Когда тебе за сорок, диагноз один — возраст.

Утром он, как всегда, пришел на работу. Пришел раздраженный, потому что вот уже неделю сидел на диете, согласно которой на завтрак мог съесть только вареное яйцо и выпить чай без сахара. Лишние килограммы появились недавно, жить, в общем-то, не мешали, но вечерами, возвращаясь из душа, Сытов вдруг стал ловить на себе насмешливые взгляды Лики. В ее глазах он читал примерно следующее: «Да, парень, ты совсем распустился. Я старше тебя на десять лет, а посмотри на меня!» Лика была светская львица — бассейн, массаж, тренажеры, и никакой пластики. Так она, во всяком случае, утверждала. В пятьдесят один ей давали тридцать, и это была единственная цель ее жизни — сногшибательно выглядеть. Сытов уже начал и толстеть, и стареть, а Лика все блистала точеной фигурой, розовой кожей и капризами шестнадцатилетней девочки.

Продолжение. Начало в №9, 2019 года.

Вот и сегодня утром Сытов послушно давился вареными яйцами, которые терпеть не мог. Но, не выдержав, взбунтовал, выбросил недоеденное яйцо в мусорное ведро и уехал на работу в крайнем раздражении. Едва переступил порог, как секретарша объявила, что Сытова ждет генеральный.

Генеральный был новый и еще не окученный. Борьба за власть на популярном телеканале оказалась долгой, изнурительной и «кровопролитной». Многие головы полетели, многие «лучшие люди» ушли. Известные всей стране тележурналисты и телеведущие, не выдержав склок, дрызг, прессинга, а также пресловутой «смены политики», теперь работали в других телекомпаниях. Особенно всех доконало то, что генеральным директором стал слишком молодой, слишком амбициозный и не слишком умный человек. Тех, кто не ушел сам, «ушло» новое начальство — «смена политики»! Сытов был горд, что оказался в числе немногих, кто удержался на плаву, и кого не коснулись «чистки». Он так и остался директором редакции информационных программ и даже тешил себя надеждами на некое повышение и расширение полномочий.

— Присаживайтесь, — кивнул генеральный. Он был так похож на своего знаменитого папу, что Сытов всегда контролировал себя, чтобы, не дай бог, не назвать его папиным именем. Дети знаменитых родителей очень не любят, когда им напоминают, чьи они дети.

— Утро доброе, Валерий Сергеевич! — позволил себе Сытов лучезарную улыбку, сел в кресло и даже рискнул закинуть ногу на ногу. Неплохо было бы, если бы генеральный кликнул своей секретарше о двух чашечках кофе. Сытов непременно выпил бы сладкий, с лимоном. К черту вареные яйца и чай без сахара!

Но генеральный не кликнул. Он уселся за свой необъятный стол, на котором можно бы было сыграть партию в бильярд или, на худой конец, — в теннис, сцепил пухлые ручки в замок и, вздохнув, произнес:

— Никита Андреевич, я прекрасно помню те времена, когда вы были блестящим тележурналистом.

Сытов решил, что это комплимент, улыбнулся еще лучезарнее и еще вольготнее раскинулся в кресле.

— Я помню ваши незаурядные репортажи. — Генеральный замялся, будто затрудняясь сказать, что он еще помнит про Сытова. — А вы не хотели бы снова познать все прелести жизни известного, публичного человека?

— Что, простите?.. — не понял Сытов, вернее, боясь понять.

— Я говорю, что вы будете больше на своем месте, если станете...

— Репортером?.. — с нескрываемым ужасом спросил Сытов, чувствуя, как ладони становятся мокрыми, а щеки горячими.

— Нет, ну зачем же! — воскликнул генеральный. — Из этой шкурки вы выросли. Да, выросли, да и возраст... А вот ведущим новостного блока...

— Ведущим, — эхом повторил Сытов, все еще не веря в происходящее.

Он удержался во время лавины, которая смела все и вся, и вдруг пошел ко дну, когда вокруг установилась тишь да благодать. А он-то мечтал о повышении...

Нужно было «держать лицо», нужно было, чтобы ни один мускул не дрогнул на лице, но губы у Сытова затряслись, и он против своей воли произнес:

— То есть как директор редакции информационных программ я не на своем месте?!

Генеральный опять сцепил пальчики, посмотрел тоскливо в окно и сказал:

— Вы же понимаете. Вы все понимаете. У канала новая политика, и в рамках...

Уж как Сытов прогибался, чтобы «соответствовать» и поддерживать эту «новую политику»! Все без толку. Ведущий новостей! Это не шаг назад. Это полет в пропасть. Говорящая голова. Говорящая за тех, кто эту самую политику строит. Нужно кивнуть. Улыбнуться, и приступить к обязанностям, согласно штатному расписанию. Но Сытова вдруг бес толкнул в ребро.

— Сергей Васильевич! — Черт, он все же назвал генерального именем его знаменитого папы. — Валерий Сергеевич! Я очень ценю, что меня не просто выставляют за дверь, а предлагают вполне достойно продолжить работать. Я премного благодарен. Вы даже не представляете как. Конечно, я согласен. Я, если честно, очень даже не против всех прелестей жизни известного, публичного человека. Только... можно мне как-нибудь поделикатнее, что ли, приступить к новым обязанностям?.. Ну, например, сначала в отпуск сходить? Я пять лет в отпуске не был.

Генеральный вдруг громко захохотал. Это было так неожиданно и так ему не шло, что Сытов решил: ну все, придется искать новую работу, вникать в другую «новую политику».

— Валяйте, — отхохотавшись, сказал генеральный, — валяйте в свой отпуск. Вредно так долго не отдыхать. А вернетесь и... милости просим! Я думаю, вас еще помнят телезрители, помнят и любят. Ей-богу, вы будете на своем месте!

Сытов вышел от генерального, насвистывая. Он ловил на себе вопрошительные взгляды коллег и ни в коем случае не хотел выглядеть подавленным...

И сейчас Сытов гнал машину, уверяя себя, что хочет разбиться. Он нарушал, подрезал, играл в «шахматиста», мечась из ряда в ряд, и поминутно вылетал на встречную, мечтая поймать лобовой удар. Вернее, убеждал себя, что мечтает об этом. На самом деле он виртуозно уходил от встречных машин, до миллиметра точно ощущая габариты своего «мерса» и легко справляясь с его управлением. Ему сигналили, мигали, и, судя по губам, отчаянно материли.

Отпуск. Виданное ли дело, он вернется домой в десять утра, и будет шататься по комнатам, не зная, куда себя деть.

«Мне с вами скучно. Мне с вами спать хочется!»

Нужно взять путевку в какую-нибудь экзотическую страну. Он в детстве мечтал перешагнуть через экватор. Детство прошло, а мечта так и не стала казаться глупой.

Вдруг слева его обошел какой-то лихач. Боковым зрением Сытов увидел, что это красный «мустанг» годов эдак девяностых, а за рулем темнокожая женщина в красном платье. Только темнокожая тетка смогла обставить его на дороге, когда он был на пределе, когда другие водители испуганно расступались, прижимались к обочине. Сытов нагнал «мустанг», сел на хвост, но шоколадная тетка в красном не ушла вправо и не прибавила скорость. Сытов мигнул фарами — результат тот же. Она шла с выбранной ею скоростью, по выбранной ею полосе и не собиралась сдавать позиций перед каким-то «подкрученным» «мерсом». Сытов посигналил, почти прилип к ее бамперу, и в этот момент «стопы» «мустанга» внезапно мигнули. Сытов резко дал по тормозам, чтоб не врезаться. Сзади его дружно обругали разноголосыми сигналами. Вот стерва — наказала, подставилась. Надо же, все сегодня против него!

Слева была разделительная полоса. Перескочив через бордюр и взметнув облачко пыли, Сытов пошел вровень с «мустангом», пытаясь сквозь слабую тонировку получше рассмотреть мулатку.

Хороша, породиста, с норовом. На него даже не посмотрела. «Жуть, как похожа на Катьку», — вдруг подумал он. Даже не подумал, а будто ему кто-то это сказал.

«Катька была простушка, — возразил сам себе Сытов. — Простушка, глупышка, покладистая и преданная, как собачонка. А у этой — стиль, шарм, норов. Стрижечка баксов на триста, колечко на пальце неслабое, машина в тон платью. Кэт в ее возрасте была бы не такая. Как жалко, что она так нелепо погибла. Ничего так не жалко, как Кэт».

Он обошел «мустанг», дал резко по тормозам — в отместку, и оторвался. На светофоре «мустанг» нагнал его, обошел, разогнался и чуть не вписался в «гелендеваген». Вильнул испуганно влево, уходя от удара, и Сытов злорадно хмыкнул. Ему расхотелось умирать. Ему захотелось жить.

Отпуск!! Вот приедет сейчас домой, плюхнется в ванну, выкурит сигарету, потом обзвонит турагентства и выберет себе подходящий маршрут. Ликую оставит дома. Он вообще не скажет ей, что у него отпуск, сошлет на творческую командировку.

Как он гордился, когда купил квартиру в этом доме! Охраняемая территория, многозначительный шлагбаум, камеры наблюдения, свой ключ от лифта у каждого жильца и больше двухсот квадратов жилой площади делали его жизнь более значительной и позволяли причислять себя к элите.

На парковочной площадке у дома Сытов вдруг заметил красный «мустанг». Он голову мог дать на отсечение, это та самая машина, с которой он бодался на дороге, и за рулем которой сидела точная копия повзрослевшей Катки. А потом припомнил, что в последние две недели частенько видел «мустанг» у дома. Наверное, шоколадная тетка навещает какого-нибудь его соседа. «Москва — деревня, — подумал Сытов. — Весь мир — деревня. Не разминуться».

Он поставил машину в гараж и, насвистывая, направился домой.

Сытов не стал пользоваться лифтом, а быстрым шагом стал родниматься по лестнице на свой пятый этаж. На третьем он увидел, что дверь одной из квартир приоткрыта, и оттуда раздаются возбужденные женские голоса. Здесь жил пожилой господин, он был одинок, поэтому Сытов удивился такому засилью женщин в его квартире. Он постоял еще, услышал вдруг отчетливо: «Неужели вы думаете, что вас можно с кем-нибудь перепутать!» — и пошел дальше.

Замок почему-то оказался закрыт на пол-оборота. Сытов удивился, зашел в квартиру, потоптался немножко в прихожей у зеркала, рассматривая свое отражение. Оно ему не понравилось — слишком потным и красным оказалось лицо. Сейчас он переоденется в джинсы, легкую майку и попробует жить, как простой обыватель в долгожданном отпуске. В спальне слышалась какая-то суматошная возня, и Сытов опять удивился. Лика в это время посещала или бассейн, или массаж; она не принадлежала к дамочкам, которые спят до двенадцати. Она ежечасно и ежеминутно вела изнурительную борьбу с возрастом. Лика могла это делать прямо на рабочем месте, так как была хозяйкой нескольких салонов красоты.

Гардероб был в спальне, и он пошел туда, чтобы переодеться, а вовсе не потому, что ему померещились там какие-то звуки. Пинком открыл дверь и... замер на пороге.

На огромной кровати сидела жена и пыталась сделать сразу три дела: нащупать ногой шлепку на высоком каблуке, одной рукой застегнуть бюстгальтер, а другой — натянуть одеяло на чью-то патлатую голову. Поняв, что успела справиться только с одним — скрыть чужие кудри под черным шелком пододеяльника, она вдруг весело рассмеялась и, взлохматив холеной рукой рыжую стрижечку, сказала:

— Черт подери, Кит! Ты никогда не приходил так рано с работы.

Сытов почувствовал, как страшно разболелся затылок, и в голову тут же полез креатив о целебных свойствах рогов молодого оленя. Шагнул к кровати и сдернул черное одеяло. Бледный юноша уставился на него голубыми глазами. Он схватил парня за горло и начал душить. Тот засучил ногами и захрипел.

— Кит! — заорала Лика. — Кит, это вовсе не то, что ты подумал!

— Да? А что я подумал? — Сытов невольно ослабил хватку.

Парень вывернулся и побежал к двери. Но он его догнал, перехватил за плечи и швырнул на туалетный столик. Юноша спиной протаранил батарею духов, кремов, помад и впечатался в трельяж, створки которого немедленно сложились.

— Это мой массажист! — завизжала Лика.

— Отлично! — воскликнул Сытов и ударил парня в челюсть. Он вдруг почувствовал кураж и веселье. Просто отлично, что все так сложилось, просто отлично, что в его спальне нашелся такой замечательный мальчик для битья. Он ему сейчас и за отпуск, и за генерального, и за темнокожую бабу, которая с норовом и которая так похожа на Катьку, но не Катька...

— Кит! — снова заорала Лика, выхватила из огромной вазы букет роз и выплеснула на Сытова вонючую осклизлую воду. От неожиданности он юношу отпустил, и тот ринулся в коридор. Благополучно нашел входную дверь, без проблем справился с замком и выскочил на площадку. Сытов сгреб какие-то шмотки с кресла, ринулся за ним и швырнул ему вещи в спину:

— Оденься, сынок!

— Спасибо, папа! — огрызнулся юнец, на лету схватил тряпки и, прикрываясь ими, сиганул вниз по лестнице.

Сытов закрыл дверь, прошел в ванную и тщательно вымыл руки. Потом вдруг полностью разделся и залез под душ. Решение было спонтанным и удивило его самого.

— Кит, ты можешь мне не поверить, но это и правда был массажист, — заглянула в ванную Лика.

— Верю, — апатично ответил он, подставляя лицо под струи воды. Сильные струи молотили его по щекам, приводили в сознание.

— Ты так говоришь, будто тебе все равно, — вздернулась Лика. — У меня сложилось впечатление, что ты избил его не из-за меня, а... из-за себя. Что он просто попался тебе под руку. У тебя проблемы? Тебя бросила твоя девушка? Или проблемы на работе?

— М-м-м... У тебя, наверное, климакс всюю играет, и ты носишься со своим «добром», проверяя, кто еще клюнет... — усмехнулся Сытов и направил струю воды на жену.

— Просто отлично! — заорала Лика и выбежала из ванной.

А он вдруг понял, что умрет, если не даст ей по физиономии, и, выскочив из душа, помчался за ней.

— Кит, это действительно был массажист! Он массажировал, массажировал, ну, и увлекся. Я не смогла справиться с ситуацией!

— Ты — настоящая дрянь! Но все равно спасибо, что считаешь нужным оправдываться! — Он понял, что догнать Лику, которая большую часть времени проводила в тренажерных залах, ему не удастся, и, чтобы спустить

пар, грохнул об пол какую-то длинную вазу ярко-лимонного цвета с замысловатым орнаментом. Брызги желтого стекла разлетелись по полу.

— Скотина! — замерла на месте Лика. — Эту вазу мне привезли из Каира. Она стоит пару твоих зарплат. Дешевле было подставить тебе свое личико! — и, резко повернувшись, ушла на кухню.

Сытов поплелся за ней. По дороге завернул в спальню, нашел свой халат и закутался в него.

— Кофе?

— Кофе.

Она начала колдовать над туркой грациозно и многозначительно. Сегодня все было дико и непривычно. Может, именно так рухнет жизнь?.. Отпуск, призрак Кэт, мордобой, душ, каирская ваза, кофе и пританцовывающая жена после секса с другим?

— Кит, по законам жанра, ты должен сейчас спросить, почему мы не родили ребенка. — Лика поставила перед ним крошечную чашечку и налила в нее густой черный кофе.

— По законам жанра ты должна заявить, что я женился не на тебе, а на деньгах и положении твоего папы, — буркнул Сытов и глотнул отвратительно горький кофе.

— И то и другое немножко правда, — вздохнула Лика.

— Ты берегла фигуру.

— А ты хотел только денег и славы.

— Получается, мы чужие люди, и у меня нет права тебя ревновать.

— Нет, не получается. Ничто так не сближает, как маленькие личные подлости. Каждый из нас жил для себя и каждый позволял другому это делать. Я рада, что ты приревновал меня, Кит.

— А я-то как рад! Кстати, генеральный заявил, что я буду на своем месте, если стану ведущим. Я... выпросил отпуск.

— Ты не должен был соглашаться. Ты должен был хлопнуть дверью и написать заявление об уходе.

— Всегда-то ты знаешь, что я должен! — заорал Сытов, подскочил, перелил содержимое чашечки в нормальную кружку, разбавил водой из чайника и намешал туда шесть ложек сахара. Вот теперь он будет пить это с удовольствием.

— Смотри, не стань неудачником, — усмехнулась Лика, блестя темными глазами.

— Смотри, не стань неудачником, — передразнил ее Сытов. — Да я сто лет уже неудачник! Разве ты не заметила?! Меня все всегда переигрывают. Я всегда пляшу под чужую дудку! Неудачник — это не тот, кто чего-то там не достиг, а тот, кто всю жизнь делает не то, что хочет! Ты будешь смеяться, но в детстве я хорошо танцевал. Ты просто не представляешь, как я бредил

классическим танцем! Мать отдала меня в балетную школу — так просто, для общего развития! — а потом спохватилась. Ужас, кошмар, мальчик чересчур увлекся и собирается посвятить этому жизнь! Да, представляешь, я мечтал танцевать в Большом, а мой папа готовил мне теплое местечко на телевидении! Папы уже пять лет нет в живых, а я все сражаюсь в этом гадюшнике за место под солнцем! Другие папы, более могущественные и более живые, усаживают своих сынков в руководящие кресла. А мне... предлагают стать говорящей головой. Ты права, я должен был, наверное, хлопнуть дверью и написать заявление об уходе. Но я всегда делаю не то, что хочу. Я неудачник. Я и на тебе женился не то, чтобы из-за денег. Да лучше бы из-за денег! Это было бы честнее — ну, хочет человек поправить свое благосостояние выгодным браком. Просто и по-человечески понятно. Не-ет! Моя мама очень-очень захотела, чтобы я женился именно на тебе! Ты светская львица, ты вхожа туда, куда не каждый вхож, у тебя связи, знакомства, у тебя шарм, вкус, папа — крутой чиновник, и ты как раз в очередной раз развелась. Матушке показалось, что ты мне нравишься. Впрочем, ты мне и правда нравилась, но это... не то... из-за чего женятся. Я потерял тогда очень близкого человека. И не просто потерял, я... как подлец... потерял свою девушку. Практически убил ее! Знаешь, какая она была? Она была темнокожей! Темнокожей девчонкой из детдома! Сейчас этим никого не удивишь, а тогда... тогда это был шок. Темнокожая девчонка по имени Катька. Она была чистая, честная, она умела любить меня не за то, что я известная телевизионная личность. Черт, я так и не успел признаться ей, что бредил балетом. Она бы меня поняла. Она бы не стала смеяться! Господи, да плясал бы я сейчас в кордебалете и растил темнокожих детей, если бы... если бы не был таким неудачником!

— Хорошо, что ты мне все это рассказал, — тихо сказала Лика.

— Ну да, ну да, ты тонкая, чуткая, понимающая. У тебя шарм, вкус, такт и образование, — пробормотал Сытов, глядя в пол. — А моя Катька была нянечкой в детсаду. Дети ее очень любили...

— Кит, я позвоню Ирине, чтобы она пришла сегодня пораньше и убрала разгром в спальне.

— Ты знаешь, я должен поехать на то место, где ее потерял и... найти ее могилу.

— Я скажу ей, что поскользнулась, стала падать, ударилась о зеркало и разбила его...

— Ведь должны же были местные жители где-то похоронить ее. Я поеду туда и узнаю, все узнаю, что произошло потом...

— Не надо, чтобы прислуга знала о том, какие страсти творились здесь...

— Местные жители должны помнить эту историю... Не каждый день в деревне погибает темнокожая девушка...

— Еще я скажу Ирине, чтобы она отнесла в химчистку твой костюм, который я облила.

— И каирскую вазу.

— Что?!

— Пусть твоя долбаная Ирина попробует склеить каирскую вазу! — И Сытов от души расхохотался.

Лица смотрела на него испуганно, а ведь ничто и никогда не пугало ее.

Сытов вдруг подумал, что не бес это и не кризис.

Это наказание.

«Мы не баре, ой, не баре», — напевал он себе под нос, наводя порядок в спальне. Сам подмел, прибрал, застелил, даже вытер пыль, хотя не знал, как это делается. Разбитое зеркало упаковал в старое покрывало и решил вынести его на улицу, поставить около мусорного контейнера.

— Кит, я знаю отличного психоаналитика, — жалобно протянула Лица у него за спиной.

— Вот и сходи к нему, — огрызнулся Сытов. — Надеюсь, он постарше твоего массажиста.

— Кит...

Он хлопнул входной дверью и пошел на улицу. Подойдя к контейнеру, закинул зеркало на грудку мусора и уже развернулся, чтобы уйти, но взгляд зацепился за что-то необычное. Как заправский бомж, Сытов копнул мусор и вытащил на свет полиэтиленовый пакет, из которого торчали поля роскошной красной шляпы. Она была абсолютно новая и стоила явно немалых денег. Сытов надел ее на себя. В пакете оказалось еще и платье. Тоже красное, тоже новое. Настолько новое, что сзади, на горловине, болтался пластмассовый обломок шпильки для магазинной этикетки.

Что-то в этом наборчике ему не понравилось. Что-то насторожило. Шляпа? Или то, что платье было красным? Он вспомнил темнокожую тетку и красный «мустанг». Оглянулся — машина стояла там, где стояла. Не снимая шляпы, он зашел в подъезд, зачем-то прихватив с собой пакет с платьем. За его спиной вдруг раздался визг милицейской сирены. «Опять кого-нибудь грохнули в этом чертовом супердоме», — вяло подумал он и шагнул в лифт.

Сытов не купил путевку в экзотическую страну. Он первый раз в жизни сделал то, что хотел: поехал в Кусково искать могилу Кэт. Почему он решил, что эта могила должна быть, он не знал, но так и представлял ее себе — холмик, крест и надпись: «Неизвестная темнокожая девушка». Он нарвет полевых цветов и скажет: «Прости»...

Лица тактично молчала, когда он собирал сумку — карта, галеты, фляжка с коньяком, сок, средство от комаров, шорты, черная майка и... спрей для загара, ведь не зря же он его покупал.

— Кит, — сказала она, когда Сытов уже стоял на пороге, — хочешь, мы организуем благотворительный фонд помощи темнокожим детям Москвы и Московской области? Брось эту дурацкую затею, не надо никуда ездить. Я придумала, как надавить на генерального! Хочешь, мы пойдем вместе в студию бального танца? Хочешь...

— Иди к черту, — буркнул он и захлопнул за собой дверь.

...Вагончика на месте не оказалось.

«Тринадцать лет прошло, — напомнил себе Сытов. — Тринадцать лет прошло, и было бы странно, если бы временное жилище шабашников осталось на своем месте».

Жара стояла невыносимая. Вот и пролесок, где он оставил тогда машину. Вон тот кустик, из-за которого выскочила Катя и животом налетела на пулю. Вот место, где, корчась от боли, она упала и пыталась улыбнуться Сытову, чтобы не напугать его.

Он прошел немного вперед, продираясь сквозь довольно высокую, острую как бритва траву. А вот место, где он опустил Кэт на землю, потому что она умерла... Очень правильно, что он сюда приехал, нельзя было продолжать жить с чувством вины. Сытов вернулся к машине и сел за руль. Он отлично знал, что нужно делать дальше.

...Подходящая кандидатура нашлась быстро. Она бегала вокруг заброшенного колодца на окраине Кускова и озабоченно заглядывала внутрь, свешиваясь в темную преисподнюю почти по пояс.

— Эй, — крикнул Сытов, — поговорить надо!

— А мне не надо, — огрызнулся запойного вида мужик, у которого поверх старых кальсон был надет женский цветастый халат. Вид мужичка давал надежду на то, что в Кусково он проживает давно и за полтинник расскажет все, о чем судачили местные кумушки в последние двадцать лет.

Сытов нащупал в кармане джинсов бумажник и вышел из «мерса».

— Батя, ответь мне на пару вопросов и получишь сто рублей.

— К едреней фене твои вопросы и к той же фене твои рубли!

— А баксы тебя устроят?

— К едреней фене твои баксы, — гулко раздалось из колодца.

— А что ты там ищешь?

— Езжай своей дорогой, — беззлобно посоветовал мужик, выныривая из темноты и сильно щурясь. Он был точно алкаш — оплывшее лицо, мешки под глазами, отвисшие синюшные губы. Точно алкаш, но деньгами почему-то не брал.

— Может, тебе бутылку купить, батя? — спросил Сытов и тоже заглянул в колодец. В глаза ударила кромешная темень, в нос — затхлый запах ила.

— Я не пью. Разве не видно? — гордо заявил мужик и отпихнул Сытова от колодца.

— Видно. А что ты там потерял?

Мужик проигнорировал вопрос и снова свесился в колодец. Колодец был старый, заброшенный, вертящаяся ручка сломана — ничемный колодец, разве что только утопиться.

Сытов за шиворот выдернул мужика из темного жерла и рявкнул:

— Стоять! У тебя что, суицидные намерения?

Мужик, вылупив глаза, замер и вдруг заорал на него:

— А ты че, бляха-муха, психоаналитик, что ли?

— Не, бляха-муха, я не психоаналитик. Мне он самому не мешает. У меня, батя, очень личное дело. И очень мужское. Я к бабам с ним никак не могу, так как нужна полная конфиденциальность. Сохранение тайны. А ты — подходящая кандидатура. Я вижу.

— К едреней фене твою конфиденциальность, — пробормотал мужик, сел на траву и свесил голову между колен. — А почему это я подходящая кандидатура? — неожиданно заинтересовался он, и в глазах его появился искренний интерес.

— Ты не пьешь, — начал загибать пальцы Сытов. — Деньги просто так не берешь. Ты образованный. Знаешь, что такое психоаналитик, конфиденциальность и... кандидатура. Ты мне подходишь.

— Ну, задавай свои вопросы, — согласился, наконец, мужик.

— Тринадцать лет назад в этой деревне была убита девушка.

— Ха! Тут каждый божий день кто-нибудь кого-нибудь убивает. Дикий народ! Пьют.

— Не перебивай. Девушка была убита из ружья одним из шабашников, которые строили тут неподалеку свинарник. И это была не обычная девушка, она была... темнокожей.

— Ну?!

— Вот и ну. Я хотел бы знать... где ее похоронили. Где могила?

Мужик встал с земли, отряхнул заскорузлые, грубые руки и опять заглянул в колодец.

— Где могила? — крикнул Сытов в колодец, и гулкое эхо повторило его вопрос.

— Слушай, парень, — вынырнул мужик, — а ты случайно не тот тип, который девку эту сюда привез? Он ведь тоже на иномарке был. Наши бабы видели. Только твой конь черный, а тот серебристый был.

— Нет, я не тот парень. — Сытов по-настоящему испугался.

— Смотри, а то статья сто двадцать пять Уголовного кодекса Российской Федерации. Оставление человека в смертельной опасности. До одного года лишения свободы.

— Нет, я не тот парень. И почему оставление? Почему в опасности? Она умерла, я знаю. Где могила? Ведь где-то здесь ее похоронили.

— Никто твою девку не хоронил, живая она была.

— Ты что-то путаешь. Вспомни, девушка была темнокожей.

— Ничего я не путаю. Именно потому, что девушка была темнокожей. Ее Степаниха нашла, в траве. Испугалась, смерть как! Говорят, потом ее всей больницей районной выхаживали, кровь сдавали. Девка московской оказалась и звали ее Катька. Думали, помрет, только выжила она, выкарабкалась и в Москву уехала. Шабашнику тому пятнадцать лет дали, а парня, который ее привез и помирать бросил, так и не нашли.

Сытов развернулся и побежал к машине. Он мчался, уносил ноги, улепетывал, будто за ним гналась стая голодных волков. Если бы было возможно, он выпрыгнул бы из собственной шкуры и побежал впереди себя, оставив этого гнусного, ничтожного, тяжеловесного типа далеко позади. Паника хлестала его по пяткам. Паника, страх и дикий ужас. Статья сто двадцать пятая, до одного года лишения свободы. Кэт не умерла тогда. Он ошибся, сваял дурака. Совершил преступление.

— Эй, ты мне баксы обещал! — послышалось сзади.

— У едреней фени заберешь свои баксы! — на ходу выкрикнул Сытов.

Он рванул с места не сразу, как его подмывало, потому что очень не хотел, чтобы его бегство выглядело как... бегство. Сидел в салоне, тупо глядя в зеркало заднего вида, и увидел, как мужик куда-то торопливо пошел, почти побежал, наверное, за удочкой.

Больше всего Сытов сейчас жалел, что бросил курить. Он достал из кармана маленькую плоскую фляжку и отхлебнул из нее коньяку. Иначе он не справится.

Он привык, что Катька умерла, а теперь придется привыкать к тому, что она жива. Придется привыкать, что он не просто негодяй, он — преступник.

Хотя это здорово, что она осталась жива. Скорее всего, уже замужем, нарожала кучу детей. А он... он действительно сходит к психоаналитику, помирится с Ликой и, может... усыновит ребенка. Баба Шура всегда говорила, что нет такого греха, который нельзя было бы искупить.

Сытов завел мотор и поехал тихонечко через пролесок, по пыльной, плохо накатанной дороге. Вдалеке вдруг заметил знакомый, цветастый халат. Мужичок бежал в обратном направлении с длинной удочкой в руках. Сытов улыбнулся. Нужно продолжать жить. Где-то в бардачке валялся дорогой

цифровой фотоаппарат. Он достал его, подождал, когда мужик закинет удочку в старый колодец, и сфотографировал забавную картинку.

Когда-нибудь он повеселит друзей. Когда они у него будут. Ведь нужно же как-то продолжать жить!

Наверное, алкоголь ударил в голову, потому что на обратном пути Сытов решил завернуть в Волынчиково, навестить могилу бабы Шуры и ее избушку.

Могилу он отыскал с трудом: она заросла травой, крест провалился, перекопился, так как земля просела, и некому было этой проблемой заняться. Он подумал, что обязательно закажет роскошный памятник, может быть, даже построит часовенку. А пока нарвал в лесу каких-то цветочков — желтых, синих, пронзительно оранжевых (про них Катька говорила «огоньки») — и закидал ими то место, где была могила.

К избушке он подъехал по бездорожью со стороны поля, не заезжая в деревню, чтобы не вызывать излишнего любопытства местных жителей.

Замок был сбит, дверь открыта. Это не очень удивило Сытова. Прошло столько лет, а он ни разу не приезжал сюда. Наверняка в деревне есть свои бомжи. Несмотря на то, что солнце палило вовсю, в избушке было прохладно. Наверное, потому что ставни были закрыты. Сытов со стороны сеней открыл одно окно, с трудом отодрав заржавевшие крючки, и наглый дневной свет залил убогое нутро избушки. Он шагнул в комнату и, присвистнув, замер.

Возле старой продавленной кровати валялись окровавленные бинты. На покосившемся некрашеном столике были вперемешку навалены лекарства, бинты и продукты: соки, хлеб, еще какие-то пачки и пакеты. Там же стояли две оплавленные свечи и ржавый ковшик с несвежей водой на дне. В воздухе витал дух болезни, страдания, внезапного бегства и... любви на скорую руку. Грязные простыни, подушка и ветхое одеяло были так сбиты, как в одиночку их не собьешь, для этого нужна страсть и немножко безумия.

«Ну и вертеп», — усмехнулся про себя Сытов.

Листочек с рисунком, висевший над старой кроватью, исчез.

— Ну и вертеп, — повторил он, на этот раз уже вслух.

На полу лежали какие-то «корочки». Сытов поднял и раскрыл красную книжку. Это было удостоверение младшего лейтенанта милиции Белова Максима Викторовича. С фотографии на него смотрел чернявый молодой парень.

Сытов сунул удостоверение в карман. Приедет в Москву, сдаст в милицию. Пусть растяпа Белов получит свои документы назад. Нужно спешить делать добрые дела, ведь нет такого греха, который нельзя было бы искупить. Он вышел на улицу и, щурясь от яркого солнца, стал обходить покосившийся дом.

...Старая бочка с дождевой водой стояла странно криво на странно взрыхленной земле. Сытов голову мог дать на отсечение — здесь кто-то

недавно копал. Вот место, куда землю бросали, а потом перекидали обратно. Рядом валялись две сломанные лопаты. Он свалил бочку набок, откатил в сторону и начал копать ржавым обрубок лопаты.

Когда наткнулся на череп, даже не испугался и ничуть не удивился. В черепе была дырка — от пулевого, и это тоже почему-то показалось ему не удивительным. Там были и другие косточки, а еще металлический ящик — пустой, со сбитым замком. Сытов расхохотался, схватился за голову и сам себе сказал: «Идиот!»

Кто-то его обскакал. Причем недавно, судя по свежей земле. Значит, клад все-таки был. Он быстренько закопал находки, перекатил обратно старую бочку и водрузил ее памятником на «могилку».

Мысли метались как зайцы: серые вперемешку с белыми.

Нужно забыть про эту историю, слишком много несчастий она принесла. Кто-то завладел его кладом, и пусть. Не надо пытаться вернуть сокровища. Жил без них, проживет и дальше!

Неприменно нужно найти этого милицейского хмыря — Белова Максима Викторовича. Сытов найдет способ надавить на него и заполучить то, что принадлежит ему по праву.

Чьи это кости? Фу, какая грязная история! Бабка была непростая. Убийца?! Бред!

Он подошел к старому дереву. Клен это или осина?.. Баба Шура всегда говорила, что это дерево должно умереть вместе с ней.

— Здорово, дружище, — похлопал он по сухому шершавому стволу. — Засох? Засох. И правильно сделал. Жизнь — не такая уж прекрасная штука.

Очнулся он, когда было уже темно. Слабаком оказался Сытов, не вынес «открытий», сгонял в ближайший магазин, купил дешевой водки и напился, как свинья. Он не побрезговал даже свалиться на грязно-мятую постель, хранившую следы чужой похоти и чужих неприятностей. Он не заснул, а потерял сознание. И не напился, а сошел с ума. «Это разные вещи», — сказал себе Сытов и поискал в темноте на ощупь пакет с соком. Его мучила жажда и какой-то душевный трепет — может, угрызения совести? Он вскрыл пакет, выпил весь сок и понял, что не душевный это трепет, а телесный зуд — просто очень хочется в туалет. Шатаясь, вышел во двор и вдохнул по-свежевший ночной воздух. Повинуясь какой-то глупой, чрезмерной воспитанности, решил отойти подальше от дома. А когда возвращался в избушку, земля ходила ходуном под ногами. Что-то его насторожило, когда он шагнул внутрь, но пьяные мозги не успели понять — что. И только когда в низком дверном проеме метнулась странная тень, Сытов понял: дверь он оставлял открытой, а когда заходил, она была закрыта. От неожиданности он истерично заорал и отшатнулся назад. Его нагнал мощный удар в челюсть. Боли он

не почувствовал — алкоголь свое дело сделал. Идея защищаться даже не пришла ему в голову, зато он успел страстно обратиться к Богу с просьбой оставить ему его никчемную жизнь. Он отлетел в сени, ударился обо что-то спиной и стал сползать вниз. Именно в этот момент грохнул выстрел. Сытов решил — это все, конец. Наказание оказалось гораздо суровее, чем он думал. Последнее, что он увидел, — был силуэт, выскакивающий за дверь, а потом потерял сознание.

Когда оно вернулось, Сытов решил, что прошло много времени. Но в воздухе по-прежнему пахло порохом, и было так же темно. Значит, он просто на мгновение отключился.

Сытов осторожно ощупал себя — ни крови, ни боли. Кажется, он даже не ранен. Попытался подняться и без труда сделал это. Он жив, на нем ни царапины. Стало так радостно, что хоть в пляс пускайся. Кто сказал, что ему расхотелось жить?!

Машина была на месте, недалеко от дома. Он плюхнулся за руль, завел движок и помчался в Москву. Ничего, что он пьяный, его реакции до автоматизма точны. Остатков сознания ему достаточно, чтобы понять: в дом приходил тот милицейский ублюдок, чье удостоверение лежит у него в кармане. Наверное, он догадался, где потерял свои «корочки», и решил за ними вернуться. Стрелял с перепуга, а, может, сознательно, чтобы не оставить свидетелей своих поисково-копательных работ. Ну, ничего, он приедет с Москву и вплотную займется этим типом Беловым...

Домой Сытов приехал, когда было уже светло. Шесть утра — самое время прошмыгнуть незамеченным, но, шагнув через порог, он увидел, что на кухне горит свет. Потоптался в прихожей, разулся, посмотрел на себя в зеркало. Скула рассечена, фингал такой выразительный, будто не настоящий, такие рисуют опытные гримеры. Одежда грязная, и воняло от нее — жуть как воняло!

Лица курила на кухне. Все бы ничего, но она в жизни никогда не курила — слишком берегла себя. Судя по ее бледному лицу и сизой завесе дыма, делала она это давно, правда, неумело.

— Здорово, что ты без массажиста! — пошутил Сытов.

— Его теперь сюда калачом не заманишь, — бросила в ответ жена, резко поднялась, подошла к Сытову и, обняв его за плечи, тихо спросила:

— Ты что-нибудь мне расскажешь?

— Не знаю. Пока не знаю.

— Там, в спальне, я нашла какой-то пакет, а в нем шикарную красную шляпу и отличное красное платье. Абсолютно новые. Недешевые шмотки.

— На помойке нашел, представляешь? — улыбнулся он. — И зачем-то притащил домой. Зачем? Может, потому что новые? Нет, потому что красные.

— Так ты не будешь мне ничего рассказывать?
— Я — подлец.
— Ну, это не новость. Все подлецы в той или иной мере.
— Я — трус.
— Это называется осторожность.
— Я — преступник!
— Ну и ладно, — легко согласилась Лика и поцеловала его в синяк. — Я тебя отмажу.

Глава четвертая

Вроде все вокруг было, как прежде: лето, жара, пробки на дорогах, дети во дворе, бабушки на лавочках. «Мустанг» слопал бензина литров на пять больше, чем ему полагалось. Прошло всего трое суток, а будто пару лет пролетело. Все вроде было, как прежде, да не все.

Жара стояла такая, что радиатор закипел, и Катерина позорно пополнила ряды машин с задранными капотами, стоявших на обочине. Она проторчала там минут пятнадцать, пока движок остыл, и только после этого добралась до дома.

— Доброго здравычка! — крикнула Кате бабулька, сидевшая у подъезда на лавочке.. — С возвращеньцем!

Катерина кивнула и сделала вывод, что всему двору известно, откуда она вернулась.

Из подъезда вылетел Майкл. Она сунула руку в сумочку, нащупала там купюру, но парнишка с такой скоростью сиганул за угол дома, что она даже не успела вынуть деньги. Все знают, откуда она вернулась... Даже Майкл боится или брезгует брать с нее мзду. Все было вокруг, как прежде, да все не так...

Прошмыгнуть незамеченной к лифту Катерине не удалось.

— Вернулась, Катерина Ивановна! Ура, поздравляю! — радостно воскликнула Верка из своего «аквариума».

Катя со вздохом остановилась у окошечка и, хотя сил совсем не было, приветливо улыбнулась:

— Спасибо, Вера. Я знаю, что ты для меня сделала...

— Ой, да ничего такого, Катерина Ивановна! Я только следователю этому всю правду рассказала про перчатку ту странную, как она из штанов того хмыря выпала...

— Вер, что это с тобой? — Удивить Катерину после трех суток, проведенных в изоляторе, было трудно, но она удивилась. И не столько петушиной раскраске лифтерши — синие пряди в волосах, фиолетовые веки и красные губы, сколько...

— Пирсинг это, — покраснела Верка под толстым слоем румян и поочередно потрогала колечко в носу, клипсу на подбородке и какую-то висюльку, продетую в бровь. — А ведь все-таки вас отпустили! — победно потрясла она пухлым кулачком над головой.

— За недостаточностью улик, — кивнула Катя.

— Под подписку о невыезде отпустили?

— Как полагается. Пока идет следствие.

— Это же надо чего удумать! Вы — и убийца! Да мы с Зойкой тут за тебя...

— Спасибо, Вера! Ты не представляешь, как вы мне помогли! — Слезливая благодарность вдруг так одолела Катерину, что она утерла повлажневшие глаза. Господи, ну хоть бы была у нее какая-нибудь задушевная подружка, которой можно бы было выплеснуть все свои горести! Но подружки у нее не было, и почему-то Верка вдруг показалась самым близким человеком.

— Вер, ты представляешь, меня спасли люди, которые меня знали и окружали! Вы с Зойкой, Любаша-уборщица, Верещагин, мой зам... Все рассказали про эту чертову перчатку. Андрей Андреевич, директор агентства, дал мне такую характеристику!.. Только хмырь этот, Дима-охранник, или Игорь, испугался, сказал, что знать ничего не знает ни про какую перчатку.

— Вот гад!

— А еще меня спас Лазарь Соломонович, адвокат. Его Андрей Андреевич прислал.

— Ну, если Лазарь Соломонович!

— Ты его знаешь?

— Нет, но человек с таким именем должен быть очень хорошим адвокатом! — Верка потрогала висюльку в брови. — Это ж надо удумать, вы — и убийца! Да никто в нашем подъезде не поверил!

— Три человека подтвердили, что видели, как я заходила рано утром в тот дом. В том числе и охранник! Пропуск он не спросил, так как меня ни с кем не перепутаешь. Говорит, что на мне якобы была красная шляпа. Ты видела когда-нибудь, чтобы я носила шляпы?

— Вас и зимой-то шапку не заставишь надеть! Я так тому следаку и сказала! Это кто-то же под вас гуталином вымазался?! Ой, извините...

— Ничего. Сегодня ототрусь мочалкой добела!

— Это что ж, в том доме-то нет никакой консьержки, что ли, или лифтерши? Вот от моего глаза бы ничего не утаилось, я бы сразу ту гадину в шляпе раскусила!

— Консьержка в декрет ушла, представляешь? Но там есть камеры наблюдения! Они-то меня и спасли! Адвокат скрупулезно записи рассмотрел, увеличил и...

— Ну?..

— Шляпа лицо скрывала. Фигура, рост, цвет кожи похожи — да, но... шея! Кадык был на шее! Мужик это был!

— Ой!

— Вот тебе и «ой». И как это создание в шляпе выходило из дома — никто не видел! И на камерах этого нет! Идиоту понятно, что, переодевшись, он свое дело черное сделал, от шмоток избавился, грим с себя стер и свалил. — Катерина помолчала немного и вдруг спросила: — Вер, а зачем тебе... пирсинг?

— А что? Моему парню нравится!

— Найоби?

— Кать, ты только не пугайся, но тут такое ЧП приключилось... Твоя домработница избилла моего Наойба. Он теперь в больнице в гипсе лежит.

— Моя — кто?..

— Ну, дама эта, Марина, которую ты наняла, чтоб хозяйство вести!

Катерина набрала в грудь воздух, чтобы заорать, что нет у нее никакого хозяйства, и, следовательно, никакой такой дамы нет, чтобы его вести, но вместо этого лишь проговорила:

— А-а! Ну, да! Черт возьми, Найоби на нее в милицию заявил?

— Что ты! — замахала руками Верка. — Он ее простил и даже похвалил! Он, понимаешь, к тебе поднялся, в дверь позвонил, а она его за грабителя приняла. Дверь открыла и отметелила! Чума, а не баба!

— Ладно. Пока, Верка! Я в ванну, мыться добела! — Катерина шагнула к лифту.

— Кать! — вздохнув, крикнула ей вслед Верка. — Я, наверное, скоро тоже ... того... как консьержка.

— В смысле?

— В декрет! И не спрашивай, кто отец. Все равно не скажу.

— Не спрошу, — засмеялась Катя, хотя еще утром была уверена, что смеяться не сможет уже никогда в жизни.

Она ключом нашарила замочную скважину и подумала вдруг, что очень боится заходить в квартиру. С чего она взяла, что такой мерзавец, как Матушкин, послушается ее приказа и покинет квартиру?.. Или нет, вдруг он действительно ушел, а в доме хозяйничает неведомая Марина?

Она повернула ключ, но дверь изнутри удержала цепочка.

— Эй, прислуга! — крикнула Катя и, прислонившись ухом к образовавшейся щели, послушала тишину. Было слышно только, как тикают настенные часы в коридоре.

— Эй! Мат-Мат! — неожиданно для себя выдала она производную от имени и фамилии Матушкина и затрезвонила в звонок.

Женственно прикрываясь халатиком, в прихожую выскочила милостивая блондинка. Увидев в щель Катерину, она жеманно ойкнула, грациозно вкрутилась в халатик и откинула цепочку с двери.

— Ты кто?! — удивленно воскликнула Катя. У блондинки были шикарные волосы цвета спелого абрикоса, макияж «а ля Мэрилин Монро» и образцовый педикюр на ногах, который окончательно добил Катерину. — Ты кто? — повторила она.

— Дед Пихто, — буркнула блондинка голосом Матушкина и походкой матроса на палубе пошла на кухню.

— Ты... ты... — Катя, не разуваясь, помчалась за ним... за ней. — Ты... Я сказала тебе — проваливай!

— Да? — Дама с педикюром помешала что-то поварешкой в кастрюле. — Ты этого не говорила!

— Я написала записку!

— Какую записку? — блондинка задрала красиво нарисованные брови вверх.

Катерина поняла, что эту игру она проиграла и почему-то почувствовала облегчение. Она не одна в большой квартире на поднебесье, и это главное.

— Где ты научился так краситься?!

— В плохих компаниях, разумеется. Хочешь супчику с фрикадельками?

— Черт, но почему... И вообще, где ты взял эти волосы? Откуда бюст и синий халат?!

— Все лежало в твоём шкафу. Ты же сама написала: «в шкафу найдешь какую-нибудь одежду». Там была только женская одежда, бэби! Халатик совершенно новый. Тебе его подарили, наверное, а ты засунула подарок подалее, потому что синий цвет тебе не идет. Парик лежал в самом дальнем углу, грязный и неухоженный. Я отстирал его, причесал. Вспомни, наверняка ты купила его в приступе острого любопытства увидеть себя блондинкой!

— Все-таки ты прочитал записку!

— Какую записку? — засмеялся он. — Грудь я тоже нашел в шкафу. Видимо, ты одно время маялась иллюзией, что твои прелести слишком малы, накупила лифчиков с поролоном, а они отлично держат формы, даже если их нет!

Катерина молча развернулась, зашла в ванную, быстро разделась и залезла под душ — просто не было сил ждать, пока ванна наполнится. Дверь ванной неожиданно открылась, и на пороге возник Матвей.

— Выйди!

— Фиг! Где еще такое увидишь?!

— Тогда заткнись и постирай мое платье.

— Хорошо, госпожа! — Он подобрал платье с пола, сунул в стиральную машину и безошибочно нажал нужные кнопки. Машина тихонько заурчала.

— Освоился, — усмехнулась Катерина.

— Еще бы. Приятно пожить в комфорте.

— Почему ты не спрашиваешь, где я была?

— В тюрьме. Это знают даже дворовые кошки, — усмехнулся Матушкин, а потом задумчиво добавил: — Здесь был обыск! Как я понял, искали какую-то шляпу. Как я понял, твоего Роберта «замочили». Как я понял, подозревают тебя! Что я тебе говорил — очень темная это история.

— Черт! — Катерина отшвырнула мочалку, села на край ванны и разрыдалась.

Матушкин мочалку подобрал и начал тереть ей спину. Чем громче она рыдала, тем сильнее он тер. Чтобы он не содрал с нее кожу, Катерина затихла. И зачем-то залпом выложила ему все: про то, как обнаружила мертвого Роберта, как ее видели в шляпе, про завещание, про диктофон, про очки без диоптрий, про Лазаря Соломоновича, про камеры наблюдения, про кадык и про омерзительных клопов.

— Хочешь супчику с фрикадельками? — спросил Матушкин.

— Давай свои фрикадельки! — Вдохнув, Катерина вытерлась полотенцем, накинула на себя халат и пошлепала на кухню. Поедая вкусные мясные шарики, она подумала: пусть бандит, зато умеет готовить.

— Давай поговорим о делах, — нарушил, наконец, он молчание. — Ты должна спросить, почему при обыске не нашли клад.

— Мне интереснее, зачем ты избил Найоби.

— Черномазого, что ли?! Так он попросил «Кателила Илаловна», а когда я сказал, что ты в каталажке, он... полез мне под юбку! Я с ним не стал церемониться. Кажется, у него перелом ключицы. Козел он! Я вот все думаю, а почему клад не нашли?

— Клад не нашли, потому что...

— Потому что искали шляпу! Я бросил «цацки» тебе на комод, и они никого не заинтересовали. Наверное, решили, что это твоя бижутерия! А правда, не ты грохнула Роберта?

— Ты тоже считаешь, что я «специализировалась» на старичках?!

— Я считаю, что ты здорово вляпалась!

— А знаешь, когда меня арестовали по подозрению в убийстве, то изъяли сумку и сделали опись всего, что там находилось. Там было ожерелье, которое ты на меня нацепил! Малахольный Март Маркович за него зацепился и очень просил не врать, что это дешевая бижутерия.

— И что ты ему сказала?

— Что Роберт Иванович подарил, разумеется!

— Умница. Где оно?

— В сумке. Мне все вернули. А сережки я даже в изоляторе не снимала.

— Теперь ты богачка! Говоришь, старикан все тебе отписал?..

— Слышать не хочу об этом! Ты что, не понимаешь, что кто-то хочет меня уничтожить? Посадить за решетку?! — воскликнула Катерина и, помрачнев, буркнула: — И вообще, хреновая из тебя горничная!

— Хреновая, — согласился Матвей, сграбастал ее в охапку и потащил в спальню.

Она не проснулась, а очнулась. Открыла глаза, а над ней — облака и птицы. Как здорово, что она распорядилась разрисовать потолок! Сразу ясно, что ты не в тюремной камере и не в больнице. А остальное — ерунда, с остальным она справится.

— Эй, Мат-Мат! — крикнула Катерина, но ответа не дождалась. Судя по стрелкам часов, она проспала не больше двадцати минут — можно сказать, поддалась чистоте и уюту своей постели, усталости и... тому, что Матвей надумал ее баюкать.

Ей было смешно сначала, когда он ее раздел, уложил, объяснил, что он не горничная Марина, а нормальный Мат-Мат, и в этом есть существенная разница. Потом пропел «баю-бай», даже покачал, как ребенка, и Катерина мгновенно вырубилась, утратив контроль над ситуацией.

Она вдруг подумала, что он мог уйти. Совсем уйти. Ведь тыкала же она ему постоянно этой запиской, где с настырностью истерички три раза написала «Проваливай!»

— Мат-Мат! — заорала она, вскочила и понеслась по квартире.

В кухне его не было, в гостиной тоже, а вот в ванной горел свет. Она на цыпочках подкралась к двери и прислушалась.

— Слышь, Федорыч, — тихим голосом говорил Матвей, — ты на меня не дави. Я за это дело взялся, я его и закончу. Нужно будет, отвечу. Но это дело мое! Нормально у меня со здоровьем. И с головой нормально. Я их зацепил, я их и возьму. Это мое дело, и я доведу его до конца! — выкрикнул он так, что Катерина отпрыгнула от двери.

Она потихоньку вернулась в спальню, легла и попыталась себя убедить, что ничего не слышала. Размышлять, что за делишки пытается провернуть Мат-Мат, пользуясь ее квартирой и телефоном, у нее не было сил. Она посчитала птичек на потолке, хотя точно знала, что их там десять, посчитала и облака, хотя была абсолютно уверена, что их ровно пять штук...

— Подъем, бэби! — закричал из коридора Мат-Мат. — Ты просила разбудить тебя в пятнадцать ноль-ноль! У тебя, кажется, церемония коронации!

— У меня церемония кремации, — равнодушно поправила его Катерина. — И я не могу на нее не пойти. Я должна проститься с Робертом.

— Я понимаю, — кивнул Матвей, и вся его шутовская веселость куда-то пропала. — Я понимаю, — повторил он тише. — Только подумай о том, что

твоего Роберта кто-то убил. Убил так, чтобы подставить тебя. Но тебя отпустили! Как ты думаешь, тебе ничего не грозит?!

Катя пожалала плечами, открыла шкаф и стала выбирать платье.

— Я думаю, нет, — пробормотала она. — Кому я нужна?.. Представляешь, у меня нет черного платья. А что ты имеешь в виду?

— Только то, что ты открыто таскаешь на себе «цацки». Сними кольцо и сережки, вытащи ожерелье из сумки.

— Нет!

— Сними. Не дразни гусей, бэби. Еще непонятно, какое отношение они имеют к убийству, ведь...

— Никакого! И не держи меня за идиотку! Я прекрасно понимаю все возможные причинно-следственные связи в этом гнусном деле и не собираюсь быть бессловесной, покорной жертвой. Я собираюсь решить эту задачку сама! От ментов ничего не дождешься. А уж тем более от этого... Марта Марковича. Я вычислю гада, который решил подставить меня. В том числе и для этого иду на церемонию. И для этого не снимаю «цацки». Вполне возможно, что убийца придет на кремацию, вполне возможно, он как-то выдаст себя, я что-то услышу или замечу! И найду убийцу Роберта! Я хочу спровоцировать его на действия! И я надену красное платье! — Она помолчала немного и тихо спросила: — Ты не уйдешь?

— В твоем голосе я слышу надежду, — усмехнулся Матвей.

— Что угодно слышь, но ты не уйдешь?

— Я бы ушел. Но кто же будет вести хозяйство?..

В траурном зале было много народу. По одинаково грустным лицам, обилию дорогих букетов и атмосфере всеобщей скорби Катерина поняла, что Роберт Иванович был человек действительно хороший, и смерть его вызвала у очень многих людей чувство невосполнимой утраты. Дамы и господа были очень состоятельны — темные наряды, лица без косметики, отсутствие вычурных украшений не могли скрыть этого. Катерина и представить не смогла, что среди этих благородных, породистых лиц может быть и лицо убийцы. В своем красном платье она чувствовала себя куртизанкой среди монашенок, но, как ни странно, не поймала на себе ни одного осуждающего взгляда. Прижимаясь к стене, протиснулась поближе к гробу, увидела, что он закрыт, и вдруг громко, навзрыд разрыдалась. Это было так неожиданно для нее самой, что она подумала: все, пропала, сейчас все эти благородные тети и дяди осудят ее показное горе, начнут насмешливо переглядываться, брезгливо и презрительно смотреть на нее. Но ничего подобного не произошло, наоборот, кто-то подхватил ее сочувственно под локоток и сказал на ухо: «Тихо, тихо!» Гроб вдруг поехал на полозьях в страшную топку, Катя качнулась и, вцепившись в чью-то подхватившую ее руку, прошептала:

— Господи! Ну, неужели нельзя было похоронить его по-человечески?! Зачем эта печка?

— Папа всегда говорил, что хотел бы быть кремированным. Я увезу его с собой в Америку, — негромко сказал ей голос на ухо.

— Папа?! — вскинула Катерина глаза. — Папа?! — Ее словно ушатом холодной воды окатило. Перед ней стоял Роберт, помолодевший на двадцать лет. На нем были безумно широкие шорты кирпичного цвета, белая майка с изображением Эйфелевой башни и бейсболка козырьком назад, которую он почему-то не снял, находясь на этом скорбном мероприятии. У него были пронзительные, насмешливые серые глаза, легкий акцент — не акцент даже, а погрешности в ударениях, — и не очень скорбящий вид.

— Меня зовут Мартин, — сказал он и потянул ее к выходу. — Я — сын Роберта Ивановича. Он мне писал про вас, и я вас сразу узнал! Вас невозможно не узнать! Ведь вы же Катя?

— Да, я — Катя. Неужели он вам про меня написал?

— Писал, незадолго до смерти. Вы на машине? Подождите меня, я хотел бы с вами поговорить.

Она прождала его почти два часа. Он появился, неся в руках какую-то вазу, похожую на амфору.

— Папины друзья и коллеги решили собраться на поминки в одном из его кафе, — сказал Мартин, передав ей странную вазу и усаживаясь на пассажирское сиденье, — а я сослался на то, что у меня скоро самолет. Давайте заедем в другое кафе, где нас никто не знает, и посидим там часок.

— Давайте, — кивнула Катерина, рассматривая белых ангелочков, барельефом изображенных на керамическом горшочке. — Что это? — спросила она Мартина.

— Все, что осталось от папы, — с грустной улыбкой ответил он. — Это урна, которую я увезу с собой.

— Нет! — заорала Катя и попыталась выскочить из машины, бросив руль.

— Ну что же вы! — Мартин удержал ее за руку и укоризненно покачал головой. Он поставил вазу сначала себе на колени, потом подумал и убрал ее в ноги. — Не бойтесь! Это всего лишь прах. Я кучу денег отвалил за то, чтобы мне выдали его именно сегодня, а не через сутки, как полагается. В России странное отношение к смерти. Почему-то все страшно пугаются всей этой атрибутики.

— А вы в Америке ее страшно любите? — стуча зубами от внезапного озноба, спросила Катя.

— Нет, ну зачем же так буквально! Просто смерть — это часть жизни, и там у нас принято относиться к этому весьма спокойно. Мы не гнушаемся подумать заранее, где и как будем похоронены, прикупить себе место на кладбище.

Мы не считаем лишним написать завещание и отдать распоряжения родственникам, даже будучи в молодом возрасте. Это нормально!

— Нет, это ненормально. — Катерина повернула голову и посмотрела на его четкий, благородный профиль. Наверное, Роберт был таким же подтянутым и жизнерадостным в его возрасте. — Это цинично и очень самонадеянно — быть со смертью накоротке. Жизнь — это жизнь, а смерть — это смерть. Одно не может быть частью другого. И вообще, врете вы все! Вы тоже боитесь всего, что связано со смертью. Просто у вас стало модно бравировать тем, что уже прикупили себе место на кладбище и подумали о завещании. В Москве сейчас модно держать шиншиллу вместо кошек, а у вас — покупать место на погосте!

— Черт возьми, а может, вы и правы! — засмеялся Мартин, взял на колени урну и нежно погладил ее. — Может, вы правы, но это так удобно и ... круто — легко относиться к смерти.

— Неужели вам совсем не жалко отца?..

— Приехали. — Мартин снова умудрился поставить ударение между гласными.

— Неужели вам совсем не жалко отца? — повторила Катерина вопрос, когда они устроились за столиком в уютном, полутемном подвальчике, где не осталось даже воспоминания о душной жаре и ярком солнечном свете. На стенах из темного кирпича горели бра, имитируя живой огонь, и висели медвежьи шкуры с оскалившимися мордами. Деревянные столы, вместо стульев — лавки. Льняные скатерти, и в подсвечниках свечи с трепещущим пламенем, грозящим вот-вот погаснуть от случайного сквозняка.

Мартин оставил без ответа ее вопрос и сказал:

— Я закажу ланч на троих. Это будут такие поминки, о которых папа мог только мечтать!

Катерина не стала больше дискутировать на тему жизни и смерти, она села подальше от урны с ангелочками и приступила к делу:

— Вы хотели о чем-то поговорить со мной.

— Я хотел расставить все точки над «i». Я знаю, что вас задерживали по подозрению в убийстве моего отца. Так вот, я хочу, чтобы вы знали: я думаю, это абсолютная чушь. Абсолютная!

— Спасибо, что вы так думаете, — пожала плечами Катя, — но если это абсолютная чушь, то нет смысла об этом и говорить.

— Нет смысла, — растерянно пробормотал Мартин, — нет смысла...

У Катерины возникло ощущение, что он разочарован ее реакцией.

— Мартин, клянусь вам, что для меня эта история не менее загадочная, чем для всех остальных! Я понятия не имею, кто и за что убил вашего отца, откуда этот человек знал меня и почему решил инсценировать убийство

как моих рук дело. Убийца нацепил красное платье! Это чудовищная история, и я намерена в ней разобраться.

— Правда?! — искренне обрадовался парень.

— В этом деле очень много неприятных для меня моментов. Осталось впечатление, что сам Роберт хотел меня подставить.

— Папа?!! Вы с ума сошли!

— Роберт незадолго до смерти написал завещание, в котором все свое имущество и даже бизнес отписал мне!

— Знаю. Он сообщил мне об этом. Я уважаю волю отца и не имею никаких претензий. Я достаточно богатый человек, мне ничего не нужно. А других наследников у отца нет. Мы с папой активно переписывались по электронной почте, и он писал, что вы чудесный человек с изломанной судьбой. Он хотел остаток жизни провести с вами, и все, что нажил, оставить вам.

— У него был рак?

— Да, он оперировался, прошел курс химиотерапии, болезнь вроде бы отступила, но последнее обследование показало, что метастазы...

— Он ничего не говорил мне об этом!

— Он не хотел вас пугать и расстраивать. Вы могли ему отказать, а он этого бы не пережил. Он решил, что искупит свою маленькую ложь, переписав на вас все имущество.

— Из-за этого я чуть не угодила в тюрьму!

Мартин развел руками, и этот жест можно было истолковать как «ну, он же хотел как лучше!» Принесли вино, закуски, и Мартин, подняв бокал, залпом выпил его до дна.

— Диктофон! — вдруг воскликнула Катерина. Они в подвальчике были одни, но ей показалось, что даже медвежьи шкуры напряглись от любопытства. — Он записывал на диктофон наши беседы! Это чуть не погубило меня!

— Бред! Этого быть не может! Отец никогда бы не стал этого делать!

— Он это сделал. Меня приперли этой записью к стенке. Я в шутку сказала, что квартира Роберта мне подходит. Только запись не передает, что это была шутка!

— У меня впечатление, Катя, что вы обижены на весь белый свет! И мне очень жаль, что у вас осталось чувство обиды на папу. — Мартин руками разломил жареную куропатку, вгрызся отменными зубами в золотистое мясо и начал увлеченно жевать.

— Знаете, Мартин, Роберт был такой хороший человек, что я боялась в это поверить. Наверное, я и сейчас боюсь. Я была его недостойна. Глядя на вас, я начинаю верить, что человек с деньгами может быть честен и благороден... В общем, простите меня! Я искренне собиралась прожить с Робертом все отведенное нам время. Я хотела любить его, ухаживать за ним, быть ему верной. Эти чертовы обстоятельства ожесточили меня,

и я наговорила глупостей. Я верю, что все, что он делал, было для моего блага, и спасибо вам, что вы верите мне.

— Она извинилась, папа! — сказал Мартин урне, чокнулся с ней и выпил полный бокал вина.

— Я найду человека, который убил его! — горячо воскликнула Катя.

— Бросьте вы это! — от души рассмеялся Мартин. — Что за любовь у русских играть в сыщиков?! Пусть этим занимаются профессионалы. Папе уже ничем не помочь. Если честно, то я даже рад, что он погиб от выстрела в лоб, а не мучился, заживо пожираемый страшной болезнью. Не делайте такое страшное лицо! Я думаю, он сказал бы то же самое. Бросьте вы это. Живите, наслаждайтесь своей молодостью, красотой и богатством! У папы хорошо отлаженный бизнес, талантливые и честные управляющие, вам не придется ничего делать, только получать свою прибыль.

— Мне ничего не нужно! — пискнула Катя, и ей показалось, что медведья морда ехидно ухмыльнулась и подмигнула стеклянным глазом.

— Да ладно вам, — отмахнулся Мартин. — Я хорошо обеспеченный человек. Все ваше, уважьте папашу! И знаете что, вместо того чтобы кричать, что вы найдете убийцу, подумайте лучше о своей безопасности. Ведь раз вас выпустили из тюрьмы, у убийцы будет большой соблазн продырявить вам голову!

Катерина поняла вдруг, что напрасно теряет драгоценное время.

— Скажите, вам знакомо это кольцо?! — Она протянула руку, и бриллиант сверкнул, поймав отражение всех источников света в этом подвале.

— Конечно, — кивнул Мартин, не прерывая трапезы. — Это кольцо фамильное. Оно принадлежало моей прабабушке, бабушке, потом моей маме, а когда мама погибла, отец хотел передать его моей жене, но...

— Но?!

— Встретил вас. С этим кольцом связана целая история! Мои предки по линии отца принадлежали к очень богатому дворянскому роду. Прабабушка, Альбина Ильинична, коллекционировала антикварные ювелирные изделия. Часть коллекции она получила по наследству от своей бабки, но основную часть украшений приобретала сама в течение почти всей жизни, пока не грянула революция. До сих пор непонятно, почему мои предки не удрали за границу, когда в России грянул красный террор. У них были для этого все возможности! Не знаю... Только старинные изделия русских ювелиров до сих пор очень ценятся на русских торгах Кристи и Сотби. Они ведь отличаются очень высоким качеством и отменной ручной работой. Посмотрите внимательно — у вашего кольца особый цвет старого золота, с патиной. Дореволюционные украшения изготавливались из золота, имеющего иную пробу, чем современный металл. И, кстати, ваш русский рынок антикварных ювелирных украшений достаточно беден по сравнению с зарубежным.

Очень многие украшения переплавлялись под влиянием моды, многие в годы войны обменивались на хлеб. Поэтому, сами понимаете, ваше кольцо... Кстати, оно уникально еще и тем, что выполнено не в традициях той, дореволюционной моды. Ящерица — это был китч! Модерн! Тогда были популярны цветочные веточки и прочая растительная тематика. К сожалению, я не знаю, чьей фирмы эта работа. В России их было тогда немного, но среди них была знаменитая фирма Фаберже, а также не менее знаменитые фирмы Болина и братьев Грачевых, Морозова и Павла Овчинникова, Сазикова и Ивана Хлебникова. Они все обладали почетным статусом поставщиков двора Его Императорского Величества. А, может, это была работа какой-нибудь маленькой мастерской или просто отдельного талантливого автора. В России их было немало. Моя прабабка собрала потрясающую коллекцию! Говорят, колечко было не одиноко, существовали еще и серьги-ящерицы с такими же огромными бриллиантами! Да чего там только не было! Сапфировые броши, кольца с рубинами и бирюзой в обрамлении бриллиантов, потрясающие браслеты с цепочками, на которых болтались миниатюрные пасхальные яйца — чисто русский прикамбас, фантастические серьги «малинка», собранные из одинаковых по размеру камней. Вот ваши гроздьи очень похожи дизайном... но это же современная подделка! Да, еще там была диадема, которую венчал крест с бриллиантами и турмалином. Сейчас бы все это стоило баснословных денег!! Но... когда коллекция достигла внушительных размеров, грянула революция! Все ценности нужно было сдать государству, иначе можно было загреметь в тюрьму. Конечно, Альбина Ильинична не помчалась сломя голову сдавать драгоценности Стране Советов. Она решила их надежно припрятать. Но не успела. Ее обокрали! Банально обворовали! Восемнадцатый год, разгул преступности, царские тюрьмы распустили, и на свободе оказалась масса опасных и опытных преступников! Бабкину квартиру в центре Москвы вскрыли, сейф тоже, и уволокли с собой тяжелый кованый сундучок. От отчаяния бабка заявила в новоиспеченные правоохранительные органы о краже ценностей, которые она якобы собиралась сдать государству. Она даже подробный список и рисунки украшений предоставила, думала, раз себе не сберегла, так пусть хоть бандитам не достанется. А органы возьми, да и выйди на след грабителя — знаменитого медвежатника по фамилии Бурабон. Его еще при царском режиме посадили, а при советской власти отпустили. В общем, выйти-то на его след вышли, а найти не смогли. Он как сквозь землю провалился... А с ним и бабкины драгоценности. Только ящерица сохранилась, потому что на руке у бабки была, она ее как обручальное кольцо носила и каким-то чудом пронесла через все революционные бури и прочие невзгоды.

— Как сквозь землю провалился... — повторила Катерина ключевую фразу. Вот сейчас она должна сказать Мартину, что сундучок с уникаль-

ной коллекцией его бабки нашелся. И что именно под землей. И что серьги в ее ушах совсем не современная подделка... и что...

— Не снимайте эту ящерицу никогда! — с жаром воскликнул Мартин.

— Почему?! — Катерина взяла бокал с вином и чуть-чуть пригубила.

— Вы чудесная женщина! Отец не преувеличивал в своих письмах. Не снимайте это кольцо, потому что несчастья начинают происходить с его обладательницей в тот момент, когда она хоть на минуту снимет его. Моя прабабка внезапно умерла от инсульта, когда сняла ящерицу, чтобы почистить ее специальным раствором. Бабка непостижимым образом вывалилась из окна, когда сняла колечко, чтобы намазать руки кремом, а мама... мама три года назад нелепо погибла под колесами автомобиля. Отец внезапно заболел ангиной, лежал с высокой температурой, приехала «скорая», выписала лекарства, и мама вызвалась поздно вечером сбежать в круглосуточную аптеку. Отец не отпускал ее, говорил, что не помрет без таблеток, но она засмеялась, сняла кольцо, сказала, что теперь для грабителей неинтересна, и ушла. Пьяный водитель грузовика сбил ее насмерть. Папа винил себя в ее гибели. А я заметил одну закономерность: стоит только хозяйке на минуту расстаться с ящерицей, как она тут же начинает мстить. Для меня отношения моих родителей всегда останутся примером! Они очень любили друг друга, берегли и почти никогда не ссорились. Кажется, такие простые, банальные слова, но про многих ли это можно сказать?! А ведь, знаете, у них довольно долго не было детей. Настолько долго, что они решились усыновить ребенка — пятилетнего мальчика. А через четыре года родился я.

— Вы не единственный сын Роберта?!!

— Увы, единственный. Артем вырос отъявленным негодяем. Дурная наследственность! В одиннадцать он начал воровать, в шестнадцать попался на разбойном ограблении. Отец с трудом добился для него минимального, условного наказания — деньги и знакомства сделали свое дело. Но в восемнадцать Артем убил человека. С друзьями залез в чужую квартиру, а квартира была на сигнализации. Охрана успела приехать раньше, чем они скрылись. Милиция обычно не опасается квартирных воров, как правило, воры никогда не применяют оружие. Но наш Темка выстрелил в капитана милиции. И, несмотря на то, что на том был бронезилет, убил его — слишком с близкого расстояния стрелял. Удрать ему, конечно, не удалось, его взяли и впаяли на полную катушку — восемнадцать лет строгого режима! Отец не стал больше помогать ему, а мама сказала, что сына у нее больше нет. Они очень переживали и, в конце концов, все же стали слать ему посылки на зону. Но вскоре пришло письмо, что Артем Пригожин погиб, его зарезал сокамерник. По моему, родители испытали облегчение. Так что сын я все же единственный!

— Грустная история. Мартин, кажется, драгоценности вашей семьи... они...

— Что? Что вы сказали?

— Мои серьги совсем не подделка!..

— Папа! — вдруг заорал Мартин не своим голосом. — Где папа?!!

Катерина посмотрела на стол. Подсвечники, льняные салфетки... Урны не было!

— Бегите скорее на кухню! — крикнула она Мартину. — Скорее! Кажется, урну приняли за грязную посуду! Бегите, пока ее не помыли!!

Сшибая столы и лавки, Мартин помчался в подсобные помещения.

А Катя подумала, что никогда при жизни не закажет себе место на кладбище.

Лучше она заведет шиншиллу!

Сумерки сгустились над городом. Оказывается, в кафе они просидели долго. Наступило время, когда фонари еще не зажглись, но солнце уже скрылось за крышами, и очертания людей, машин и домов стали размытыми. Катерина с наслаждением вдохнула посвежевший вечерний воздух, села в машину и закурила. Она собиралась довезти Мартина до квартиры Роберта, откуда он в полночь должен был выехать в аэропорт, а потом поехать домой.

Что она будет делать со свалившимся наследством?

Куда девать клад? Отдать Мартину?

Наверное, Мат-Мату это не понравится, и он будет отчасти прав: это его заслуга в том, что ценности найдены...

Господи, как легко, как просто она раньше жила! Если бы только она не взяла этот чертов отпуск! Нет, если бы не эта гадкая перчатка!

Дверь открылась, из кафе вышел Мартин. Бейсболка, кирпичные шорты, Эйфелева башня на груди, керамическая урна в руках — типичный благополучный американский парень. Он чуть-чуть улыбался, видимо был очень доволен, что урна нашлась.

Катерина отбросила сигарету и завела движок. Он заработал тихо и ровно, словно давая понять, что три года назад она не ошиблась в выборе машины.

И тут случилась странная вещь.

Урна в руках у Мартина вдруг расколосась. Она брызнула фейерверком мелких осколков, из нее вывалилась и попрыгала по асфальту какая-то капсула. Мартин упал на четвереньки и попытался поймать эту капсулу.

— Мартин! — Катя выскочила из машины и бросилась к нему.

— Ложись! — крикнул он, и сам распластался на асфальте.

Его команды послушалась парочка пешеходов, проходившая мимо. Они резво улеглись на асфальт и зачем-то закрыли руками головы. Катерина тоже упала на землю и тоже прикрыла руками голову — раз все кругом делают это, значит, так надо. Почти одновременно с этим дерево, которое

находилось рядом с ней, обдало ее градом мелких, колючих щепок. Катерина решила, что это какое-то стихийное бедствие, и поползла под близко растущий кустарник.

— Мой самолет в полночь, — прошептал Мартин. — Если меня убьют, я опоздаю!

— Блин, а у меня экзамен завтра по уголовному праву РФ, я уже взятку дал! Грохнут — пропадут деньги! — плаксиво пожаловался юношеский голос.

— Долбаная страна! Террор, беспредел и самоуправство! С глушителем палили, — возмущался чей-то мужской голос. — Эй, гляньте все!

И тут, перекрывая обычный уличный шум, действительно раздался выстрел.

Катерина оторвала голову от земли и посмотрела туда, куда смотрели все лежащие. Какой-то патлатый тип бежал со всех ног, ловко лавируя между движущимися машинами. Сумерки и быстрота, с которой он двигался, не позволяли рассмотреть его, но было заметно, что он бородат, длинноволос, и, несмотря на вечер, в темных очках. Зато вторую личность, мчавшуюся за ним по пятам, было видно отлично. Яркая блондинка с отличной фигурой — длинноногая, в светлой узкой юбке, с тонкой талией и такой резвостью в движениях, что, если бы не машины, которые то и дело, громко сигналивая, преграждали ей путь, она без труда догнала бы патлатого. У блондинки в руках был пистолет, и она лихо пальнула в воздух. Патлатый тип обернулся и выстрелил в ее сторону. Блондинка пригнулась, демонстрируя навыки тренированного бойца, и пуля чиркнула по капоту какой-то машины, которая резко остановилась, клюнув носом, тут же в нее сзади с визгом тормозов вписалась другая машина, а блондинка, упав на одно колено, открыла огонь на поражение, стреляя с двух рук.

«Не играйте в войну, гробов и так не хватает», — вспомнила вдруг Катерина.

— Семейная драма, — сказал кто-то у нее за спиной.

Бородатый тип, живой и невредимый, нырнул в подземный переход. Блондинка не стала продолжать преследование, она запрыгнула в старенький «москвич», стоявший на обочине, и машина, нарушая все правила и проигнорировав сигналы светофоров, скрылась из вида.

— Мат-Мат! — прошептала Катерина, встала на четвереньки и огляделась. Люди вокруг поднимались с земли, отряхивались, и никому в голову даже не пришло позвонить в милицию, жив — и ладно, нужно побыстрее уносить ноги.

— Вам знакомы эти люди? — стоя на четвереньках рядом с Катей, спросил Мартин.

— Почему вы так решили?

— Вы так смотрели...

— Вам показалось.

— Папа! — Мартин вдруг уселся на землю и схватился руками за голову. — Если бы не папа, меня бы убили!

— Вы ранены? — Катерина заметила кровь у него на предплечье.

— Да ерунда, царапина. Тот бородатый тип выскочил из-за дерева и пальнул прямо в меня. Если бы не урна... Папа! Его застрелили второй раз, понимаете?!.. — Он вдруг пополз в кусты, повозился там и вылез с коричневой капсулой в руке. Катерина сидела на земле, прислонившись спиной к дереву. Внутри назревала истерика, она узнала в блондинке Матушкина и теперь не могла понять, как он здесь оказался. Может, преследовал своего Федорыча? Тогда при чем здесь Мартин и урна?..

— Она прострелена! — Мартин потряс перед Катериной капсулой, на которой действительно красовалась аккуратная дырка. — Как минимум половины папы тут нет! — Кажется, то обстоятельство, что часть праха рассыпалось через пулевое отверстие, огорчило его больше, чем сама смерть отца.

— Не отчаивайтесь! — Катя взяла его за руку. — На то он и прах, чтобы быть развеянным. Я думаю, Роберт был бы доволен, что ... таким образом спас вам жизнь. Не хотите обратиться в милицию?

— В милицию?! Вы с ума сошли! Только кретин станет обращаться в этой стране в милицию. Что я им покажу? Это? — Мартин потряс простреленной капсулой. — Или это? — поднял он окровавленный локоть. — Нет, у меня самолет в полночь, и это самое радикальное средство от всех неприятностей!

— А ведь знаете, та красивая девушка меня спасла, — сказал Мартин в машине. — Когда бородатый в меня пальнул, она вскочила со скамейки, подбежала к нему и сильно толкнула в спину. Поэтому второй выстрел бородача пошел вверх, по деревьям, и никто из прохожих не пострадал.

Катерина промолчала. Она сосредоточенно вела машину и очень боялась, что приключения этого вечера еще не закончились. Мартин держал простреленную капсулу вертикально на коленях и время от времени поглаживал ее.

— Хорошая девушка, — мечтательно произнес он. — Я бы на такой женился.

— Я думала, вы женаты.

— Женат, конечно. Но разве это мешает мечтать?

Катерина согласно кивнула. Она все решала для себя важный вопрос: сказать Мартину про найденный клад или нет? Сказать — проблем не оберешься, не сказать — совесть замучает...

— Вы думаете, это случайность? — спросил Мартин. — То, что в меня стреляли?

— Думаю, нет. Я думаю, вам как можно быстрее нужно попасть в ваш самолет. И еще думаю, что в вас стрелял тот, кто убил Роберта.

— Его же женщина убила!

— Нет, переодетый мужик. Вы не в курсе? На видеозаписи это хорошо видно. Благодаря этому меня и отпустили.

— Выходит, мы видели убийцу?

Катерина пожала плечами и прибавила газу.

— Знаете, Катя, в любом случае, вам следует быть осторожной.

— Возможно, — ответила она. Говорить или не говорить ему про клад? Если говорить, то нужно рассказать и про скелет, и про дырку в черепе, и про бабу Шуру, и про шрам на ее животе...

«Нет!»

Оказалось, что она крикнула это вслух.

— Да, — неправильно понял ее Мартин. — Если какой-то тип по непонятной причине сначала убил моего отца, потом покушался на меня, то следующей можете быть вы.

— Потому что я наследница?

— Да черт его знает, почему! Вы думаете, я понимаю, что происходит? В бизнесе у папы не было проблем, не было злых конкурентов, не было врагов! Скорее всего, это какие-то личные разборки, но... почему? Не понимаю. У отца от меня не было тайн. О неприятностях я бы узнал первым! — Он стукнул кулаком по панели.

«Еще немного, и мы приедем, — подумала Катя. — Говорить ему или не говорить?»

Наконец она остановилась у знакомого шлагбаума, и Мартин вышел из машины.

— До свидания, Катя. Хотя, наверное, прощайте. Вряд ли будете в наших краях.

— Стойте! — крикнула Катерина. Она быстро достала из сумки ожерелье и вытащила из ушей серьги. — Возьмите, — протянула она их Мартину. — Это мой подарок вашей жене!

— Спасибо, — кивнул он. — Это очень дорогие вещи, я вижу. Спасибо, моей жене будет приятно.

— Прощайте! — Катерина нажала на газ, и густые сумерки почти скрыли силуэт Мартина, когда он крикнул ей в след:

— Никогда не снимайте кольцо!

Она припарковала машину у своего дома и зашла в подъезд. Сначала «аквариум» показался Катерине пустым. Она подошла ближе и увидела, что Верка, сидя за вахтерским столиком, уронила голову на руки и всхлипывает.

— Вер, что случилось?

— Стерва Зойка!

— Да что случилось-то?

— Найоб переезжает к ней жить! — взвыла в голос Верка.

— Он же в больнице со сломанной ключицей! — удивилась Катя.

— Да, в больнице! А Зойка его чемодан к себе притартала! У-у-у!

— Вер, а может, тебе показалось, что это его чемодан?

— Как показалось, когда она его у меня забрала!

— И ты... отдала?

— А что? Я женщина гордая, мужиков за штаны не хватаю. Она пришла и паспорт показала — там печать о браке с моим Найобом стоит. Дай, говорит, чемодан, я, говорит, знаю, что он у тебя пасется, а никакой не брат из Калуги, я, говорит, теперь его законная жена! Я ей чемоданом по физиономии так заехала, что он теперь всю жизнь ей на пластику работать будет! Они теперь в одной больнице лежат, у Зойки нос сломан. А мне штраф за хулиганство! Я женщина гордая, пусть этот баклажан теперь своей рыжей стервой подавится! Это она его на зубы золотые поймала. Не мужик, а металлоискатель какой-то. Чем больше на бабе железа, тем она ему интереснее! — Верка потрогала висюльку в брови. — И когда только расписаться успели? Он от меня лишь по своим йенехбайским делам отлучался.

— А как же ребенок?

— А что? Выращу! — Верка погладила себя по животу и перестала всхлипать. — Тебя же кто-то вырастил!

Катерина кивнула и не стала сообщать Верке, кто и как ее «вырастил».

— Держись, Верка! Жизнь подкидывает много не очень приятных сюрпризов. Кстати, ты не знаешь, почему Майкл перестал клянчить у меня деньги?

— Так его бабка твою Марину попросила натаскать Майкла по математике.

— По математике?!!

— Да, она тут хвасталась, что у нее диплом с отличием.

— Диплом?!! И что, она... подтягивает?

— Да. Два часа в день. Сто баксов урок. Парня не узнать, как шелковый стал. Курить перестал, пиво не пьет, хороших манер прибавилось, и никакого шкодства в глазах. Прячет он их, глаза-то! Как незамужняя мусульманка. Что у нее за методы?

Сравнение рассмешило Катю, и она прыснула в кулак. Лифт, наконец, приехал, и она махнула Верке рукой:

— Пока!

— Эй! Кать!

— Что еще? — Катерина придержала двери ногой.

— А Маринка-то твоя... того...

— Что?!

— Мужик она, однако, переодетый!

— Это еще почему? — Сердце у Катерины упало в пятки, да там и осталось.

— Так кадык у нее!! Ты ж сама говорила — верный признак! А еще у нее больно ноги волосатые, руки узловатые и голос хрипловатый.

— Педикюр! — крикнула Катя.

— Что — педикюр?

— Ни один переодетый мужик не догадается накрасить ногти на ногах!

— Догадается! А вот кадык шарфиком прикрыть никогда не допрет! Ты там поосторожнее, Катя! Может, у тебя какой аферист пригрелся! Проверь его!

Два часа Катерина слонялась по темной квартире со свечкой в руке. Едва она переступила порог, свет во всем доме погас. Случилась какая-то авария, чего жильцы в этом доме не помнили со дня своего заселения. В подъезде посуетились, пошумели и успокоились, разбредясь по темным квартирам ждать, когда приедет аварийная служба и устранит короткое замыкание. Катерина порадовалась, что успела воспользоваться лифтом, и тут же испугалась, потому что, несмотря на темень, было понятно — Мат-Мата в квартире нет.

— Эй! — негромко позвала она, и пустые комнаты гулко отразили ее испуганный голос.

В квартире и правда никого не было. Катерина прошла в спальню — драгоценности так и лежали, небрежно разбросанные по комоду, и почему-то именно это убедило ее в том, что он ушел не насовсем. Она посмотрела в окно: вид открывался шикарный на... она опять забыла, как это называется. Нужно спросить у Мат-Мата, написать на бумажке и приколоть к шторе. Кстати, откуда он это знает? Кажется, он не москвич, а... уроженец какого-то Кислокаменска, какой-то странной Читинской области. Откуда у него диплом с отличием? Врет? Тогда почему Майкл стал как шелковый? Катерина почувствовала себя такой одинокой, какой не чувствовала даже в детстве, в детдоме. Она сегодня опять чуть-чуть не погибла. Она не знает ничего о человеке, который самым диким, непостижимым образом стал ей так близок... Это отвратительная глупость, но это свершившийся факт — она боится потерять Мат-Мата, боится, что он уйдет по своим бандитским делам, бросив ее в этом поднебесном одиночестве. Не успели слезы подкатить к глазам, как дверь в коридоре хлопнула, и Катерина рванулась к ней.

— Я спас тебя, бэби! — сказала темнота задыхающимся голосом Мат-Мата. — Тебя и этого американского плейбоя в красных штанишках.

— Где ты до сих пор шлялся?! — Катерина на ощупь нашла на полочке сумку, в ней зажигалку, и снова зажгла свечу. — И почему ты так тяжело дышишь?

— Бэби! — спокойным тоном ответил Мат-Мат. — Я, конечно, спортивный парень, но пешая прогулка на шестнадцатый этаж и у меня вызовет одышку! Лифт не работает!

— Откуда у тебя диплом с отличием?! — заорала Катя и топнула ногой.

— Слушай, бэби, ты, как всегда, неправильно формулируешь вопрос. Я буду отвечать на то, что ты действительно хочешь спросить. Когда ты ушла, я решил, что мне будет жаль тебя потерять. Я к тебе уже... привык, и потом, ты теперь такая богатая ляля, что глупо тратить время на поиски других вариантов. Так вот, я надел твою юбку, твои босоножки и нанял частника, чтобы следить за тобой. Да я чуть не сдох от скуки и духоты, пока ждал тебя у крематория, и пропустил момент, когда появился этот бородатый, патлатый хрен. Кажется, он вышел вместе со всеми, а может, и нет! Зато я заметил, что он не пошел в микроавтобус, который повез людей на поминки, а устроился в тени на скамейке и стал следить за тем, как ты маялась там, в машине, поджидая этого чудика с Эйфелевой башней на хилой груди. Когда америкос появился с горшком в руках и уселся в твою машину, бородатый козел занервничал, поднялся и начал ловить такси. Чтобы облегчить свою задачу, я велел водителю посадить его к нам. Бородатый сначала отказался, увидев меня, но времени у него было мало, он сунул водиле сто баксов и велел следовать за красным «мустангом». Водитель офонарел от таких денег и блестяще справился с задачей. У кафе патлатый вышел из машины, но я дал водиле денег и попросил еще немного поторчать в моем обществе, перепарковать машину подальше, чтобы патлатый не мог нас увидеть. Он уселся недалеко от кафе и прикрылся газетой. Я сначала думал, что у него денег с собой нет, чтобы за вами в кафе спуститься, а потом понял — он просто «светиться» не хотел. Я уже из «москвича» вышел, хотел его за грудки с лавки приподнять и напрямую спросить, что ему от вас нужно. Но тут из кафе вышла ты. Он руку в карман сунул, и очень мне это не понравилось. Я к нему подбежал и попросил сигаретку. Он задергался, но сигарету дал, а я рядом с ним плюхнулся на лавку. Потом америкос с горшком вышел. Патлатый вдруг вскочил, побежал и выстрелил. Тут ты из машины выскочила, я к нему рванул и в спину его толкнул... Второй выстрел снял стружку с деревьев. Остальное ты видела. Патлатый бросился удирать, я за ним. Если бы не моя узкая юбка, он бы не ушел!

— Откуда у тебя пистолет?!

— Ты что, сбрендила, бэби? Ты же сама его в мусор сунула! Или ты думала, что я вынесу его на помойку?! Мой «макарыч» всегда в моей дамской сумочке! — Он помахал старой Катериной сумкой, о существовании которой она и не помнила. Где он ее откопал?

— Ты хорошо запомнил его?

— Я рад, бэби, что ты стала вменяемой и стала задавать вопросы по существу. Нет, мне будет трудно его узнать. Я свалил дурака и не попытался отодрать у него бороду, сорвать парик, а заодно и темные очки. Вся эта бутафория была плохого качества, но сделала свое дело. Я бы гнилую тыкву не поставил на то, что смогу узнать этого человека. Рост средний, телосложение хлипкое, одежка стандартная. Вот только...

— Что?!

— Наколку я у него заметил. На среднем пальце правой руки — крест.

— Негусто.

— Густо, бэби, густо. Ты жива, америкос твой жив, разве это не результат моих героических подвигов? Ты вот говоришь, где я шляется, а я этого чудика с прахом папаши до аэропорта довозил, все на том же ржавом «москвиче». Это чтобы с ним ничего не случилось. Жуть, сколько я бабок отвалил водиле за свои неформальные задания! А чудик меня целовал на прощанье, просил телефон и обещал вернуться. Скажи мне спасибо и поцелуй!..

Глава пятая

Март посмотрел на часы. Было без четверти пять. Можно было бы говорить о скором конце рабочего дня, если бы он — этот конец — для него существовал.

Вся жизнь работа — это про него. Дом — работа, тоже про него. Вообще, про него все, что говорится про замотанных, лишенных личной жизни людей.

— Через полчаса закрываемся, — напомнила ему служащая архива — серая мышь с дулей из блеклых волос, в вязаной жилетке и очках, стекла которых в диаметре могли соперничать с суповыми тарелками. Разве такой должна быть женщина?

Март не удостоил ее ни взглядом, ни ответом. Сложил бумаги в папки и пошел их сдавать. Все, что хотел, он узнал. Правда, понятия не имел, что с этим делать... Он узнал, что дело, заведенное в девятнадцатом году под негласным названием «Бурабон», нашло продолжение в наши дни. Что украшения, украденные у госпожи Пригожиной знаменитым медвежатником Ефимом Ивановичем Бурабоном, — нашлись! Причем нашлись у внука Пригожиной, Роберта, который вдруг взял да подарил роскошное ожерелье своей темнокожей возлюбленной. А может, возлюбленная врет?!

Когда распотрошили ее сумку, делая опись, Март сразу зацепился за это ожерелье. Уж больно запоминающееся оно было — огромное, тяжелое, с прозрачно-мрачными бездушными камнями, глядя на которые, думается не об одной загубленной жизни.

Март хорошо помнил, как на занятиях по уголовному праву они проходили хрестоматийный пример: кражу ювелирной коллекции из сейфа некой Пригожиной. Советской милиции удалось блестяще выйти на след преступника, собрать доказательства его причастности, но... преступник так же блестяще скрылся, как будто не существовало ни его, ни этой коллекции.

Ему тогда запомнилась старая фотография этой Пригожиной, приложенная к делу. Благородная дама с превосходством в глазах. Еще бы его не было, этого превосходства, если на ней красовалось ожерелье с бриллиантами в три ряда, величиной с грецкий орех. Март рассматривал тогда это украшение с вожделием и ненавистью бедного мальчика, который жил, живет и будет жить в коммуналке с мамой, которая работала, работает и будет работать билетным кассиром. Он на всю жизнь запомнил эту фотографию и это ожерелье, потому сразу узнал его, тут же задал вопрос Катерине Ивановне, откуда оно у нее, проглотил бредовый ответ о том, что ей его подарил Пригожин, а потом... потом решил съездить в архив МВД и поподробнее ознакомиться с тем странным, загадочным, давно забытым делом.

Ну, ознакомился. Ну, подтвердил свою догадку, что это именно то ожерелье. И что теперь с этим делать? Зря он время потратил на этот архив.

И все-таки он сегодня, пожалуй, еще поработает.

Март решил, что надо еще раз съездить в тот крутой дом, поговорить с охранником, порасспрашивать соседей. Может, кто-нибудь вспомнит что-нибудь важное про того переодетого типа, вымазанного коричневой краской.

У шлагбаума он задержался, чтобы представиться и показать удостоверение охраннику, как вдруг сзади загудел трубным басом черный «мерседес». Охранник ткнул какую-то кнопку, шлагбаум медленно пополз вверх, но черный «мерс» не тронулся с места, продолжая призывно гудеть. Март оглянулся — тонированное стекло плавно опустилось, и тип из «мерса» заорал:

— Март! Март, это ты?!

Март нехотя направился к «мерседесу». Дверь резко открылась, и на встречу ему выскочил огромный, немного грузный, светловолосый тип. Март последовательно признал в нем сначала некогда очень популярного телерепортера, потом своего удачливого отличника-одноклассника, затем закадычного друга по игре в песочнице — Никиту Сытова.

— Ты меня узнаешь?! — Никита радостно ударил Марта по плечу. — Ты меня узнаешь?!!

— Узнаю, — кивнул Март, не разделяя восторга. Он удивился такой бурной радости Сытова. Близкая дружба их связывала только в самом раннем детстве, когда они играли в одном дворе. Сытовы жили в соседнем доме, в отдельной, роскошной квартире и занимали иную ступень на пресловутой социальной лестнице. Но в раннем детстве это совсем ничего не значит, и они до одури носились вместе, удирали от дома подальше, и тогда их

мамаши, наплевав на свой разный статус, носились по окрестностям, выкрикивая их имена. Это потом, уже в школе, Сытов осознал свою избранность. Не то, чтобы он стал избегать Марта, он просто перестал его замечать. Затем Март был свидетелем его блестящей телевизионной карьеры, позже Сытов исчез куда-то с экрана, и вот... встретив Марта, орет от радости, толкает в плечо.

— Ну, ты даешь! Все одноклассники стали толстыми, лысыми дядьками, а ты таким и остался!

— И ты... хорошо выглядишь! Ты живешь в этом доме? — вымучено улыбнулся Март.

— Живу, черт бы его подрал! Слушай, поехали, посидим где-нибудь! Вспомним наше сопливое детство! Где ты, что ты, как ты?!!

— Я следователь прокуратуры, расследую убийство, которое произошло в этом доме.

— Да тут каждые две недели происходит какое-нибудь убийство! Поехали, посидим!

— Поехали, — решился Март и на всякий случай уточнил: — Ты из второго подъезда?

— Да, из второго! — захохотал Сытов. — Если я видел убийцу, то опишу его в эксклюзивных подробностях! Поехали!

— А можно в кафе-кондитерскую? — спросил Март, когда они уселись в машину.

— Ты сдурел! Нет, я повезу тебя в очень забойное место!

— Слушай, у меня денег... четыреста двадцать пять рублей.

— Вот и забудь про них! Я устраиваю сегодня праздник нашего детства! Это моя плата за то, что я забыл тех, с кем вырос!

Забойное место оказалось полутемным заведением без названия, с надменным швейцаром и кабинками в виде шатров. Кабинок Март насчитал всего пять. Они устроились за маленьким уютным столиком, и официант — блеклый мальчик — принес напитки, которые Сытов не заказывал. Может, в этом был какой-то особый шик — приносить то, что заблагорассудится, не спрашивая желаний клиента?

— Это фирменный коктейль «Секс на пляже» — рассмеявшись, объяснил Сытов, словно прочитав мысли Марта. — Его рецепт тут держат в секрете.

— Никогда не пробовал, — Март поймал губами соломинку.

— Так приобщайся! — Сытов по-барски махнул рукой.

Затем официант принес какую-то невиданную закуску. Март попробовал из всех тарелочек, но так и не понял, что он ест. Его вдруг затопила слезливая волна жалости к себе.

— Ты знаешь, — сказал он Сытову, — про себя я могу сказать только одно — жизнь прошла мимо.

Сытов захохотал. Он вообще был странный, этот Сытов. Март помнил его надменным и неприступным, а перед ним — щедрый, развеселый рубаха-парень.

— Ты будешь смеяться, — сквозь смех проговорил Никита, — но про себя я могу сказать то же самое.

Он не стал вдаваться в подробности, почему так считает. Они помолчали, пожевали, выпили. Марту показалось, что говорить больше не о чем. Нужно было расспросить Сытова поподробнее о том дне, когда убили Пригожина, может, он припомнит что-нибудь важное, раз уж оказался соседом?

— Слушай... — начал Март.

— Представляешь, — перебил его Сытов, — я в последнее время то и дело влипаю во всякие дурацкие истории. Недавно нашел в своем деревенском доме ментовское удостоверение! Сдал его в милицию и через своего знакомого попытался разузнать, что это за тип такой развлекался в моей избушке. У меня к нему личные счеты. Так оказалось, что мента этого грабанул какой-то опасный преступник. Он огрел лейтенанта Белова по голове, забрал у него документы, одежду, оружие и сбежал из больницы! Представляешь?! Получается, что этот бандит прятался в моем доме в Волынчиково! Я информацию кому надо слил, в деревню наряд выслали. Не поймали никого, конечно, но место осмотрели, местных жителей расспросили. Я в последнее время только и делаю, что влипаю в дурацкие истории! Кстати, ты женат?

— Я?! — удивился Март. — Нет. Но... — В голове вдруг мелькнуло выражение «пьяная откровенность», и он неожиданно для себя выдал: — Кажется, произошла катастрофа. Я влюбился в подследственную!

— Ну, это не катастрофа! — рассмеялся Сытов. — Это даже не очень оригинально. Врачи влюбляются в пациенток, педагоги в учениц, а следователи в подследственных! Кажется, этому есть даже какое-то научное объяснение. Это не катастрофа! И что она натворила, твоя возлюбленная?!

Март решил, что хватит подробностей, но его неожиданно понесло. Ему показалось, что Сытов — тот самый пресловутый случайный попутчик, которому можно все о себе рассказать, а потом ни разу в жизни его не встретить. Наверное, это гадкий коктейль развязал ему язык.

— Ее задержали по подозрению в убийстве твоего соседа, старика Пригожина, но потом отпустили за недостаточностью улик. Если бы ты ее видел, то понял бы меня! Она необыкновенная! Жаль, что у меня внешность прыщавого подростка, и особенно жаль, что я ничего не могу предложить ей, кроме комнаты в коммуналке и несносной мамы. Жаль! Слушай, а может, бросить, к черту, эту прокуратуру и попытаться заняться бизнесом?

Может, ты мне подскажешь, с чего начать?! Ты же того... типа из тех, кто ... хозяин жизни?

— Надо же, это что ж за баба, что ты готов в сорок лет начать новую жизнь?

— Она... экзотическая птичка, которая залетела не на ту территорию. Ей здесь не климат, ей здесь не место! У нее шоколадная кожа, грустные глаза и веселый нрав. Она носит только красные платья и имя, которое ей не идет — Катерина Ивановна Иванова. Я отпустил ее под подписку о невыезде до окончания следствия, но готов опять ее посадить, лишь бы только видеть почаще... Еще там странная история с ожерельем... Кажется, я на пороге раскрытия очень старого дела. Уж я ее давил, уничтожал вопросами, а она... не сломалась, выпуталась, наняла адвоката!..

Враз побледневший Сытов начал вдруг задавать дурацкие вопросы, и Март все ему выложил: и про переодетого в красное мужика, и про убийство Пригожина, и про то, сколько улик было против Катерины Ивановны, и про ожерелье, которое, оказывается, не было украдено у бабки Пригожина, и про еще что-то ...

Сытов перестал быть рубахой-парнем, он напрягся, осунулся, побелел и расстреливал его своими вопросами, будто это он, а не Март был следователем.

— Мне бы чего-нибудь сладенького, — жалобно попросил Март. — Можно торт?

Что было потом, он не помнил.

Нет, помнил, что стал обладателем прозрачной коробки с тортом. Что куда-то ехал на заднем сиденье машины с этой коробкой, а Сытов жестко его пытал — какой у Катерины Ивановны адрес, какой телефон. И было проще сказать, чем отвязаться от этих вопросов, больно бьющих по пьяным мозгам.

«Секс на пляже»! А у него, у Марта Карманова, тоже есть свое забойное место и свой фирменный коктейль — «Мама в коммуналке»!

Сытов доставил Марта по адресу, который с детства знал назубок. Он взвалил бесчувственное легкое тело на плечо и позвонил в хорошо знакомую квартиру два раза — столько, сколько нужно звонить Кармановым. Тетя Зина открыла быстро, будто ждала за дверью. Сытов мельком на нее глянул. Все такая же — маленькая, сухонькая, бледненькая, с глазками, в которых живет недовольство собственной жизнью и зависть к успехам других.

— Это что? — всплеснула она руками. — Это кто?!

— Это я, тетя Зина, здравствуйте! Принес вот вашего мальчика, — буркнул Никита и пошел по длинному коридору, в котором, как водится, висели старые ванны, лыжи и велосипеды.

— Ох, Никита, ты, что ль? Что с оболтусом моим сделал? Напоил?!

— Напоил, — кивнул он, сгрузил тело на старенький диванчик, покрытый совдеповским хлопчатобумажным покрывалом, и на впалый живот Марта поставил коробочку с тортом. — За встречу немного выпили.

— Немного выпили! — с неопикуемым сарказмом воскликнула тетя Зина.

— Ну, я пошел. — Сытов зачем-то отряхнул руки, повернулся и пошел по длинному коридору в обратном направлении, бороздя носом по велосипедным педалям, детским железным ваннам и еще чему-то, что вешает бедность на стены.

— Торт забыл! — заорала вслед тетя Зина.

— Это вам! — крикнул он в ответ уже от двери.

— А мы себе сами купим! Ишь, дорохущий какой! С барского плеча?! Барин нашелся!!!

Сытов захлопнул дверь.

И почему он решил, что жизнь не удалась?

Теперь он знал, что делать. Он не спас Катерину тогда, так поможет теперь. Он не стал ничего говорить Марту про шляпу и платье, потому что точно не знал — будет ли Катерине это на пользу. О своей находке он сначала расскажет ей. И они вместе подумают, что с этим делать дальше.

Она простит его. Никуда не денется.

Трясущимся пальцем Сытов набрал номер, который дал ему Март. Была вероятность, что пьяный друг детства чего-нибудь перепутал, но Сытов верил, что ему повезет. Длинные гудки впивались в мозги, как остервеневшие пчелы. Что он ей скажет? «Это я — Сытов»?!!

— Алло? — прозвучал в трубке странный, жеманный голос. Этот голос не мог принадлежать ей.

— Катерину Ивановну, пожалуйста, — просипел Сытов, стараясь унять бешеное сердце.

— А кто ее спрашивает? — продолжал жеманиться голос. Было впечатление, что кто-то плохо играет женскую роль.

— Это... — Сытов замялся. Как представиться? Бывший любовник? Убийца? Спаситель? Как? — Это... — Он так и не смог ничего сказать и нажал отбой.

Наверное, лучше к ней поехать. Когда она увидит его, ему не придется ничего говорить. Зная Катьку, можно быть уверенным, что она его простит. Впрочем, зная бывшую Катьку. Та стервозина, которая бодалась с ним на дороге, неизвестно, как себя поведет...

Нет, он не должен ехать. Вдруг у нее ... муж? Вдруг у нее дети? Сытов вдруг отчетливо понял, что не вынесет вида ни Катькиного мужа, ни Катькиных детей.

Нет, поедет. У него есть доказательства, которые могут ее или спасти, или погубить. Надо разобраться. Он опять схватился за телефон.

— Лика! — заорал он, включив дворники и фары. Оказывается, уже стемнело, оказывается, пошел дождь. — Лика!!! Ты помнишь те красные шмотки, которые я нашел на помойке?

— Кит, — заспанным голосом пробормотала Лика, — мы опять играем тонкую мелодраму? Я уже сплю, причем одна, и нисколько не возражаю, если ты присое...

— Лика! Мне не до твоих идиотских шуток! Скажи, эти шмотки, ты их... не выбросила?

— Нет, — плаксиво проговорила Лика. — Они напоминают мне о наших новых отношениях. Я их запихала в кладовку и иногда люблюсь на них, чтобы вспомнить то чудесное утро, когда ты рано пришел с работы...

— Иди! Иди и посмотри на них лейблы! Ты разбираешься в этом! Какая там фирма? Где их могли купить? Кто их мог купить?!!

— Кто?!

— Ну да, кто!

— Ты чокнулся, Сытов?!

— Лика! Мне это очень нужно.

— Ты пьян?

— Нет. Да. Немного. Но это не имеет значения.

— Будь осторожнее за рулем.

Сытов вдруг заплакал. Он смотрел, как дождь поливает лобовое стекло, и решил, что легче заплакать. Рыдать во время дождя совсем не стыдно и вполне органично даже для такого большого дяди, как он.

— Кит?! — спросила трубка испуганным голосом Лики.

— Да.

— Ты... плачешь?

— Нет. Это дождь идет.

— Кит, слушай меня. Платье и шляпа от «Провокатто». Я разбираюсь в этом. В городе всего два салона, где могли продаваться такие шмотки. Хозяйка обоих — моя клиентка. Завтра я попытаюсь тебе сказать, кто мог купить эти тряпки. Кит?!

— Да.

— Дождь перестал?

— Да!

Сытов выключил дворники.

Дождь и впрямь перестал.

Представив, что ему придется прожить с этим до утра, Сытов не выдержал. Он перестроился в потоке, свернул на проспект Вернадского и стал

разыскивать дом, который назвал ему Март. Конечно, невменяемый следователь мог ошибиться, но Никита решил рискнуть.

Дом отыскался быстро. Это было высотное здание, и, подсчитав, он понял, что Кэт живет чуть ли не на последнем этаже.

Он еще раз набрал ее номер.

— Алло? — ответил знакомый жеманный голос.

Наверное, все-таки Март ошибся. Или обманул. Сердце бешено колотилось, Сытов вышел из машины, поднял глаза к небу и перекрестился. Он не знал ни одной молитвы, потому что никогда и ни во что не верил.

Он увидит ее и встанет на колени. Какой бы она не стала, она его простит.

В подъезде, в кабинке консьержки сидела толстенная бабища с лицом, обезображенным пирсингом.

— К кому? — строго спросила она, цепкими глазами рассматривая Сытова.

— К Катерине Ивановне, в сто шестнадцатую. Скажите, а она замужем?

— Катька-то? А ты что, свататься? Так ты зря ноги-то не топчи, она чернявых предпочитает и молодых.

— Значит, не замужем. — Сытов ткнул в кнопку вызова лифта.

— Я этого не говорила! — захохотала бабища и вдруг вся подалась вперед, навстречу вошедшей в подъезд рыжей тетке с огромным синяком на переносице.

— Шалава! — завопила только что дружелюбная консьержка.

— От шалавы слышу, — огрызнулась тетка и пошла по лестнице на второй этаж. И тут толстая бабища вдруг выскочила из своей будки, в два прыжка нагнала рыжую, вцепилась ей в кудри и потащила вниз, тыкая носом в ступеньки.

— Вот тебе Найоб, Найоб, и еще раз Найоб! — приговаривала она.

— Дамы! Дамы! — растерявшись, пробормотал Сытов и попытался оторвать толстую бабу от рыжей. Рыжая укусила его за палец, а толстая двинула по затылку. Он отпрыгнул обратно к лифту и судорожно начал тыкать плоскую кнопку.

Тетки возились и пыхтели в стороне.

— Да забирай ты себе этого Найоба! — громко закричала рыжая. — Он в больнице себе педиатра нашел!

— Ко-го?! — замерла толстая баба.

— Врачицу детскую. — Рыжая уселась на ступеньки и заплакала, тихонько подвывая. — Дли-инная, но-осатая, в ушах слушалка торчи-ит! — навзрыд протянула она.

— Найоб он и есть Найоб, — выдохнула толстая, уселась рядом с рыжей на ступеньки и схватилась за голову: — Что же это делается-то?!

— А у меня от него ребенок будет! — взвыла рыжая.

— Знаешь, Зойка, а ведь и у меня от него ребенок будет!!!

— Найоб — это имя или действие? — попытался пошутить Сытов и направился к лестнице, так и не дождавшись лифта.

— А как ты думаешь?!! — в один голос заорали бабы, отклонившись в разные стороны и давая ему пройти.

У нужной квартиры он позвонил, услышал, как гремит цепочка, открывается дверь, и в покаянном рывке свесил голову вниз, уставившись в пол.

— Это я, — сказал Сытов. — Это я, бэби! Прости меня, Кэт! — и поднял глаза вверх. На него насмешливо смотрела смазливая блондинка лет тридцати. — Мне бы Катю, — задыхаясь, проговорил он.

— А мне бы домик в Калифорнии и счет в швейцарском банке, — парировала блондинка.

— Кэт! — крикнул Сытов и попытался отодвинуть размалеванную дуру. Кто это — подружка? Прислуга? — Кэт!!!

Девушка оказалась неожиданно сильной. Она не только не отодвинулась, но перехватила его руку своей железной рукой.

— Сытов? — вдруг спросила блондинка совсем другим голосом — не жеманным, не сладким, не добрым и совсем не женским.

— Откуда ты знаешь? — растерялся Никита.

— Да кто же этого не знает? — ухмыльнулась девушка и с размаху ударила его в глаз. — Это тебе за бэби! — Сытов покачнулся, упал и тут же получил удар ногой под ребра. — А это тебе за Кэт! — прокомментировала она и брезгливо вытерла руку о синий халат.

— Эй, Мат-Мат! Что за шум? — донесся из глубины квартиры родной Катькин голос.

— Это соседка, мы ее затопили!

— И вы подрались? — весело прокричала Кэт. Послышались ее приближающиеся шаги и тот, кого она назвала Мат-Матом, резко захлопнул дверь.

Сытов захохотал. Он слышал какую-то возню за дверью, какие-то угрозы, угрозы, смех, потом все затихло, а он все хохотал, хохотал и хохотал. А потом резко замолк и пошел по лестнице вниз, считая вслух этажи.

Наконец он произнес «первый» и увидел стеклянную будку, в которой сидели две женщины — толстая и рыжая. Они молча пили прозрачную жидкость из маленьких стопочек.

— Налейте, бабоньки, — подошел Никита к окошечку.

— Драма? — спросила толстая.

— Трагедия, — вздохнул он, и толстая протянула ему свою стопку.

Жидкость оказалась вонючая и некрепкая. Сытов поморщился.

— Это валерьянка, — объяснила рыжая с золотыми зубами. — Нам крепче нельзя, мы вынашиваем.

Он кивнул и направился к своей машине.

— Кит, а твои секретные дела не могут обходиться без мордобоя? — Лика с ногами забралась на кровать и приложила к глазу Сытова очередной холодный компресс. — Ты опять пришел домой под утро, от тебя опять пахло спиртным, и у тебя опять офигенный фингал! Может, плюнуть на все и поехать куда-нибудь к морю?..

— Который час? — простонал Сытов и попытался найти глазами часы. Левый глаз открыть он не смог. Потрогал рукой — вздрогнул от боли. Как там звали этого размалеванного трансформера в парике? Пат-Пат? Бад-Бад? Господи, до чего докатилась Катька! Но он все равно ее спасет. Даже если она причастна к этому убийству. Именно поэтому он не сказал ничего Марту про найденные вещи. Он должен убедиться сначала, что эта находка не навредит Катьке.

— Сейчас уже восемь, — пропела Лика и погладила его слипшиеся волосы.

— Я что, спал всего два часа?!

— Вечера! Ты спал целый день!

Сытов откинул ее руку и вскочил.

— Не делай резких движений, — посоветовала Лика.

— У меня никогда так не болела голова, — пожаловался он.

— Просто ты никогда так не напивался, — Лика начала загибать пальцы, — никогда не проводил бессонные ночи, и тебе никогда так часто не били морду.

— А я что, провел бессонную ночь?

— Мне ты утром сказал, что до рассвета катался по ночному городу.

— Я не помню ночной город.

— А кто тебе в глаз дал, помнишь?

— Помню. Но не скажу.

— Тогда я не скажу тебе то, что узнала про красное платье и шляпу.

— А ты узнала?

— Узнала, — кокетливо протянула Лика и, подсев к зеркалу, стала делать какие-то манипуляции с лицом: колотить по щекам, щипать подбородок, гладить лоб.

— Говори!

— Сначала ты! Расскажи, что с тобой происходит. Знаешь ведь, я не любопытна и умею держать язык за зубами!

— Я не хочу врать, — тихо и жалобно протянул Сытов. — Помоги мне, пожалуйста! Наверное, я все тебе расскажу, но... позже.

Лика перестала терзать свое лицо и пересела к нему на кровать.

— Кит, если честно, то мне нравится, каким ты стал в последнее время. Мне нравится, что ты напиваешься и приходишь домой под утро, нравится, что у тебя тайны и синяки под глазами. Ты стал человеком, Кит. И ты мне

нравишься больше, чем мой массажист! Слушай меня. Ради тебя я отдала годовой бесплатный абонемент в свои салоны старой гримзе Волчковой — хозяйке магазинов «Ра», где продавались эти красные шмотки. Взамен попросила ее расспросить своих продавцов, не помнят ли они, кто купил эти вещи. Нам повезло, Кит! Продавцы запомнили эту женщину, ей оказалась постоянная покупательница, не пропускающая ни одной новой коллекции!

— Кто это? — заорал Никита, снова ощутив в висках боль. На этот раз их дробила электродрель.

— Высокая блондинка лет пятидесяти с приметной родинкой на виске.

— Это все? — Дрель в голове затихла, сердце замерло, и пришло ощущение, что выстрел, сделанный в «яблочко», ушел в «молоко».

— Мало? — усмехнулась Лика. — Кит, ну, может, скажешь пару слов, зачем тебе это? Это как-то связано с убийством богатого старика в нашем доме?

— С чего ты взяла?

— У меня есть мозги.

— Ну и гордись ими! Все равно узнать нам ничего не удалось. Родинку на виске имеют тысячи пятидесятилетних блондинок.

— Ты тупой, Кит, — ехидно проговорила Лика. — Я же сказала, это их постоянная клиентка, а у постоянных клиентов, как правило, берут номер телефона, а то и адрес, чтобы доставлять товар и каталоги домой. Так что пишете, гражданин начальник. Орехово-Давыдовский переулок десять, квартира восемнадцать, Павлова Лидия Васильевна.

Сытов встал, прислушался к дрели, сверлившей виски, натянул джинсы, рубашку, вытащил из кладовки пакет с красным нарядом и начал обуваться...

— Надо же, мое красное платье нашлось! — в который раз удивленно воскликнула дама с родинкой на виске, которую явно считала своим достоинством. Она никак не тянула ни на убийцу, ни на сообщницу — это ощущение было для Сытова интуитивным, но он ему верил.

Дама вначале не хотела впускать его в свою квартиру — свежий фингал сделал его личность нереспектабельной и подозрительной. Но потом вдруг признала в нем «того самого Сытова», распахнула дверь и даже предложила кофе. Сытов пил тягучий горький кофе из чашечки меньше наперстка и пытал ее уже двадцать минут, каким образом ее вещи могли оказаться в мусоропроводе в его доме. Дама всячески затягивала разговор, видимо, для того, чтобы подольше пообщаться с «тем самым Сытовым» и побольше рассказать о себе. Наконец она вздохнула и сказала:

— Этот наряд я покупала год назад. Надела пару раз и засунула в шкаф. Красный — очень специфический цвет, и нужно иметь особый настрой,

чтобы носить его. Так вот, недели две назад у меня настрой этот появился, я сунулась в шкаф и...

— И не нашли ни платья, ни шляпы?

— Да. Но больше ничего не пропало!

— Кто мог взять эти вещи?

— Понятия не имею.

— У вас есть домработница?

— А вы правы! — воскликнула Лидия Васильевна. — Правда, домработница — громко сказано. Приходит девушка два раза в неделю убирать квартиру. Я рассчитала ее недавно, она сказала, что уезжает домой, куда-то в Саратов. Как раз прошло недели две, я тогда и обнаружила пропажу.

— Имя, адрес и телефон этой девушки!

— Да зачем вам это?! Я не в претензии, вещи старые, больше я их не надену! Выбросьте и забудьте! Я думаю, девочка решила, что я ей мало платила, вот и компенсировала...

— Говорите адрес. Эти шмотки связаны с одним убийством. Подозревают очень хорошего человека, который в жизни и так натерпелся.

— Господи!

— Имя!

— Алла. Фамилия Травкина. Отчества я не знаю.

— Адрес!

— Да в общем, это и не адрес даже, а так, комната в общежитии. Телефона нет. Подойдет?

Сытов кивнул, вздохнул облегченно и попросил еще кофе.

Комендантша в общаге оказалась крепким орешком. Она же выполняла роль вахтера и ни в какую не хотела пропускать Сытова в нужную комнату. Уж он и деньги совал, и пытался напомнить, что он небезызвестная личность, но безликая тетка в кримпленовом платье только бубнила:

— Чужих не пускаю, телевидение не смотрю, взятки не беру. И потом, у тебя под глазом блямба, значит, ты криминогенный элемент!

Сытов совсем отчаялся, сунул ей под нос останкинский пропуск и заорал:

— Ну, какой же я криминогенный элемент, когда меня вся страна знает!

Комендантшу это не вразумило.

— Итить отсюда! Я тебе не вся страна, а отдельно взятая личность.

Сытов тяжело вздохнул, развернулся и ушел. Он обошел общагу и увидел, что с торца есть пожарная лестница, а на третьем этаже приоткрыто окно. Был вечер, почти стемнело, и он решил, что в это время суток, да при такой вахтерше, карабкающийся по стенке мужик не вызовет ни у кого удивления. Никита сходил к машине, сбросил легкий пиджак, закатал рукава рубашки и полез вверх. Куда-нибудь да через это окошко он попадет.

Он попал в туалет. Разумеется, в женский. У зеркала стояла девица фабричного вида и, задрав юбку, поправляла трусики.

— Пожалуйста, не пугайтесь, — вежливо проговорил Сытов.

— Да кто ж тебя пугается-то? — Девица не двинулась с места, не одернула юбку, а так и продолжала тянуть вверх крохотные трусики-стринги. — Да кто ж тебя пугается, папусик? Заходи, коли пришел.

— Никита, — представился он.

— Жоржетта, — тоже вроде как представилась девушка и опустила, наконец, юбку.

Сытов улыбнулся, давая понять, что оценил юмор, и вытащил из кармана доллары.

— Только не здесь, — засуетилась девица. — Пойдем ко мне в комнату.

— Я по другому вопросу. Я заплачу тебе, если ты приведешь сюда Аллу Травкину.

— Травкину-Муравкину? Так она съехала две недели назад! Все бросила и учухала.

— Куда?

— К хахалю.

— И кто у нас хахаль?

— Хахаль у нас крутой дядька по имени Робинзон. Старше ее лет на двадцать, но с баблом.

— Девочка, миленькая, если ты скажешь адрес и нормальное имя этого Робинзона, я дам тебе еще рубликов.

— Лучше баксиков.

— Ну?

— Робинзон крутой. Но с именем и адресом у него какие-то заморочки. Алка его по приколу то Петей, то Колей, то Лешей, то Сашей звала. Говорила, что у таких людей несколько имен и несколько адресов. Вот только кликуха одна — «Робинзон».

— Может, номер мобильного этой Травкиной у тебя есть?

— Нет, я ей не подруга, да она вообще не с нашего завода. Одной бабе за комнату платила и жила вместо нее. Ни с кем особо тут не корифанилась.

— Ну, хоть как он выглядел, Робинзон этот, видела?! — без всякой надежды воскликнул Сытов. В голове сложились два плюс два и получилось, что переодетый в красное мужик и был этот загадочный Робинзон.

— А никак. Внешне — говно, а не мужик.

Что-то очень знакомое показалось Сытову в этой формулировке, но он так и не смог заставить память подсказать ему, что именно связано у него с этим определением.

— Среднестатистический, — выговорила девица умное слово, — подслеповатенький, щурится всегда. Да, и татуировка у него на среднем пальце — крест, правда, не помню, на какой руке.

— Уже кое-что, — вздохнул Сытов, отдал ей деньги и, подойдя к подоконнику, вылез в окно.

Спускаться вниз было почему-то страшнее, чем подниматься. Ладони стали потными и скользили по прохладному железу. Сытов подумал про себя: «Докатился!», а еще подумал, что впустую потратил время.

Робинзон с крестом на среднем пальце, неизвестно какой руки, зовут которого то Коля, то Саша, то Толя, то Леша, и у которого нет постоянного адреса — не бог ведь какой улов. Травкина — тоже личность мифическая.

Как это на профессиональном языке называется? Тупик? Нет — «глухарь».

Паршивый из него сыщик.

Нужно разговаривать с Катькой.

Глава шестая

Они летели вперед, и все было здорово — и гладкая лента асфальта, и сумерки, прохладой сменившие дневную жару, и низко летавшие птицы — к дождю? — и Мат-Мат за рулем с профилем белогвардейца и гримом Мэрилин Монро, и... Все было здорово!

Катерина призналась самой себе, что счастлива абсолютно, несмотря на то, что абсолютно счастлива она быть не должна.

— Давай поедем медленно, — попросила она Мат-Мата, — и тогда в Волынчиково мы приедем к рассвету. Сейчас очень рано светает.

— Я не умею медленно, — сказал Мат-Мат и прибавил газу.

— Сдалось тебе это удостоверение! — попыталась изобразить недовольство и раздражение Катерина. Все-таки она не имеет права быть счастлива, когда Роберт убит, когда она все еще под подозрением, когда она скрывает от правосудия опасного бандита, когда...

Да пропади оно все пропадом, когда еще жить, если не прямо сейчас! Роберта не вернуть, ее невиновность докажут, а Мат-Мата... Она представила, что сдает Мат-Мата милиции, и от ужаса заорала громче, чем надо:

— А ты уверен, что потерял документ именно в той избушке?

— Уверен, бэби. И я должен его забрать!

— Зачем? Ты что, собираешься вернуть его тому лейтенанту? Не понимаю. Ты очень рискуешь, суя в избушку свой белогвардейский нос!

— Должен, — упрямо повторил Мат-Мат, и Катерина поняла, что спорить с ним бесполезно.

Они долго ехали молча. Не ехали, а летели.

— Ты не будешь против, если мы переночуем в твоём доме? — спросил, наконец, Мат-Мат.

— В каком это ещё «моём» доме? — удивилась Катя.

— А разве хоромы Роберта в этой деревне принадлежат теперь не тебе?!

— Черт!! Об этом я не подумала.

— Я подумал. Ты знаешь, где он хранил ключи?

— Да. На полочке в бане. А ворота заперты на вертушку. Там нечего брать! Вязаные половички на полу, кровать с шишечками, да старые гроздь рябины между рамами. Рай для миллионера! Мат-Мат!

— Что?!

— Наверное, я не смогу там находиться с тобой!

— Это ещё почему?

— Ну... кажется, это называется «кровать ещё не остыла». Интересно, а что я скажу Парамоновне?..

Все оказалось легче, чем она думала. Её не мучили угрызения совести, когда она стелила бельё на той самой кровати с шишечками, когда накрывала на стол и зажигала свечку — все как тогда, с Робертом. Она даже затопила баню, вернее, её затопил Мат-Мат, а она носилась, давала указания, как правильно делать, но он все сделал не так, и парилка стала похожа на ад. Когда Мат-Мат улегся на полку, Катерина взяла в руки березовый веник и сильно хлестнула его по розовым пяткам.

— Больно, бэби! — заорал он.

— Свои обещания нужно выполнять! Про себя я все рассказала. И ты обещал рассказать все-все про себя! День прошел, второй, давай, признавайся, как стал бандитом и каких дел натворил!

— Я был хороший мальчик! Но обстоятельства!

— Какие ещё «обстоятельства»?!

— Бэби, я вырос на периферии. Это кошмар — быть отрезанным от мира. Это вредно для психики. Ты знаешь, где Читинская область?

— Где-то на востоке.

— «Где-то на востоке»! — передразнил Мат-Мат. — У черта на рогах, а не на востоке! Ближе только чукчи живут. Мои предки были одержимы комсомольскими стройками, вот и укатили, бросив все в Москве, строить город там, где отродясь не селились даже местные жители. Аборигены называли это место «Долиной смерти». Почему? Там месторождение урана, бэби! Но пришли советские парни и построили город. В него без специального пропуска было не попасть. Летал один самолет — развалюха Ан-24, ходил один поезд по специально построенной ветке. Кругом сопки и безнадега, бэби! Меня воспитывала бабка, и единственной моей мечтой было выбраться из этого города. Это ужас — не любить место, где ты живешь. Родители...

— Пили?

— Что ты! Занимались карьерой. Там был горно-химический комбинат, и они сражались за руководящие должности. Ну, как водится, я и отбил от рук. Но в классе девятом моей мечтой стало вырваться из этого городка и закрепиться в Москве. Я подналег на основные предметы, окончил школу с одной только тройкой — по трудовому воспитанию. Кстати, бэби, предупреждаю, что мне легче сварить суп, чем сколотить табуретку. Вести хозяйство меня научила бабка, а вот молотком я попадаю только по пальцам. В общем, окончив школу, я собрал чемоданчик и укатил в Москву.

— Бросил бабушку?

— Она к тому времени уже умерла.

— А в Москве ты кинулся грабить банки!

— Нет, поступил в технический вуз.

Катерина так хлестнула его веником, что он заорал:

— Правда, бэби! МФТИ — это тебе не шутка! Я окончил его, и у меня диплом с отличием! Ты не представляешь, как хочется остаться в столице, когда вырос на урановых рудниках! Я просто обалдел от свободы и перспектив!

— И подался в разбойники! Сизому понадобился дипломированный специалист?

— Нет, бэби, это Сизый понадобился мне. — Мат-Мат вдруг резко поднялся, сел и попросил: — Выпусти, жарко! Я не негр, у меня другой температурный режим!

— И я не негр, — надулась Катя. — Быстрее рассказывай, и вместе выйдем отсюда.

— Ну, черт с тобой, слушай. После института я устроился на одно производство, и мне дали комнату в общежитии. Чтобы скрасить свои холостяцкие вечера, я стал играть в карты с соседом по комнате. Сначала играли «на интерес», потом на деньги. Появилась компания таких же «увлеченных», как мы. Я то проигрывал, то выигрывал, и мне поначалу хватало зарплаты, чтобы отдавать свои карточные долги, но... как водится, однажды я проигрался по-крупному. Десять тысяч баксов! Мне таких денег было не заработать. Парень, которому я проиграл, пригрозил мне расправой и включил так называемый «счетчик», когда я вовремя не отдал деньги. Я был в панике, когда другой пацан, тоже из нашей компании, предложил мне поучаствовать в одном «дельце». Мне предложили машину и попросили подогнать ее в определенное место, в определенное время. Это потом я узнал, что они грабанили инкассаторскую машину, а я выполнил для них роль шофера. Они приехали в назначенное место на битой «шестерке» с тугим мешком денег, подожгли машину и уехали на «японке», за рулем которой сидел я.

В общем, долг я отдал. С процентами. И у меня даже остались еще деньги. Тогда все прошло чисто, и я понял, что значит — не считать копейки. Сизый — тот самый, которому я проиграл, — оказался талантливым организатором. У каждого в банде была хорошо отработанная роль. Я к этому времени поменял роль шофера на непосредственного участника операции. Сизый говорил, что никогда не пойдет на «мокрое» дело, потому что люди с удовольствием отдадут чужие деньги в обмен на свою жизнь. Оружие мы брали с собой только для устрашения и подстраховки. Поэтому, когда они начали стрелять, я возмутился, бэби! Грабитель — это одно, убийца — совсем другое! Они пальнули мне в брюхо, но я добрался вместе со всеми до машины и уже там потерял сознание. Вырубился так, что они приняли меня за труп. И когда пересаживались в другую машину, бросили меня в «уазике». Дальше ты знаешь, бэби. Ну, как тебе моя история?!

Катерина пожала плечами. Бред, а не история. Мат-Мат — инженер, от безденежья подавшийся в гангстеры? Бандит, не лишенный принципов? Человек из провинции, променявший скучную жизнь обывателя на разбойничью романтику?

«Чушь собачья», — подумала она, но вслух этого не сказала. Вряд ли можно заставить человека говорить правду, если он этого не хочет.

— А как тебя звали в детстве? Мотя?

— Почему Мотя? Бабуля даже маленького звала меня только Матвей Арсеньевич! «Матвей Арсеньевич, на горшок пожалуйста! Матвей Арсеньевич, пойдите спать, пожалуйста!» Друзья меня тоже по имени-отчеству звали. Дать мне прозвище удалось только тебе!

Катерина рассмеялась. Пожалуй, это была единственная правда из его биографии.

— Говори, что ты там замутил с Майклом! Какая такая математика?

— Обыкновенная математика. Я что, дурак, отказываться от заработка? Его бабка мне платит сто долларов за два часа!

— Кто такой Федорыч?!

— Что-о?!

— Я слышала твой разговор с неким Федорычем по телефону! Ты обещал ему довести до конца какое-то дело!

Мат-Мат вдруг сорвался с полки, промчался мимо Катерины, и, чуть не сбив ее с ног, вылетел во двор.

— А-а-а!!! — заорал он, кинулся плашмя в холодную сырую траву и начал по ней кататься.

— А-а-а! — заорал истошный голос со стороны огорода.

— А-а-а! — с перепугу заорала и Катерина.

Они замолкли все трое одновременно, уставившись в полутьме друг на друга.

В предрассветных сумерках Катерина узнала в огромной бабе, стоявшей посреди огорода, Парамоновну.

— Ах, это вы, — воскликнула Парамоновна с явным облегчением. — А я в туалет пошла, вижу — баня топится, решила посмотреть, кто это тут, что это тут... а это вы... А где Роберт Иванович? А... кто это?..

Мат-Мат успел нырнуть в баню и натянуть свою юбку.

— Роберт Иванович убит, — сказала Катерина.

— А-а-а! — истошно откликнулась Парамоновна.

— Да. И я его наследница.

— А-а-а?! — сменила интонацию тетка.

— А это... это... это... следовательно! — брякнула вдруг Катя, указав на Мат-Мата. — Он приехал расследовать обстоятельства жизни и смерти Роберта Ивановича. И вот... захотел помыться!

— Да, я следовательно, — подтвердил Мат-Мат. — И действительно захотел помыться.

— О-о-о, — протянула Парамоновна, и было непонятно, что она имеет в виду. — А? — ткнула она пальцем в юбку Мат-Мата.

— Пройдете, гражданочка! — казенным голосом приказал он и указал на дверь в дом.

— Фу-у!!! — обессиленно выдохнула Катерина и потащилась за ними.

Что делать? Как спасти ситуацию? Они специально приехали в ночь, чтобы не очень «светиться» в деревне. Она ненадолго задержалась в сенях, стараясь унять дрожь в руках и коленях. А когда вошла в комнату, то застала странную картину: Мат-Мат мерил шагами расстояние от стенки до стенки, а Парамоновна с видом примерной ученицы сидела на краешке стула.

— Катерина Ивановна, выйдите из помещения, у меня допрос! — глянув на нее, строго проговорил Мат-Мат.

От неожиданности Катя кивнула и громко произнесла:

— Как скажете, гражданин начальник!

Выйдя во двор, она присела на прохладные ступеньки крыльца и беззвучно захохотала, уткнувшись в колени.

Через час на крыльце появился Мат-Мат, потирая довольно руки. За минуту до этого из дома выскочила Парамоновна и огородами умчалась к себе.

— Класс, бэби! Я кое-чего разузнал! И как до тебя доперло обозвать меня следователем?!

— Черт, — вдруг вспомнила Катерина, — а ведь у меня подписка о невыезде!

— А ты не ори на каждом углу о своем выезде, и все будет нормально, — посоветовал Мат-Мат. — Послушай лучше меня. Уж раз так приключилось,

бэби, что я следователь, то... я использовал эту возможность. Ну, порасспрашивал для порядка сначала про Роберта твоего. Она сказала, что представить не может, что кто-то мог Роберта убить. Он был удивительно неконфликтным, щедрым и добрым человеком. Я спросил, не знает ли она человека с татуировкой — крестом на пальце, она ответила, что не знает. Подтвердила, что был у Роберта сын приемный, но в тюрьме погиб, про жену Ирину рассказала, про Мартина-солнышко тепло отзывалась. Когда я понял, что ничего нового она не расскажет, то перевел разговор на бабу Шуру.

— Бабу Шуру?!

— Ну да. Есть же какая-то связь между бабкой твоего Сытова и семьей Пригожиных! И кому как не деревенским кумушкам о ней знать! Но, бэби, она ничего такого не знает! Она поклялась, что Пригожины и бабка никогда не общались.

— Чему же ты радуешься?

— Ближайшая и единственная подружка бабы Шуры жива!

— Этого быть не может! Столько не живут!

— Живут, бэби! Некоторые отдельно взятые бабули живут! Они просто забыли, в каком году родились, поэтому не в курсе, что пора помирать. У этой прозвище «Черепеха Тортилла», она не помнит, что было вчера, но отлично воспроизведет события октября семнадцатого года!

— События октября семнадцатого года кто угодно отлично воспроизведет, — буркнула Катя. — Нам бы попозже! Ты уверен, что бабка не в глубоком маразме и сможет что-нибудь рассказать?

— Уверен! Нам должно повезти. Зовут ее Матрена, фамилия Лушкова, живет... в общем, я знаю, как дойти. Вперед, бэби!

Домик оказался точной копией избушки бабы Шуры. Он тоже стоял на окраине, тоже почти врос в землю, и около него тоже росло чахлое деревце.

— Сейчас очень рано, бабка, наверное, спит, и мы напугаем ее, — сказала Катерина Мат-Мату.

— Брось, бэби! — заглянул в мутное маленькое оконце Мат-Мат. — Для древних старушек не существует ни ночи, ни дня. Они совсем по-другому чувствуют время.

— Откуда ты знаешь? — шепотом поинтересовалась Катя. — Откуда?

— Читал.

Он толкнул полусгнившую дверь, и волна затхлого запаха ударила в нос. Они прошли через сени, заваленные каким-то хламом. В маленькую, жарко натопленную комнатенку Катерина шагнула первая. Там, у печки, сидела старуха и смотрела на пляшущий огонь. Она опиралась на кочергу, положив

на сцепленные руки маленькое, сморщенное личико. Волос у нее совсем не было, и ее голова напоминала большое яйцо. Наверное, старуха и правда как-то по-особому воспринимала время, потому что прошла почти минута, прежде чем она подняла выцветшие глаза и уставилась на Катерину. Ей стало страшно и захотелось убежать.

— О! Явилась, смертушка! Долгонько шла! — воскликнула старуха вполне чистым голосом.

— Я не смертушка, — обиделась Катерина. Из-за ее спины вышел Мат-Мат.

— Ой! Две смертушки! — хихикнула бабка и кочергой помешала угли в печке.

— И я не смертушка! — громко объявил Мат-Мат. — Мы, бабуля, пришли расспросить вас о житье-бытье.

— Значит, не время еще убираться! — шумно вздохнула бабка.

— Не время, — Мат-Мат уселся на длинную скамейку, Катерина осторожно присела рядом.

— А зачем вам мое житье-бытье? — резонно поинтересовалась бабка и опять ловко поворошила кочергой угли в топке.

— А мы журналисты, пишем о долгожителях! Вы — Матрена?

— Я? Матильда! Матреной меня деревенские лохи кличут.

— Отлично! Матильда, дадите нам интервью?

— А почему девка черная?

— У нее папа негр.

— А почему у тебя ногти на ногах крашеные? — Бабка кочергой указала на открытые сандалеты Мат-Мата. — Педрила, что ли?

— Нет, — растерялся Мат-Мат.

— Не ври. Раз журналисти, значит — богема, а раз богема, значит — педрила. Кокаин нюхаешь?

— Нет, — еще больше опешил Мат-Мат.

— Жаль, я думала, угостишь. А то я последний раз в девяносто втором белую пыль нюхала. Парень такой странный приезжал, коки дал, да как про Шурку услышал, к ней и убежал.

— К кому?! — в голос заорали Катерина и Мат-Мат.

— К Шурке, подружанке моей. Да померла она давно! Как тот парень уехал, так и померла на следующий день.

— Вот с этого момента, пожалуйста, поподробнее! — попросил Мат-Мат. — Что за парень, откуда приезжал, что расспрашивал, почему к Шурке побежал?!!

Бабка помолчала немного и стала рассказывать.

— А что, у меня тайн нет, а те, чьи тайны я хранила, давно уж на том свете, так что слушайте. С Шуркой дружили мы всю жизнь и никогда не ссори-

лись. Ее беды — мои беды, ее радость — моя радость. Она всю жизнь тута прожила, но по молодости в Москву на заработки ездила, прислугой у богатых ходила. А потом большевики к власти пришли, и ездить она перестала. В деревне осела, огородом жила. Замуж вышла за Петра, золото, а не мужик был: не пил, не бил, не гулял, работал как конь, все в дом тащил. Только Шурка в Москве-то себе полюбовника завела, и вроде расстались они, но тот вдруг стал сюда к ней наезжать. Он при царском режиме за кражи сидел, а при Советской власти его вроде как отпустили, а, может, и сам удрал. Звали его Ефим Иванович Бу... ба... ра..., тьфу, старая стала!

— Бурабон! — подскочила со скамейки Катерина.

— Точно, девка, Бурабон! Любовь была у них сумасшедшая. Шурка от своего мужа убегала, и они здесь, в моей хате встречались. Вот. А потом... жуткая произошла история. Стала Шурка мне вдруг говорить, что скоро от Петра своего уйдет, и уедут они с Ефимом за границу. Что будут жить счастливо и очень богато. У Ефима баснословные деньги скоро появятся, и ей плевать, где он их взял, хоть и украл. У них даже день отъезда назначен был! И вот как-то вечером прибегает ко мне Шурка, плачет, в истерике бьется. Еле ее отпоила, чтобы говорить смогла. А она твердит только: «Убил, убил!» Кто убил, кого убил? Ничего я понять не смогла, догадалась только, что один из ее мужиков другого порешил. Взяла я Шурку под мышки, на ноги поставила, говорю, пойдём к тебе, разберёмся, что к чему. «Не-ет!» — заорала она и в обморок хлопнулась. Да так хлопнулась, что головой о скамейку ударилась. Я ее на кровать перетащила и потопала к ней на хату.

Прихожу, дверь в избу открыта. Я у порога потопталась, позвала Петра. Молчок, никто не отвечает. Захожу — пустая изба! Никого! Я на улицу, в огород, тоже никого. Тогда догадалась в палисадничек заглянуть. Темно уже было, но то, что увидела, никогда не забуду. Недалеко от клена яма вырыта глубокая, а у ямы человек с лопатой в руках лежит. Я к нему, смотрю, Петр это, Шуркин муж. А в яме... в яме, детоньки мои, Ефим лежит, и дырка у него в башке огромная, прямо на лбу! Страшно мне стало, я Петра за плечи трясу, а он мычит что-то. Кое-как поняла, что плохо ему с сердцем стало. Он старше Шурки-то лет на двадцать был! Я говорю ему: «Ты Ефима убил?» А он: «Давно знал, что гуляла она с кем-то, да все поймать не мог. А тут пришел домой, а они милуются. На меня смотрят и с усмешечкой говорят, что уедут вместе далеко-далеко, начнут новую счастливую жизнь! Я в морду этому отродью дал, а он, бандит, пистолет выхватил. Шурка испугалась и на руке у него повисла. Я пистолет выбил, схватил и выстрелил. Хорошо, Шурка убежала, а то я бы и ее...» Тут он глаза закатил и помер. Сижу я в огороде с двумя трупами, и не знаю, что мне делать! Взяла лопату, стала яму с Бурабоном землей закидывать. Тут Шурка прибегает. Я ее

успокоила, сказала, что все умерли, нужно к этому привыкнуть и жить как-то дальше. Шурка вдруг успокоилась, стала тихой, сбегала в дом, притащила какой-то ящик железный и в могилу его к Ефиму опустила. Это его, говорит, вещички. Счастья не принесли, с ним пришли, с ним и уйдут. Мне без него, говорит, ничего не нужно!

Закопали мы Бурабона, а Петра на следующий день, как полагается, с почестями, всей деревней похоронили. Только на поминках Шурка не по нему плакала. Так она всю жизнь одна и прожила. Мальчика-сиротку только перед войной одного приютила, Сытов его фамилия была, и души в нем не чаяла. Да и умом чуть тронулась. Все казалось ей, что клен, который у нее под окном растет, это Ефим Иванович ее дорогой. Все разговаривала с ним и по стволу гладила. Говорила, что Ефим Иванович в один день с ней помрет.

— И вы все это рассказали в девяносто втором какому-то парню? — хрипло спросил Мат-Мат.

— Как же все? — строго проговорила бабка. — Шурка-то тогда еще жива была! Не могла я все ее тайны раскрывать. Это сейчас у нас год... какой? Три тысячи...

— Две тысячи, — поправил Мат-Мат.

— Эх, черт, рано растрепала! Ну, да ладно, все равно былъем поросло. А парень тот хороший был, только странный. Пришел, говорит: «Дай, бабулька, воды, а то так пить хочется, что переночевать негде». Я его в дом завела, напоила, накормила. Он Лешей назвался, сказал, что любовь у него несчастная, вот он подальше от нее и удрал. Шабашит тут неподалеку, а в Волынчиково заехал, чтобы в родных краях побывать, он вроде как в юности тут бывал. Ну, слово за слово, разговорились, я похвалила его за то, что бабу он свою в покое оставил и добиваться ее насильно не стал. Возьми, да расскажи, как моя подружка закадычная полюбила бандита Бурабона, да счастья у нее не получилось, потому что муж ее любовничка из его же пистолета и убил. Он как это имя Бурабон услышал, так подпрыгнул аж! Побелел и давай меня пытаться, где Шурка живет! Я, говорит, ейный родственник дальний, только никто об этом не знает. Я-то по дурачине и правда решила, что родственник. Объяснила, как до нее добраться. Бабы потом говорили, что и правда Шурка довольная в магазин за вином прибегала, хвасталась, родственник, мол, отыскался. А на следующий день она вдруг померла. А Лешка тот исчез, испарился.

— Как он выглядел, Лешка этот? — спросила Катя.

— А никак не выглядел. Телогрейка, шапка, а так — ни внешности, ни возраста. Крест у него только на среднем пальце был — распятие!

— Он! — заорала Катя. — Это он в нас с Марином...

— Так что, говорите, долголетие вас интересует? — хитро поинтересовалась бабка.

— Нет, уже не интересуется! Здоровья вам, бабушка Матильда! — раскланялся Мат-Мат, и они с Катей вышли на улицу.

Возвращались пролеском, чтобы сократить путь до избышки бабы Шуры. Уже орали петухи, но деревня еще спала.

— Ну, как тебе история? — спросил Мат-Мат.

— Я ничего не поняла, — пожаловалась Катя. — Кто он такой?! Зачем все это делает?! Откуда знает про Бурабона?! Значит, он и про клад знает?! Почему в нас стрелял?!

— Ты должна спросить, бэби, отчего померла баба Шура. Я думаю, этот Леша наврал, что он ее родственник. Бабка растаяла, сбегала за вином, и после распития бутылочки он стал пытаться ее, куда Бурабон спрятал ворованные драгоценности. Он же понимал — кому, как не любовнице, с которой Бурабон собирался бежать за границу, об этом знать! А баба Шура поняла, что он что-то знает про ее тайну, разволновалась и умерла. А перед смертью для Сытовых нарисовала картинку. Скорее всего, Леша не видел этого рисунка. А Сытов оказался дурак. Но во всей этой истории мне нравится другое! Сокровища принадлежали бабке Пригожина?

— Да!

— Ты — наследница Роберта?

— Да!

— Значит — они твои! И козел Сытов здесь ни при чем! Ух, как я тебя люблю, бэби!

— Гад ты! Бандит! — Катерина бросила его руку и пошла вперед. — Хочешь примазаться к моим деньгам?!

— Хочу! Ой, как хочу, бэби!

— Только сначала ты отсидишь за свои подвиги.

— Может, и отсижу, — хитро улыбнулся Мат-Мат, из чего Катерина сделала вывод, что сидеть он не собирается.

Чем ближе они приближались к дому, тем было понятнее — там что-то не так. Дверь болталась открытой, и ее трепал слабый утренний ветер. Окно в сенях... Они прибавили шаг, потом побежали. Оконное стекло было испорчено дыркой, от которой в разные стороны разбежались тонкие лучики трещин.

— Стреляли, — ошарашено проговорил Мат-Мат, пулей забежал в комнату, и оттуда раздался его свист:

— Ну, ни фиги себе!

Катерина нервно закурила сигарету и шагнула за ним.

— Здорово тут кто-то повеселился! — Мат-Мат осмотрел разгром: стол, табуретка, кровать были перевернуты, лекарства разбросаны, белье на полу, в углу валялись пустые бутылки водки, затем перерыл все вещи, обследовал пол и хмуро сообщил Катерине: — Удостоверения здесь нет. Кто-то

его забрал, — после чего выглянул в окошко и воскликнул: — Смотри, бочка стоит не так, и лопаты разбросаны! Кто-то копал здесь после меня! Копал, стрелял и пил водку!

Катя, не глядя, бросила окурок от сигареты и потянула его за рукав:

— Пойдем отсюда!

— Нет, бэби, постой... Что это? Почему дымом запахло? — Мат-Мат уставился на одеяло, куда, оказывается, упал окурок, и замахнулся ногой, чтобы затоптать зарождающееся пламя.

— Не смей! — завизжала вдруг Катерина.

Никогда в жизни у нее не было возможности закатить полноценную истерику. Это была ее премьера. Она требовала, чтобы этот дом был сожжен дотла, и больше никогда не вмешивался в ее жизнь. Она так и сказала зачем-то:

— Это премьера.

— Да, ладно, бэби, — пробормотал Мат-Мат. — Хорошо! Успокойся. Пусть будет по-твоему! У меня тоже дебют — я никогда не пускал «красного петуха»! — Он проделал какие-то странные манипуляции, и огонь разгорелся уверенно, затрещал, съедая старое одеяло, как оголодавший пес кусок свежего мяса.

— Бежим! — сдернул он ее с места, и они, выскочив на улицу, помчались, держась за руки, через поле.

— Стой! — Катерина захотела убедиться, что огонь не передумает и сделает до конца свое дело.

Они остановились, и, тяжело дыша, стали смотреть, как огонь набирает силу, как клубы черного дыма поднимаются вверх, как занимается пламенем старый, засохший клен.

— Бурабон горит! — крикнула Катя.

— Ефим Иванович почил, — констатировал факт Мат-Мат.

— Пожар! — заорал кто-то со стороны деревни, и послышался разногласный собачий лай.

Катерина с Мат-Матом опять помчались, даже не помчались, а полетели, потому что земля была не под ногами, а далеко внизу, рядом же — облака и птицы. Так они бежали, пока она не уткнулась носом в ворота своего дома.

И тут неожиданно в глубине ее сумки заверещал мобильный телефон.

— Алло! — неохотно ответила Катерина. — Что?! — Она уставилась на Мат-Мата: — Это тебя! Это Майкл!

Мат-Мат взял трубку и поговорил отрывистыми «да-да».

— Нам надо срочно вернуться домой, — сказал он Катерине, нажав на отбой.

— Срочно? Так распорядился Майкл?! Откуда он знает мой номер телефона?!

— Бэби, нам нужно уехать. Я потом тебе все объясню! — Мат-Мат достал свои женские шмотки, парик, переоделся и быстро покрасился.

— Что, Майкл не может решить задачку по математике? — К горлу подкравшись обида и слезы. Ее опять используют «втемную». Она опять не понимает, что происходит. Как тогда, с Сытовым, тринадцать лет назад. — Что происходит? — заорала Катя. — Или вы теперь с Майклом банда?! Ведь он прекрасно знает, кто ты! Не думай, что я полная дура. Он видел, как ты выскочил тогда из пикапа, он сказал тебе, в какой квартире я проживаю, он пытался наутро меня шантажировать тем, что знает, кого я скрываю! Ты ввязал мальчишку в свои дела?! Используешь как связного? Что происходит?!!

Мат-Мат собирал вещи молча, и это был совсем другой Мат-Мат: не дурашливый, не понимающий, не потакающий ее глупым капризам. Это не с ним она летела над полем, не с ним расправлялась с Ефимом Ивановичем Бурабоном в обличье старого клена...

Весь обратный путь они ехали молча. Катерина твердо решила — марионеткой в чужих руках она больше не будет. Черт с ним, с этим Мат-Матом, она расплатится с ним парой «цацек» и занесет в длинный список в графу «развлечение».

Лифт не работал.

Стеклянная будка была пуста.

Они потащились наверх, соревнуясь в молчании.

— Больше ты сюда не придешь, — крикнула Катерина, едва они шагнули в квартиру и вытрясла из его дамской сумочки ключи от своей квартиры.

— Еще как приду, бэби, — усмехнулся Мат-Мат. — Закройся, никуда не ходи и никого не впускай до моего появления! Помни, ты наверняка желанная мишень для парня с крестом на среднем пальце.

— Я позвоню в милицию и расскажу, в каком обличье ты разгуливаешь по городу! Я расскажу, что ты вовлекаешь несовершеннолетних в свои преступления! И про Сизого расскажу, и про уран, и про Краснокаменск Читинской области! И про Федорыча расскажу!

— Вот про Федорыча не надо! — жестом остановил ее Мат-Мат. — Помни, бэби, до моего появления ты должна быть исключительно осторожна. Никуда не ходи. Ложись лучше спать, у тебя была бессонная ночь.

— Ты больше сюда не придешь!

— И еще, бэби, мне придется взять твою машину!

— Нет!!! — Катя кинулась к дверям, но он уже успел схватить ключи от машины и выскочить на лестницу.

— Учти! — свесилась она через перила. — Через пять минут всей милиции будут известны номера моей машины! Далеко не уйдешь!

— Ты мне сразу понравилась, бэби!

От бешенства Катерину трясло. Она пошла в спальню. Нет, надо сначала в душ. Она встанет под сильные струи воды и смоет с себя все прошлое. Потом позвонит в милицию и сообщит номера своего «мустанга». После этого наберет Марта Карманова и сообщит, что убийца Роберта, скорее всего, мужик по имени Леша, с татуировкой на пальце. Пусть прокуратура работает, а то ей надоело быть «невъездной». Она теперь фантастически богата, свободна и ни от кого не зависит. Она может даже бросить работу!

Но до телефона Катя так и не дошла. «Посплю маленько», — подумала она и прилегла на короткий диванчик. То, чего она больше всего боялась, — произошло.

Она осталась одна.

Мат-Мат не загремит больше на кухне кастрюлями, не заворчит, что она в обуви проходит в дом, что стряхивает пепел мимо пепельницы, а вещи швыряет в кресло. Ничего, она, наконец, уедет туда, где пальмы растут сорняками...

Ей приснился красный петух. На нем сверкало трехрядное ожерелье, а гребешком служила роскошная диадема. Петух топтался на месте и пытался что-то сказать.

— Ку-ка-ре-ку! — подсказала ему Катерина, но петух проявил своеволие и выкрикнул:

— Бу-ра-бон! □

Окончание следует.

Медицинский центр «ИЛОМЕД»

Читатели старшего поколения при слове «лазер» вспоминают знаменитый роман А.Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», а младшее поколение сразу представляет знаменитый фильм «Звездные войны»...

Поэтому очень часто пациенты при слове врача «будем лечить лазером» — судорожно вздыхают и представляют себя объятиях Дарта Вейдера.

Медицинские лазеры известны с середины 20-го века. Именно тогда изучение световой волны привело к тому, что светом можно не только убивать, но и лечить.

Солнечный свет является одним из основных факторов регуляции биохимических процессов всего живого на Земле. Без Солнца невозможно представить наше существование.

Медицинский лазер — это кусочек Солнца в наших руках. Лазерное излучение — особый вид излучения, спектр его составляет от 400 до 600 нм, при котором человеческие ткани становятся оптически прозрачны. Частицы этого света — кванты — являются тем самым лекарством, которого часто не хватает нашим внутренним органам и системам.

Внутривенное лазерное облучение крови — широко известное воздействие на организм человека с применением импульсных лазеров.

Методика ВЛОКа очень проста — введение в кубитальную вену специального катетера, и в течение 15–25 минут происходит насыщение крови частичками света.

Показания для внутривенного лазера достаточно обширны:

- хроническая аллергия (в том числе и сезонная);
- хронические заболевания внутренних органов;
- сахарный диабет 2-го типа (значительная помощь в компенсаторно медикаментозной терапии);
- хронические заболевания ЛОР-органов (тонзиллиты, гаймориты, фронтиты);
- заболевания бронхо-легочной системы (частые бронхиты, простудные заболевания, пневмонии, ХОБЛ);
- заболевания печени, желудочно-кишечного тракта;
- заболевания почек, мочевого пузыря, предстательной железы;
- гинекологические заболевания (хронические вагиниты, вульвиты, цервициты и др.);
- заболевания сосудов (облитерирующие атеросклерозы, последствия нарушения мозгового кровообращения, состояния после инфарктов и многое другое);
- синдром хронической усталости;
- герпесы различной локализации.

Конкретные примеры:

Пациент К. 42 года: «Обращался с хроническим рецидивирующим простатитом. Многократные курсы антибиотикотерапии не помогали, все больше болел желудок. Знакомый посоветовал клинику **«ИЛОМЕД»** как оптимальную в соотношении цена/качество. Грамотный уролог посмотрел, назначил ВЛОК, и я почувствовал себя лучше уже после 2-й процедуры. После окончания 10-й процедуры чувствую себя хорошо. Советую всем как абсолютно работающий способ лечения».

Пациентка О. 25 лет: «Снижение иммунитета влияло на частое появление молочницы. Свечи и лекарства принимала постоянно. Последней каплей было появление герпеса на губах. Мой гинеколог посоветовала внутривенный лазер. В Интернете нашла клинику **«ИЛОМЕД»**, обратилась в этот медицинский центр. Несмотря на то, что боюсь уколов, здесь это было абсолютно безболезненно, качественно и быстро попадали в вену. Сама процедура ВЛОК оказалась безболезненной и даже приятной. Очень быстро избавилась от молочницы, герпес на губах вместо 2-х недель исчез за 6–7 дней. Рекомендую внутривенный лазер всем!»

Пациентка М. 74 года: «Страдаю сахарами, утренние сахара, несмотря на принимаемые таблетки, доходили до 12 ммоль/л. После первого сеанса ВЛОК сахар в крови стал на уровне 11 ммоль/л, и после каждой процедуры стабильно снижался на одну единицу. А после полного курса лечения он стабильно по утрам не превышал 8 ммоль/л. Планирую повтор курса через два-три месяца».

Пациент Р. 47 лет: «Мучился хроническими тонзиллитами, горло болело очень часто. Операцию делать не хотел. ЛОР назначил курс ВЛОК — уже на второй процедуре почувствовал легкость, и горло перестало болеть. Лазер — это моя «палочка-выручалочка», тем более специалисты клиники «ИЛОМЕД» весьма квалифицированные и не назначают дополнительных никому не нужных обследований (обследован за свою жизнь с ног до головы)».

Пациентка А. 29 лет: «После развода был полный упадок сил, апатия, учащенное сердцебиение. Обратилась в медицинский центр «ИЛОМЕД». Исследования показали, что никаких серьезных заболеваний у меня нет, и мне предложили в качестве поднятия иммунитета курс внутривенного лазера. Все процедуры проводились под постоянным наблюдением врачей центра. В итоге мне вернули не только здоровье, но и вкус к жизни. Спасибо огромное! Приду еще осенью за прекрасным лазером и, конечно, к вам, мои дорогие доктора!»

Как говорится, лучшая реклама — это отзывы наших пациентов. Внутривенное лазерное облучение крови является тем самым лечением, которое не вредит, а помогает на длительное время, работает тогда, когда другие методы лечения уже исчерпаны... Перефразируя известного классика, доброе слово и внутривенное лазерное облучение помогают гораздо лучше, чем каждое из них по отдельности.

Для подробной консультации применения внутривенного лазерного облучения крови многого не нужно, достаточно придти к доктору, изложить свою проблему, и он подберет необходимое вам лечение.

Мы находимся по адресу:

ул. Земляной Вал д. 34 А, стр.1,

что напротив Курского вокзала.

Можно выйти из любого выхода метро Курская или Чкаловская или приехать на электричке на Курский вокзал, перейти дорогу, и через 5 минут вы на месте.

Медицинский центр «ИЛОМЕД» ждет вас!

Наши телефоны

+7 495-256-82-22

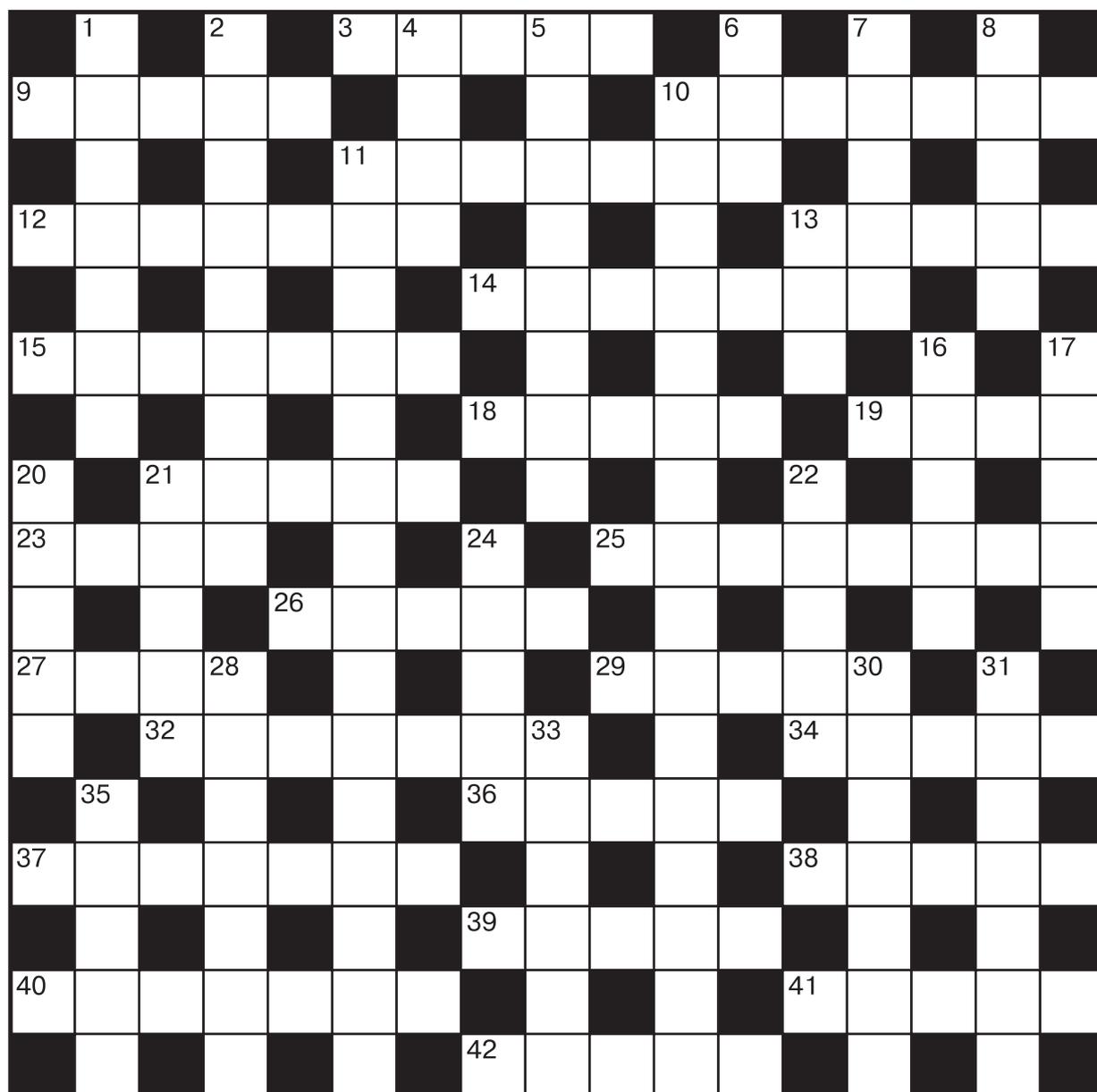
+7 985-996-44-19

P.S. Всем читателям журнала «Смена» **скидка 15%** на сеансы внутривенного лазерного облучения крови и плазмотерапии.

Скидка работает при предъявлении номера журнала с данной статьей.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Какой популярный снек резко снижает интеллектуальный уровень у детей? **9.** Трофей триумфатора. **10.** Сочинский курорт, где туристам предлагают экскурсию с посещением самой северной в мире плантации чая. **11.** Упражнения для развития гибкости. **12.** Где проходят спортивные баталии? **13.** «Тот,

кто намерен делать ..., не должен ожидать, что люди уберут все камни с его пути». **14.** Что обычно курил Юрий Деточкин? **15.** Кто «за нотой в карман не лезет»? **18.** Из-за чего пираты в мультфильме «Три богатыря и морской царь» потеряли «золотой запас»? **19.** Чеховский помещик, проевший «все свое состояние» «на

леденцах». **21.** Сражение пафосного звучания. **23.** Щелчок компьютерной мыши. **25.** Кто лучше женщин знает, как пользоваться косметикой? **26.** Голливудская дива, в юности работавшая в «Макдональдсе». **27.** Банкет светского звучания. **29.** «Отруби голову змее, и ... поползет в другую сторону». **32.** С каким героем популярного сериала соперничает демон Ахриман? **34.** Овощ, чей сок обычно подсаливают. **36.** Кто из голливудских секс-символов купил себе один из Багамских островов? **37.** Что контролирует бухгалтерия? **38.** Паспортное положение лица. **39.** Какая служба помогает письму дойти до адресата? **40.** Какой овощ, чтобы из него можно было варить конфитюр, превратили во фрукт особым постановлением ЕЭС? **41.** «Обычно ... ставит на тех, кто крепко стоит на ногах». **42.** Сомкнутый ... у военных.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Что съедают, когда ужин уже закончился, а время обеда еще не наступило? **2.** Какой измеритель «всегда под рукой»? **4.** Сценарист последней комедии

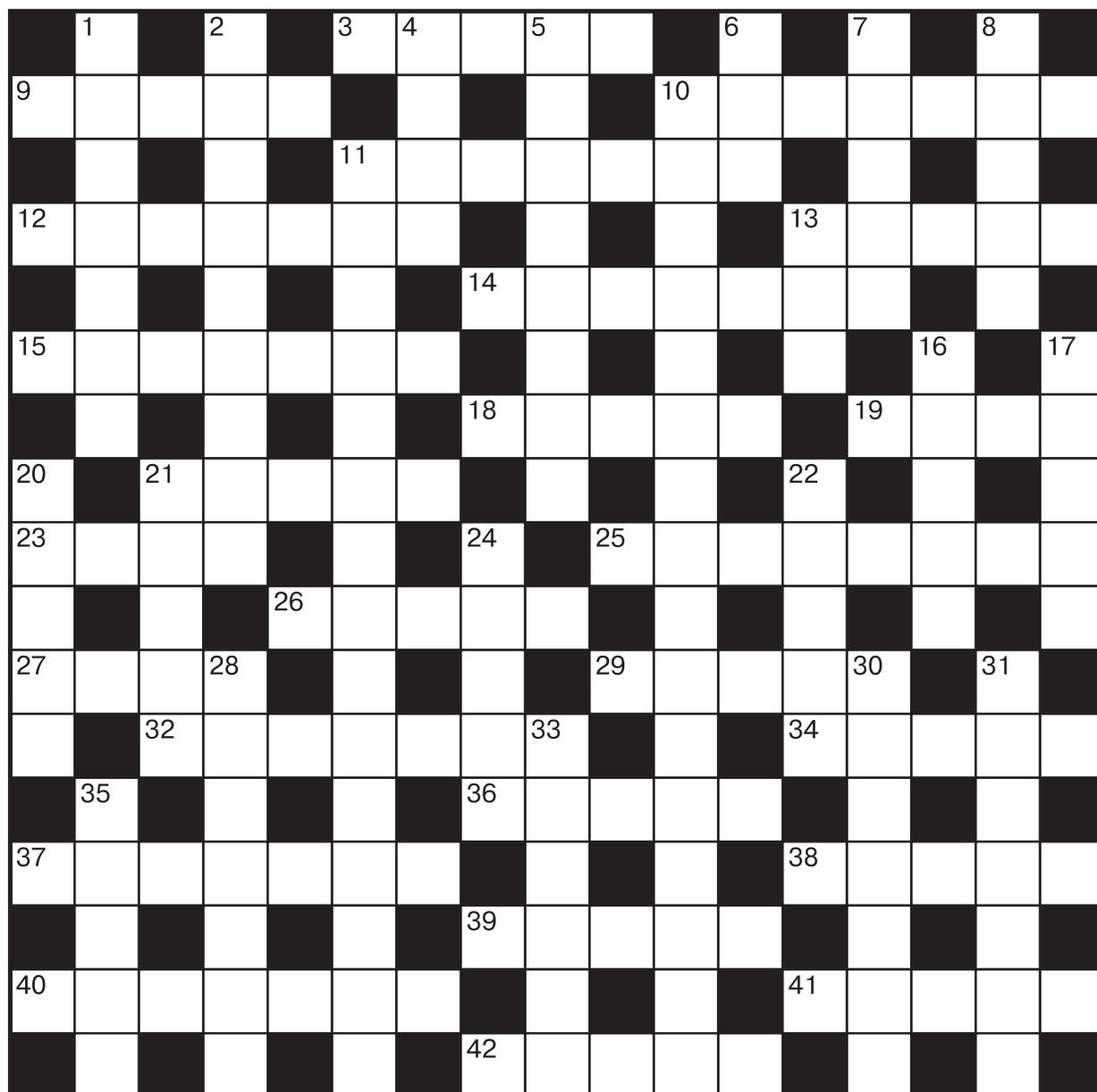
Леонида Гайдая. **5.** К чему «одна любовь на двоих» у Софи Лорен и Орнеллы Мути? **6.** Профундо с вокальной точки зрения. **7.** Из кого доктора кровь выкачивают? **8.** Какой из пушных зверьков на время сна заворачивается в морские водоросли? **10.** Канцелярские технологии. **11.** Высокая поддержка. **13.** Роман Юрия Трифонова «... на набережной». **16.** Ставка оплаты услуг ЖКХ. **17.** «Каждой женщине нравится, когда ей преподносят ..., но только до того момента, пока она не узнает, что другим дарят бриллианты». **20.** Дублинка первобытного человека. **21.** Сырье на черепицу. **22.** В чью голову великий Иоганн Гете вложил собственные переживания? **24.** Музыкальный инструмент Дживана Гаспаряна. **28.** Для какого популярного во всем мире соуса перечную массу выдерживают три года в бочках из белого дуба? **30.** Какой ветер считают самым быстрым на нашей планете? **31.** «Стайный истребитель» урожая. **33.** Удел всякой «финансовой пирамиды». **35.** Чем ароматизируют газировку?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Страх. **9.** Палех. **10.** Виндзор. **11.** Дмитрий. **12.** Темпера. **13.** Вождь. **14.** Магадан. **17.** Амбал. **20.** Ужас. **23.** Гитара. **24.** Виртуальщик. **25.** Гром. **26.** Яшма. **27.** Сфера. **29.** Арена. **31.** Гримо. **32.** Дуэт. **33.** «Баярд». **34.** Астат. **35.** Пенза. **37.** Альпы. **38.** Керлинг. **39.** Вишня. **40.** Стиль. **41.** Скандал. **42.** Табак.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Бакен. **2.** Хеопс. **4.** Тема. **5.** Астрал. **6.** «Вий». **7.** Эдмон. **8.** Дождь. **10.** Визаж. **11.** Драматург. **13.** Валик. **14.** Марал. **15.** Пурга. **16.** Давос. **18.** Маршрут. **19.** Напасть. **21.** Симферополь. **22.** Пьеро. **23.** Гимнастерка. **28.** Артемида. **29.** Амазонка. **30.** Заплата. **32.** Дарлинг. **36.** Анчар.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Духовное существо у саентологов. **9.** Армянский волкодав. **10.** Брелок в снаряжении американских копов. **11.** Какой антиоксидант в арбузном соке предотвращает повреждения ДНК? **12.** Лидирующая кинокомпания. **13.** Какая сиамская кошка скрашивала жизнь Жана Кокто в старости?

14. Капюшон с «длинным хвостом» у французов XII–XV веков. **15.** Место для замывки пораженных участников при игре в пейнтбол. **18.** Каким металлом покрыты самые дорогие перьевые ручки в мире? **19.** Сексуальное белье для дам. **21.** Самый крупный из необитаемых островов в Тихом океане. **23.** Духовный сан у му-

сультман. **25.** Самый популярный из Пяти Будд Мудрости. **26.** Царь, участвовавший не только в калидонской охоте, но и в походе аргонавтов. **27.** Анатом, восхищавший Петра Великого. **29.** Ленинградский поэт в друзьях Сергея Есенина. **32.** Кто создал Дворец Рассвета — резиденцию бразильского президента? **34.** Что в финском языке означает слово, образованное из «висеть» и «ковра»? **36.** Клиника по восстановлению. **37.** Итальянская герцогиня. **38.** Какой лук высаживают под яблоней, чтобы уберечь дерево от вредителей? **39.** Осло пять веков назад. **40.** Боярские земли, ставшие Москвой. **41.** С кем из патриархов МХАТа Владимир Маяковский встречался в ночь перед самоубийством? **42.** Бокал для игристых вин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кто из высших партийных бонз узнал себя в Швондере на погибель Михаилу Афанасьевичу? **2.** Канонический час после вечерней трапезы. **4.** «Пятая стихия» алхимиков. **5.** Ангельский синоним. **6.** Древнее укрепленное жилище в

Ирландии или Шотландии. **7.** Японский золотой. **8.** Бог, чьим именем названы сады Петергофа. **10.** Каждый из тех, кто видит путь к бессмертию в оцифровке нашей нервной системы. **11.** Чем порой не брезгают Усыня, Дубыня и Горыня из фэнтези «Таня Гроттер и магический контрабас»? **13.** На каком острове Геракл влюбился в царевну Халкиопу? **16.** Предсказание на древнерусский лад. **17.** Застежка, скрытая клапаном. **20.** Итальянец в составе экипажа на плоту «Ра». **21.** Компьютерная программа. **22.** Забавная шутка на молодежном сленге. **24.** Соавтор проекта «Золотого дома» императора Нерона. **28.** Кто придумал для Анны Ахматовой прозвище Акума? **30.** Самая маленькая китайская провинция, прозванная «Восточные Гавайи», поскольку расположена на одной широте с ними. **31.** Что открыл в 1583 году Галилео Галилей, обратив внимание на люстры в Пизанском соборе? **33.** На какой Альме женился Альфред Хичкок? **35.** Прозвище сосуда в одну восьмую литра для употребления пульке.

Ответы на эрудит, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Ахмат. **9.** Хюгге. **10.** Кукумби. **11.** Перелог. **12.** Бриттен. **13.** Каней. **14.** Декупаж. **17.** Битай. **20.** Адад. **23.** Габачо. **24.** Витенагемот. **25.** Атев. **26.** Ранк. **27.** Либих. **29.** Ворсо. **31.** Каган. **32.** «Сафо». **33.** Фолия. **34.** Гарен. **35.** Коккер. **37.** Бояна. **38.** Фьюзинг. **39.** Тевау. **40.** Банзо. **41.** Сериема. **42.** Гаман.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кюдре. **2.** Ягати. **4.** Хрен. **5.** «Атений». **6.** Цуг. **7.** Кураж. **8.** Абдер. **10.** Коруй. **11.** Периферик. **13.** Кабат. **14.** Дахау. **15.** Хашар. **16.** Гавел. **18.** Галаган. **19.** Воркшоп. **21.** Дивизионизм. **22.** Перон. **23.** Гопсвальцер. **28.** Хамонера. **29.** Вакежада. **30.** Кодокан. **32.** Селзник. **36.** Анами.

Уважаемые читатели! С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2020 года через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 132 рубля 00 копеек	За 1 номер — 159 рублей 00 копеек
За полугодие — 792 рубля 00 копеек	За полугодие — 957 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 1 месяц	Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
46 рублей 20 копеек	138 рублей 60 копеек	277 рублей 20 копеек

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 3 по 13 октября, включительно, стартует «Декада подписки». В этот период Вы сможете оформить подписку на журнал «Смена» по льготной каталожной цене через официальный каталог ФГУП «Почта России» «Подписные издания».

Подписка оформляется в любом отделении почтовой связи по всей территории Российской Федерации.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (4 категории) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовой online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

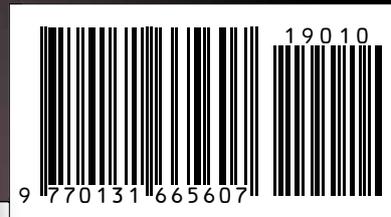

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, **КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Мы не одиноки в этом мире, нас на протяжении жизни окружают родные, родственники, друзья, коллеги по работе... Но среди них всегда есть один самый-самый... Тот, кто никогда не предаст, протянет руку в трудную минуту, найдет для тебя нужные и теплые слова, одним словом, искренне поможет и словом, и делом. Ведь, что ни говори, миром все равно правит доброта, и добрых, отзывчивых людей вокруг нас очень много.

Вот мы и решили в 2019 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Близкие люди».**

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 20 октября 2019 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2020 года. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

